Пройденный путь

1

32-3

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ

ГК 545
П 914

К ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА В ПРИУРАЛЬЕ

—

ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. ГАЛАНОВА И И. БОЙЦОВА.

ИЗД. БАШКИРСКОГО ИСТПАРТА
УФА — 1927 г.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ

К ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА В ПРИУРАЛЬЕ.

ВЫПУСК I-й.

Под редакцией В. Галанова и И. Бойцова.

ИЗДАНИЕ
БАШКИРСКОГО ИСТПАРТА.

УФА—1927.

2 экз.

К
№ 1986

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГК545
П914 р

ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ
„Октябрьский Натиск" Б. Ц. С. И. Х.

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Спец. фонд

30/06

98412

98412

3 фл. Вашглавлит № 1334. Тираж 1000 экз.

А. Кийков.

Южный Урал и Приуралье в годы империалистической и гражданской войн.

Некоторые данные к характеристике экономики края и положения рабочих и крестьянских масс.

Перед автором этих строк стояла задача—показать в сжатом очерке особенности экономики нашего края, проиллюстрировав фактами этапы ее развития, начиная с годов империалистической войны вплоть до утверждения Советской власти. К сожалению, эта задача по современному состоянию статистических источников оказалась невыполнимой: нет данных, иллюстрирующих динамику развития сельского хозяйства края в годы гражданской войны и его промышленности—за время с 1916 по 1919 год. В таких условиях пришлось ограничиться «некоторыми данными», характеризующими тот или другой момент в той или другой степени полноты. Также пришлось поступить и с вопросом о положении рабочих и крестьянских масс.

Пределы «нашего края» определяются исторически. Территория Башкирской АССР (т.-е., преимущественно: Приуралья), в грубых чертах, составилась из б. Уфимской губ., за вычетом из нее земледельческого Мензелинского уезда, горного Златоустовского и горнозаводской части Уфимского; с прибавлением части Южного Урала, находящейся в Оренбургской губ. и занятой железоделательными заводами Белорецким и другими и Зауралья с его золотомедным Баймакским районом. Отделить историю Южного Урала (Златоустовского и Уфимского уездов) от истории Приуралья невозможно: слишком долго они были связаны в пределах единой губернии. С другой стороны, как увидит читатель, по состоянию статистических источников, сколько-нибудь удовлетворительная характеристика эволюции промышленности края (за исключением Южно-Уральской—в пределах б. Уфимской губ.) мыслима, именно, в связи с территорией Башкирии, к тому же и данные по сельскому хозяйству относятся к б. Уфимской губ. без Мензелинского уезда, т.-е охватывают приуральскую часть БАССР и Южный Урал в пределах б. Уфимской губернии. Вот почему наши «некоторые данные» относятся к Южному Уралу (в пределах б. Уфимской губ., об Южно-Уральском районе в пределах Оренбургской губ. и Зауральском (Баймакском) районе—лишь несколько цифр) и к Приуралью (к приуральской части БАССР).

Что касается исторических дат, то началом гражданской войны в крае следует считать лето 1918 года, концом для Приуралья—лето 1919 года, для Южного Урала в пределах б. Уфимской губ.—осень того же года.

Влияние империалистической и гражданской войн на сельское хозяйство края и на положение крестьянских масс.

Под влиянием империалистической, а затем—гражданской войны, в СССР произошло значительное сокращение земледелия и скотоводства.

Опираясь на данные ЦСУ и применяя поверочный метод для определения недоучета посевов и сборов, проф. Огановский [1]) выводит следующие цифры посевов в миллионах десятин по СССР (без Туркестана и Закавказья и ДВО): 1913 г.—97,5 мил. дес., 1920 г.—73 мил. дес., т.-е. посевная площадь за время обеих войн сократилась на 26,16 проц. По официальным данным ЦСУ, посевы с 1913 г. до 1922 г. сократились на 39,6 мил. дес. (на 43 проц.). «Влияние мировой войны сократило их на 5½ мил. дес., гражданской и блокады—на 21,3 мил. дес., голода (1921 г.—А. К.)—на 10,9 мил. дес. С 1922 г. начинается повсеместное возрождение посевов» [2]).

Разные области пострадали различно [3]). В империалистическую войну больше всего пострадали области Сев. Кавказа, Юго-Запада, Юго-Востока (выпадение внешнего рынка) и промышленный центр (в котором масса военно-обязанных ушла в города, в «военную» промышленность, спасаясь от мобилизации). В Сибири убыль посевов была не велика, а в степном крае посевная площадь даже увеличилась (усиление потребности промышленных районов в сибирском хлебе). В гражданскую войну посевы сократились решительно всюду. Наименее пострадали районы Украины и Сев.-Востока, наиболее—северо-западные и юго-восточные. В Сибири убыль посевов была минимальной.

Что касается скотоводства, то всего скота, в переводе на крупный, в 1916 г. было 100,2 мил. единиц, в 1922 г. это количество упало до 60,8 мил., т.-е. на 40 проц. Во время империалистической войны скотоводство пострадало меньше земледелия; гражданская война отразилась на крупном скоте меньше, чем на мелком и посевных площадях; голодный 1921 год подействовал на крупный скот чрезвычайно тяжело [4]).

Подавляющее большинство населения б. Уфимской губ., по данным 1915 г.—94 проц. [5]), было занято сельским хозяйством, имевшим, преимущественно, мелкий крестьянский характер [6]). Земли по категориям владения распределялись в 1913 и 1917 годах следующим образом (в казенных десятинах). [7])

---

[1]) „Очерки по экономической географии СССР". Изд. 2-е, Москва, 1924. Стр. 155.

[2]) Там же, стр. 154.

[3]) Там же, Изд. 2-е, Москва, 1924. Стр. 170—172.

[4]) Там же, стр. 155—6.

[5]) Официальный „Обзор Уфимской губ." за 1915 г.

[6]) Сельское хозяйство—как крестьянское, так и помещичье—было чисто зерновым. Рожь, овсец и пшеница составляли 91 проц. общего количества зернового вывоза.

[7]) Историко-статистические и экономические таблицы по Автономной Башкирской Советской Социалистической Республике. Составлены Башкирским Цент. Стат. Управлением. Уфа, 1923.—Все данные в таблицах по Уфимской губ. взяты без Мензелинского уезда, что и должны иметь в виду читатели в о всем последующем изложении по сельскому хозяйству.

Категории владения / ГОДЫ	Земли частной собственности	Надельные земли	Земли учреждений	Всей земли
1913	2964736 или 30,63%	5552700 или 57,34%	1162630 или 12%	9680066 или 100%
1917	2956567 или 30,5%	5557500 или 57,4%	1162480 или 12%	9694547 или 100%

Частные собственники, в свою очередь, распадались на дворян, купцов с мещанами и крестьян, при этом в 1913 г. в руках первых было 23 проц. всей купчевой земли, вторых—12,5 проц. и крестьян—62,5 проц. в 1915 г.—21,5 проц., 12,55 проц. и 65,5 проц.). Следовательно, дворяне в 1913 г. владели 7,6 проц. всей земли, а вместе с купцами и мещанами—11,44 проц. (в 1915 г.—10,37 проц.).

Благодаря низким хлебным ценам, которые перед войной диктовал, главным образом, германский рынок, и дороговизне провоза для удаленной от портов Уфимской губернии, зерновое хозяйство в последней было бездоходным. Капиталистически организованные помещичьи хозяйства, пользовавшиеся наемным трудом, исчезали одно за другим. За последние 6 лет до 1915 г. 316 тысяч дес. помещичьих земель (дворян и купцов) перешли в руки крестьян [1]). Перед войной помещики жили, главным образом, за счет даровой крестьянской силы, сдавая часть земли ближайшим крестьянам исполу или за отработки.

В 1914 году (урожай—ниже среднего) все крестьянские хозяйства губернии (с Мензелинским уезд.) дали чистого сбора около 52 мил. пудов хлебов, помещичьи—4½ миллиона. Таким образом, край был страною мелко-трудового крестьянства.

Земля между крестьянами распределялась так (перепись 1917 года): безземельных было—7 проц., с посевом до 3 десятин—6 проц., от 3 до 5 дес.—10 проц., от 5 до 10 дес.—28 проц., от 10 до 15 дес.—17 проц., от 15 до 20 дес.—11 проц., от 20 до 30—10 проц., от 30 до 40—4 проц. и более 40 десятин—7 проц.

Итак, батраков было 7 проц., сельской буржуазии—также 7 проц.; остальные— середняки и бедняки. Малоземельных крестьян (имевших менее 10 десят.) было 45 проц.[2]).

Крестьянство искало выхода в аренде земли. Арендовали землю друг у друга, и притом в больших размерах. Сдавали в аренду многоземельные, но еще чаще сдавали землю в аренду, именно, малоземельные крестьяне, безвыходно закабаляя себя экономически сильным группам. Следующая таблица характерно говорит о том, кто брал и сдавал землю в аренду.

---

[1]) Статья Г. Реванцева в „С.-х. календаре" за 1915 г. Уфа, 1915.

[2]) При существовавшей в губернии примитивной сельско-хозяйственной технике средняя семья обеспечивалась, по обследованию земства, участком земли в 16 десятин.

Посевная площадь.	% арендующих.	% сдающих.
До 2 десятин	22	38
От 2 до 4	27	26
От 4 до 6	35	22
От 6 до 10	45	18
Более 10	60	12

Крестьянские хозяйства, в массе своей—маломощные, слабо пользовались наемным трудом (в 1917 г. только 3 проц. хозяйств,—в то время, как 30 проц. не имело своих взрослых работников). Поэтому, батраки и бедняки шли в город, на заводы, или в сельско-хозяйственные промыслы, очень развитые в губернии (ими было занято более 80 проц. населения).

За время империалистической войны площадь посева в крестьянских хозяйствах б. Уфимск. губ. (без Мензелинского у.) уменьшилась следующим образом («Истор.-стат. таблицы»):

	Уменьшение в % по сравнению с 1911 г
1911 г.—2.306.842 казен. десятин.	
1915 г.—1.989.525 » »	13,6 проц.
1916 г.—1.916.429 » »	16,9 »
1917 г.—2.129.034 » »	7,6 »

В анонимной статье о сельском хозяйстве БАССР в справочной книге «Вся Башкирия« (Уфа, 1925) приводятся цифры движения посевной площади в Башкирии за время империалистической и гражданской войн, при чем данные исчислены применительно к б. Уфимск. губ. по «Историко-статистическим таблицам». Автор статьи дает следующие цифры посевов по республике (в кв. кил.):

	Уменьшение по сравнению с 1911 г. в %.
1911 г.—31.469.5	
1917 г.—28.822.9	8,38 проц.
1920 г.—19.863.9	36,84 »

Посевная площадь за время империалистической войны сократилась на 8,38 проц. (по предыдущей таблице—на 7,6 проц.); за время гражданской войны (в сравнении с 1917 г.)—на 31 проц. Недород 1920 года сократил посевную площадь на 16 проц. и, наконец, неурожай 1921 г.—на 36 проц. Всего в сравнении с довоенным периодом, площадь посева за это время сократилась более, чем на 65 проц. После того начинается восстановление посевов (в 1923 г. увеличение на 51 проц., в 1924 г.—на 15 проц.).

Количество скота в губернии, по данным «Истор.-стат. таблиц», сократившись в 1915 г. в сравнении с 1911 г., увеличивается в 1916—1917 г.г. В 1911 г. было всего голов скота—4 461.238, в 1915—4.271.107, в 1916—5.051.342, в 1917—4.954.727. Принимая, однако, во внимание, что в то же время число селений увеличилось с 4635 (в 1912 г.) до 4902 (в 1916 г.), а число дворов в них с 386.115—до 507.794 (передвижка населения, вызванная войной, прилив беженцев, пленных)[1]) следует признать, что стадо

[1]) Естественное движение сельского населения губернии дает следующие цифры: 1914 г.—2.428 т., 1915 г.—2.315 т., 1916 г.—2 231 т., 1917 г.—2.480 т.

было подорвано империалистической войной—мнение, на котором сходятся и авторы «Итогов обследований хозяйств БАССР к с. х. выставке 1923 г.», и автор статьи «Сельское хозяйство». В гражданскую войну стадо продолжало уменьшаться, а голод 1921 г. заставил население уничтожить скот в громадном количестве. Восстановительный процесс начался лишь с 1922 года. Автор статьи «Сельское хозяйство» дает такие цифры количеств скота по Башкирской республике: в 1917 г.—6431,4 тысяч, в 1924—3462,2 (52 проц.). Даже в 1924 году стадо составляло лишь 52 проц. стада 1917 года, уже подорванного империалистической войной.

Империалистическая война существенным образом отразилась на группировках крестьянских хозяйств, значительно увеличив число хозяйств беспосевных и не имеющих рабочего скота. Это видно из следующей таблицы (данные БЦСУ, составленные на основании истор.-статистических таблиц и переписи 1917 г.):

Движение группировок в крестьянских хозяйствах по бывш. Уфимской губ. (без. Мензелинскою у.).

Годы	Всего хозяйств	Из них число хозяйств									
		По посеву					По рабочему скоту				
		Без посева	До 2-х дес.	От 2,01 до 4 дес.	От 4,01 до 10 дес.	Свыше 10 десятин	Без рабоч. скота	С 1 голов. рабочего скота	С 2 голов.	С 3 голов.	С 4 и более голов. рабочего скота
1911	386115	41270	71227	83763	126918	62937	44287	145179	103402	45948	47299
1916	406417	53338	87829	95512	125215	44523	90631	121192	112578	45112	36984
1917	427490	68189	—	—	—	—	92140	[1]	—	—	—

Число беспосевных хозяйств увеличилось, по сравнению с 1911 г., в 1916 г.—на 29,2 проц., а в 1917 г.—на 65,2 проц.; число не имеющих рабочего скота в 1916 г.—на 104,5 проц., в 1917 г.—на 109 проц.

На 100 хозяйств приходилось:

	Без посева	До 2 десят.	От 2,01 до 4 десятин	От 4,01 до 10 десятин	Свыше 10 десятин
В 1911 г. . .	10,7	18,4	21,7	32,9	16,3
В 1916 г. . .	13,1	21,6	23,5	30,8	11

[1]) Из них без всякого скота—48.157.

На 100 хозяйств приходилось:

	Без всякого скота	Безлошадных	С 1 рабочей лошадью	С 2 рабоч. лошадьми	С 3 рабоч. лошадьми	С 4 и более рабоч. лош.
В 1911 г.	5,45	11,47	37,6	27,78	11,9	12,25
В 1916 г.	7,76	22,3	29,8	27,7	11	9,1
В 1922 г.	19,62	40,04	48,67	10,02	0,99	0,28

Цифры за 1911 и 1916 г.г. взяты из «Ист.-ст. таблиц», цифры за 1922 г. приведены автором статьи «Сельское хозяйство» в сопоставлении с цифрами за 1911 г. Следовательно, мы имеем сопоставимые величины за все три года. К сожалению, цифры 1922 г. характеризуют упадок скотности в крестьянских хозяйствах под влиянием гражданской войны и голода 1921 г. в их совокупности, и выявить влияние гражданской войны особо мы не в состоянии.

Процент хозяйств без всякого скота за время империалистической и гражданской войны и голода увеличился на 14,17 проц., безлошадных—на 28,57. Уже империалистическая война подорвала мелкое крестьянское хозяйство: увеличилось число беспосевных, число не имеющих скота, число безлошадных. Она же повела к сильному сокращению сельско-хозяйственных промыслов. «Итоги обследований хозяйств БАССР к с.-хоз. выставке 1923 г.» так характеризуют влияние империалистической войны:

> «Уменьшились размеры землепользования, сократилась посевная площадь, выравнялись хозяйства многосеющие с хозяйствами малопосевными, свелся до минимума рабочий и пользовательный скот, вывелась птица».

Гражданская война углубила разорение деревни и привела к полному обеднению значительной части крестьянства: посевная площадь сокращается еще сильнее; катастрофически падает скотоводство; под влиянием обеих войн и голода 1921 г. число хозяйств, не имеющих скота, достигает одной пятой всего числа хозяйств, число безлошадных—двух пятых.

Как «технически» происходило разрушительное действие войны на крестьянское хозяйство и на положение крестьянских масс говорит нам, между прочим, эпизод с реализацией урожая 1914 года [1]).

Война, отрезав Россию от международного рынка, оставила для реализации хлебов только внутренний. Урожай 1914 г. был ниже среднего во всей Европейской России, но стоял выше среднего в Сибири. Вскоре, после об'явления войны, вывоз хлеба из Сибири был воспрещен. Это воспрещение не могло не вызвать повышения цен на обуженном войною рынке. В пределах б. Уфимской губернии урожай 1914 г. был также ниже среднего. По данным статистического бюро Губернской земской управы, чистый сбор хлебов определился следующими цифрами:

---

[1]) Эпизод изложен по письму Уфимского биржевого комитета (от 20 мая 1915 года № 633) на имя управляющего казенною палатою на запрос последней, в силу циркуляра министерства финансов от 14 апр. 15 г. № 4182, с предложением ответить на ряд вопросов о влиянии, произведенном войною (за первые 9 месяцев ее) на хозяйственную жизнь страны. Письмо биржевого комитета составлено секретарем его известным В. П. Арцибушевым—„Уральским Марксом". Дело казенной палаты № 87—1915 г., в котором находится письмо, случайно попало мне в руки.

В крестьянских хозяйствах	Число сбора в тысячах пудов	Потребно на прокормление в тысячах пуд.	Излишек (+) или недостаток (—) в тыс. пуд.
1) Беспосевных	—	3056	— 3056
2) Посев до 2 дес. .	2067	7114	— 5047
3) „ от 2 „ 4 „ . .	6042	11372	— 5330
4) „ „ 4,1 „ 6 „ . .	7076	10013	— 2937
5) „ „ 6,1 „ 10 „ . .	11710	11503	+ 207
6) свыше 10 дес.	24920	12716	+12204
Итого . . .	51815	55774	— 3959

Помещичьи хозяйства дали чистого сбора 4552000 пудов. Таким образом, при сохранении продовольственных норм, для вывоза оставалось только (4552 т.—3959 т.) 593 тысячи пудов. В начале «реализационной» кампании (сентябрь—октябрь 1914 г.) хлеб продали, с одной стороны, те группы сеящих крестьян, у которых, за вычетом продовольственной нормы, оставался больший или меньший минус, а с другой стороны,—помещики. Те и другие продали немного. Первые—потому, что много не могли продать, вторые,—не желая продавать дешево. Затем, в конце года, продавала хлеб группа экономически сильных крестьян для закупок перед праздниками. Наконец, с конца января до 20 февраля 1915 г. уполномоченный по закупке хлебов для армии приобрел большое количество ржи, овса, ядрицы, муки (всего около 3 милл. пудов) по повышенным ценам, снизив их с 20 февраля, после чего купил около 9 мил. пудов. В начале марта вывоз из губернии был воспрещен. Всего по губернии было реализовано около 14 милл. пудов, при чем одним только уполномоченным по закупке хлебов для армии было куплено и вывезено из пределов губернии около 12 милл. пуд. Откуда же взялись эти миллионы пудов, когда при сохранении продовольственных норм (тогдашняя норма—20 пудов продовольственных и кормовых хлебов) в губернии оставалась всего около 600 т. п.? На этот вопрос отвечает доклад Уфимской губернской земской управы земскому собранию «о продовольственных и семянных нуждах населения губернии»: губерния могла продать около 15 миллион. пудов хлебов, удовлетворив семянную нужду населения и *заменив хлеб в продовольственной норме его суррогатами* (картофелем и т. п.). В период с конца января до 20 февраля хлеб реализовала (по повышенным ценам) экономически сильная группа крестьянства, но не весь хлеб; остатки эта группа «ни за какие деньги» не продавала, а ссужала, впоследствии, слабой группе (уже продавшей хлеб в начале кампании по дешевым ценам), при чем платить проценты беднякам пришлось работой. По сведениям ста-

тистического бюро Уфимской губернской земской управы, размер процента «достигает уборки одной казенной десятины посева за выданный в ссуду пуд». Таким образом, результатом реализации урожая 1914 г. явилась замена в 1915 г. для беднейшего крестьянства хлеба суррогатами, т. е. ухудшение питания и кабальная зависимость от кулаков.

Вышеприведенные суровые цифры красноречиво говорят о положении крестьянских масс в годы империалистической и гражданской войн. Чтобы «почувствовать» его, вспомним, что зерновое хозяйство б. Уфимской губернии было убыточным и в довоенное время.

> «Крестьяне Уфимской губернии за свои хлопоты, за риск, неизбежные в с.-х. деле и, наконец, за долгое и томительное ожидание вознаграждения за свой труд и землю получают, в среднем, с 1 дес. ржи 2 р. 90 к. чистого дохода, с десятины пшеницы—2 руб. 88 коп., а от овса из года в год несут убыток в 10 р. 38 к. Если мы допустим, что хозяин ежегодно засевает 2 дес. ржи, 1 дес. пшеницы и 1 дес. овсом (такое распределение полей, приблизительно, соответствует % отношению площадей посева Уфимской губ.), то наш хозяин ежегодно будет нести убыток от полеводства в 5 р. ,10 к. Если в действительности крестьянин не чувствует этого, если систематические убытки, в конце-концов, все же не ведут хозяйство к разорению, то это отнюдь не может служить доказательством ошибочности наших выводов. Убыток, понесенный крестьянином от полеводства, свидетельствует только о том, что, работая в своем хозяйстве, крестьянин получает меньшую заработную плату, чем если бы он работал «в людях» [1]).

Вспомним еще, что в 1914 г. «призывы военно-обязанных не оказали ровно никакого влияния на рабочие руки (в деревне—А. К.). Это обстоятельство необходимо поставить в связь с недородом хлебов, так как крестьянин вынужден был работать за какую угодно плату, лишь бы найти заработок для пропитания до нового урожая и удовлетворения своих неотложных нужд» [2]). Ниже мы остановимся еще и на вызванном войною росте дороговизны, бившей крестьянскую бедноту.

Влияние войн на промышленность края.

Промышленность б. Уфимской губ. можно разделить на крупную—горную и горно-заводскую—Южного Урала и на преимущественно мелкую, полукустарную промышленность, охватывавшую производство по обработке шерсти, льна, пеньки, бумажной массы, дерева, металлов, минеральных веществ, животных продуктов, пищевых веществ, химические и т. д. (наибольшее значение имели заготовка и обработка леса и производства мукомольное и кожевенное). Официальный «Обзор Уфимской губ.» за 1913 год, за исключением казенных и частных горных заводов Южного Урала, насчитывает в губернии 2675 фабрик и заводов, из которых 2424

---

[1]) Доклад земского агронома Г. В. Реванцева с'езду сельских хозяев в „С.-х. календаре", изд. в 1915 г. Уфимской губернской земской управой.

[2]) Черновик ответа Уфимской казенной палаты М-ву Финансов на циркулярный запрос о влиянии войны на хозяйственную жизнь страны, упомянутое дело палаты № 87—1915 г.

не имели парового двигателя (с паровым двигат.—251). Вся эта промышленность занимала 17133 рабочих, и валовая сумма ее производства дала около 24 милл. рублей. В то же время горная (южно-уральская) промышленность в пределах губернии занимала 19008 рабочих (всего 10 заводов). Если к ней присоединить Усть-Катавский вагоно-строительный завод с 1100 раб., то окажется, что 11 крупных заводов Южного Урала занимали 20108 рабочих (в среднем, по 1828 раб. на заводе), а остальные 2674 предприятия—16033 раб. (в среднем, на предприятие приходиилось 6 рабочих). В действительности же, так как в число этих 2674 фабрик входило несколько предприятий с довольно значительным числом рабочих от 100 до 527 [1]), большинство их имело (напр., мукомольные мельницы) по 1-2 рабочих.

С другой стороны, валовая стоимость продукции одних только трех казенных горных заводов (Златоустовского, Кусинского и Саткинского) составляла около 7.300.000 рублей (относительно частных заводов сведений нет; Усть-Катавский завод дал 1.800.000 руб.).

Эти соотношения количеств занимаемых рабочих и выработанной продукции первый год войны резко изменил еще более в пользу горнозаводской промышленности. В 1915 году (по официальному обзору за этот год три казенных горных завода приготовили металлов и изделий по условным и рыночным ценам на 15½ милл. р., Усть-Катавский завод изготовил вагонов на 3 милл. р., а валовая стоимость всей остальной промышленности выразилась в сумме около 11.600.000 р.

Что касается рабочих, то 11 южно-уральских заводов в 1915 г. заняли 26.543 чел., а остальная промышленность—19.676 рабочих. Работавший на войну Южный Урал занял абсолютно господствующее положение. Число предприятий остальной промышленности в 1915 г. упало с 2674 до 2164, т. е. сократилось на 510 или на 19%, при чем сокращение числа предприятий, имеющих паровой двигатель и не имеющих его, произошло в одинаковой пропорции (число первых с 251 упало до 205, число вторых сократилось с 2424 до 2164). Но число рабочих на них поднялось с 16033 до 19676—на 22,5%, т. е. произошло небольшое укрупнение промышленности. Теперь, в 1915 г., на одно предприятие приходилось, в среднем, уже не 6, а 9 рабочих. В частности, обработкой дерева (производства лесопильное, бондарное, колесное и т. д.), в 1913 г. было занято 116 предприятий (из них—35 с паровым двигателем) с 1651 раб., а в 1915 г.—143 с 7720 рабочими. Но валовая сумма производства в рублях падает: с 1 милл. 607 тыс до 1 милл. 494 тыс. Мукомольное производство в первый же год войны значительно сократилось. Число мельниц с 1130 в 1913 г. (из них—117 с паровым двигателем) падает в 1915 г. до 770 (из них—с паровым двигателем 100). Сокращение приходится почти исключительно на небольшие мельницы с водяными двигателями. Число

[1]) 26 металлургических заводов горного района Уфимского и Златоустовского уездов—из них 15 с паровым двигателем (железоделательных, сталелитейных и чугунолитейных) с 3061 р. (в среднем, по 120 р. на предприятие), 1 суконная фабрика с 480 р., 1 стек. завод с 527 р., 1 бумажная фабрика с 183 р., 2 фабрики оловянной и свинцовой посуды с 235 р. Всего на этих 31 предприятиях работало 4486 человек. В остальной части промышленности число рабочих определялось десятками рабочих и ниже, а в среднем на предприятие приходилось 4 рабочих (11547 раб. на 2643 предприятия).

рабочих сокращается с 2500 до 1779. Валовая сумма производства падает с 2 милл. до 1½ мил. рублей. Обработкой животных продуктов (кожевенное и другие производства) в 1913 г. были заняты 277 предприятий (из них—3 с паровым двигателем) с 1076 рабочих, в 1915 г.—213 предприятий (три завода с паровым двигателем сохранились) с 863 рабочими. Валовая сумма производства в 1913 г.—621 т. р. в 1915 г.—987 т. р.

Характеризуя состояние промышленности б. Уфимской губ. в 1915 г. В. П. Арцыбушев[1]) говорит:

> «Несомненно, железоделательная промышленность, равно как и все производства, работающие на войну, [2]) приносит крупный доход, но зато все сферы промышленности, работающие на потребителя, находятся в полном застое. Следует ожидать ряда неплатежей и банкротств. И все это, несомненно, благодаря в значительной степени расстройству транспорта».

Останавлияясь, в частности, на лесной промышленности, [3]) занимавшей в губернии первое место после хлебной, В. П. Арцыбушев указывает, что «закупленные по сравнительно дорогим ценам лесные материалы, с одной стороны, благодаря расстройству парового (железнодорожного? А. К.) транспорта, а с другой,—полному застою в области строительного дела, совершенно обесценились. Лес, котируемый по бюллетеням биржи по 7 руб. 60 коп.—8 руб. на складе за штуку, идет кругом по 5 р. 20 к.».

Эта характеристика находит подтверждение в следующих итоговых официальных цифрах. Всего в промышленности губернии (за исключением 10 крупных горных южно-уральских заводов) «обзоры» насчитывают:

	Число фабр. с пар. двиг.	Число фабр. б/пар. двиг.	Число рабочих Всего	Муж.	Женщ.	Валовая сумма производства Всего	в рублях
В 1913 г.	251	2424	2675	15039	2094	17133	23980766
В 1915 г.	205	1959	2164	19086	4088	23174	14590935

Число предприятий сократилось на 18%, валовая же сумма производства упала на 39,5%. В то же время количество рабочих увеличилось на 35%, т. е. производительность труда сильно понизилась. Если принять во внимание, что в число данных предприятий «обзоры» включают и те, которые работали на войну, упадок промышленности, работавшей «на потребителя», окажется еще более резким. Понижение производительности труда в обрабатывающей промышленности констатирует и ответ М-ву Финансов Уфимской казенной палаты: кадры опытных рабочих-военнообязанных были отправлены на фронт, и их пришлось заменить менее квалифицированными рабочими.

Переходя к, доступной при данных материалах, характеристике влияния на промышленность империалистической и гражданской войн на всем их протяжении, остановимся сначала на южно-уральской горной и горнозаводской промышленности.

---

[1]) В упомянутом выше письме бирж. ком-та председателю Казен. палаты.
[2]) Напр., суконная фабр. Алафузова в Белебеевском уезде.
[3]) Цифровых данных о лесной промышленности в моем распоряжении нет.

«Самые непосредственные остатки дореформенных порядков, сильное развитие отработков, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищнически-первобытная эксплоатация природных богатств края, монополии, стеснение конкуренции, замкнутость и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени—такова общая картина Урала».

Такую характеристику дал В. И. Ленин в конце прошлого века [1]). Эта характеристика сохранила все свое значение вплоть до революции. Если в свое время, в эпоху зачаточного развития европейского капитализма, рабский труд поднял горную промышленность Урала на значительную высоту, то несвободный труд в эпоху расцвета капитализма послужил причиной ее упадка: горнопромышленный Урал, основывавший свое господство не на капитале и конкуренции, а на монополии и принудительном труде, не мог бороться с крупной капиталистической металлургией европейских стран [2]).

И после реформы 1861 г. Урал сохранил многие свои старые черты [3]): уральские заводчики и после 1861 г. остались крупнейшими землевладельцами (в среднем, каждый уральский завод владел тысяч по сто десятин земли); сохранилась и монополия—«при освобождении крестьян уральские горнопромышленники особенно настаивали и настояли на сохранении закона, запрещающего открытие в заводских округах огнедействующих заведений»; выдел наделов крестьянам из заводских дач не был закончен и в 20-м веке, а в некоторых случаях до самой революции; «средством приобретения рабочих рук» явился на Урале «не только наем, но и отработки»—крестьяне получали от заводов бесплатно или за пониженную цену право пользования землей, выгоном, лесом, а «заводы получали своих, привязанных к заводу и дешевых рабочих», работавших по неволе за чрезвычайно пониженную плату; наконец, «в естественной и неразрывной связи с низкой заработной платой и кабальным положением уральского «рабочего» стояла «техническая отсталость Урала».

---

[1]) Развитие капитализма в России. Сочинения, т. III, стр. 392—396.

[2]) В 1811 г. „все частные горные заводы были разделены на два разряда: владельческие и поссессионные. К первому разряду относятся те заводы, содержатели которых владеют ими по праву дворянства, не получив никаких пособий от казны; ко второму—те заводы, содержатели которых имеют пособия в людях, землях, лесах, рудниках или получили позволение владеть заводом и при нем крепостными людьми, не имея прав дворянства.

Образовалась, таким образом, группа поссессионных крестьян, которых правительство считало не крепостными, а особым разрядом государственных крестьян". ..."Ко времени освобождения крестьян на горнозаводских дачах жили: 1) государственные крестьяне, ни в каких обязательных отношениях к заводам не состоявшие и 2) собственно горнозаводские крестьяне. Эти последние распадались на 3 группы, которые при крестьянской реформе недостаточно были разграничены: 1) крестьяне казенных заводов, 2) крестьяне поссессионных заводов, 3) крепостные крестьяне владельческих заводов" (Яновский, „Горнозаводские крестьяне", в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона).

На Южном Урале частные заводы пользовались трудом и крепостного происхождения—в 1827 г. Балашев купил Симский завод вместе с двумя деревнями с 3249 душ крестьян—и трудом приписных к заводам крестьян.

[3]) „Развитие капитализма в России".

В таких условиях Урал быстро отстал не только от европейских стран, но и от русского южного района с его чисто капиталистической горной промышленностью. Так, в 1867 г. из общего выплавленного в быв. империи чугуна (17028 тыс. пуд.) на долю Урала пришлось 65,1%, а на Юг—0,3%; в 1902 году Урал выплавил 28,2%, а Юг—53,1% (из общего количества в 158616 тыс.). «Господство Урала было равносильно господству подневольного труда, технической отсталости и застоя» [1]). Техническую отсталость заводов Симского горного округа Южного Урала подчеркивает инструктор по контролю над металлургическими заводами *Э. С. Кадомцев* в докладе 20 июля 1917 г. в совещании Уфимской губернской земской управы (см. газету «Вперед», конец июля 1917 г.). Подробнее останавливается на этом председатель Управления заводами Южного Урала *Д. Сулимов* в своем докладе 10 июня 1920 года на конференции металлистов Южно-Уральского района. Характеризуя дореволюционный Урал, как черезвычайно отсталую в техническом отношении промышленную область [2]), он дает такую картину:

> «Уральские фабриканты и заводчики, имея под руками миллиардные запасы ископаемых, богатые лесные площади, дешевую рабочую силу (в силу особых бытовых условий уральского рабочего) и полицейскую палку, могли получать,– и действительно получали— громадные прибыли от заводов, совершенно не заботясь об их техническом усовершенствовании, строя свое благополучие исключительно на хищнической эксплоатации природных багатств и бесчеловечном выжимании соков из рабочего».

Каждый горнозаводский округ представляет замкнутую в хозяйственном и административном отношении единицу,—и притом мелко комбинированную. Каждый имел свои богатые дачи, рудники, а многие—и угольные копи.

> «Почти в каждом из них были понастроены обязательно домны, мартены, прокатные станы и проч. и почти везде только с расчетом на внутреннюю производительность округа. Таким образом, на Урале совершенно отсутствовало и отсутствует массовое производство в полном смысле этого слова».

«Урал—заключает автор доклада—*к моменту Февральской революции представлял из себя разобщенное, технически отсталое, сепаратически построенное хозяйство*» [3]).

В дополнение к изложенному выше, об'ем и характер южно-уральской горной промышленности в пределах быв. Уфимской губ. в 1913—15 г. иллюстрируется следующими официальными данными [4]). Из 10 действовавших в 1913 г. горных заводов 3 были казенные (Златоустовский, Саткинский и Кусинский), остальные—частные. Казенные заводы выплавляли чугун и изготовляли артиллерийские снаряды, шанцевый инструмент, железо листовое и сортовое, сталь и т. п. При Златоустовском заводе бы-

---

[1]) Ленин. „Развитие капитализма в России".

[2]) Всего на Урале было 38—40 горнозаводских округов с общим числом заводов до 220.

[3]) Положения „к докладу председателя Райправления тов. Сулимова конференции металлистов южно-уральского района", в материалах Башистпарта.

[4]) Упом. „Обзор Уфимск. губ. за 1913 г."—Уфа, 1915; тоже за 1915 год. Уфа, 1917 год.

ла еще оружейная фабрика, изготовлявшая холодное оружие. На Златоустовском заводе в 1913 г. было приготовлено металлов и изделий по условным и рыночным ценам на 4281352 руб., в 1914 г.—на 6779954 р. и в 1915 г.—на 11383021 р., при чем производительность увеличилась, главным образом, по приготовлению артиллерийских снарядов, холодного оружия и шанцевого инструмента (прямая зависимость от войны). В 1913 г. на заводе и фабрике работало 8133 человека, а в 1915 г.—12920. Общая производительность двух других казенных заводов в 1913 г. выразилась в сумме 3009111 р., в 1915 г.—4117203 р. Рабочих на них в 1913 г. было 4114 и в 1915 г.—4086 человек. Что касается семи частных заводов, то железные руды добывались в значительном количестве на рудниках Катавских и Симского завода; чугун выплавлялся на Симском, Балашевском и Никольском зав.; сталь и железо изготовлялись на Миньярском; металлические изделия—на Симском, Миньярском и Балашевском. На частных заводах в 1913 г. было добыто железных руд 8571479 п., в 1915 г.—9761843 п. Рабочих на рудниках и каменоломнях в 1913 г. было—1025, в 1915 г.—1297. Выплавлено чугуна в 1913 г.—3377695 п., в 1915 г.—4553401 п., меди в 1913 г.—7505 п.; приготовлено стали и железа: полупродуктов в 1913 г.—1268868 п., в 1915 г.—3137729; готовых продуктов в 1913 г.—1845082 п., в 1915 г.—1848993 п.; металлических изделий: железных в 1913 г.—5107 п., в 1915 г.—38800, медных в 1913 г.—760; отлито чугунных изделий в 1913 г.—121661, в 1915 г.—207727. Рабочих на всех частных заводах в 1913 г. было 5836, в 1915 г.—6742 (сверх рабочих, занятых в рудниках).

Некоторые стороны деятельности трех частных заводов (Симского, Аша-Балашевского и Миньярского) в 1917 году, после Февральской революции, характеризует инструктор по контролю над металлургическими заводами Э. С. Кадомцев в вышеупомянутом докладе на совещании Уфимской губернской земской управы с комиссаром правительства, делегатом из действующей армии, представителями мест и др. Владелец заводов (в это время—Симское о-во горных заводов, половина капитала которого принадлежала банкам) самым беззастенчивым порядком преследует цели непосредственной наживы. «Техническая сторона дела вполне подчинена коммерческой и поставлена плохо, как в отношении заведывания его, так и оборудования». Симский завод производил, между прочим, некоторые сельско-хозяйственные машины (веялки), нужда в которых у населения была в это время очень велика. Между тем, хотя на заводе были почти готовые веялки, их не доделывали, так как завод работал только на военное ведомство (обозные возки и пр.); сверх того, завод в то же время изготовлял разного рода чугунные формы «в запас» для продажи на другие заводы. Хотя в середине 1917 года их было сработано в запас года на два—выработка продолжалась. «Мертвым кладом лежат на заводе запасы чугуна». На двух других заводах вполне годные для работы «мирные» цеха также бездействуют; работают лишь «оборонные». На Миньярском заводе большой мертвый запас «мирного крупного железа», которое уже много лет лежит на складе. Аша-Балашевский завод перерабатывает железо второго сорта («обрезки»), в котором крайне нуждалось сельское хозяйство, на железо первого сорта. Запасов «обрезков»—констатирует докладчик—хватит на заводе на год, их берут из Миньярского завода

(своего) и покупают у других частных фирм. Пренебрегая интересами мелкого сельского хозяина, в период общей разрухи народного хозяйства, заводоуправление знало, что делает: переработка второстепенного железа в первосортное стоила заводу несколько копеек на пуд, а рыночная цена готового продукта повышалась более, чем вдвое (вместо 3 р. 20 к. за пуд завод брал 7 р. 65 к. и дороже). Докладчик предложил совещанию:

«просить о-во не переплавлять «обрезков» и не передавать для этого всего запаса «обрезков» из Миньяра в Аша-Балашевский завод; для наблюдения за этим поставить своих контролеров в Аше и Миньяре, которые отделяли бы на месте пригодные для сельского хозяйства запасы «обрезков»; затребовать сведения о запасах металлов на заводах; просить о-во не отказывать местному населению в отпуске мелких партий железа». «Все заводы могут вырабатывать для сельского хозяйства разные сорта железа, а Симский (может и должен)—доделать прежде запасы веялок».

При обсуждении доклада в совещании выяснилось, что учет металлов на Урале «далеко еще не полон». Некий спекулянт в Екатеринбурге (склад Шамаевых) продавал железо до 30 руб. за пуд, и его громадный запас в 80000 п. был открыт случайно. Уфимская губернская земская управа получила разрешение на 2000 п. железа, но до дня совещания (20 июля) не получила ни пуда. Находясь рядом с «железным» Уралом, земство пыталось получить железо даже из Екатеринослава, настолько в нем была сильна нужда крестьян. Разрешенные ей 2000 пуд. железа, вообще, очень нужны, «но для страды они уже опоздали».

Так расцветавшая, благодаря войне, питаемая казенными заказами, металлургическая промышленность Урала [1]) содействовала общей разрухе народного хозяйства.

* * *

К моменту окончания гражданской войны и утверждения Советской власти (на Южном Урале в августе—сентябре 1919 г.) заводы пришли «в окончательный упадок [2]) и имели самый жалкий вид». Уральские заводы были «обескровлены» «как в техническом отношении (эвакуация белыми оборудования и материалов всех заводов), так и в смысле обеспечения заводов живой рабочей силой (эвакуация всего технического и конторского персонала заводов и лучшей квалификации рабочих)».

Касаясь влияния войн (империалистской и гражданской в их совокупности) на остальную промышленность края, надо подчеркнуть, что в нашем распоряжении лишь два ряда цифр, иллюстрирующих количество предприятий (заведений) и рабочих на них в 1913 и в 1920 г. в БАССР. Никаких других статистических данных, рисующих динамику развития промышленности за 1916—1919 г.г., не имеется. Все архивы (горного надзора, акцизного ведомства) неизвестно куда вывезены во время граждан-

---

[1]) В докладе рабочей группы военно-промышленного комитета Уфимской продовольственной комиссии указывается, что один из горных южно-уральских заводов, приносивший до войны 10,5% прибыли, дал за 1915 год 79%.

[2]) Упомянутый доклад Д. Сулимова.

ской войны и отчасти (а может быть, и целиком) погибли. Нижеследующая таблица относится к промышленности Башкирии, т. е. в грубых чертах охватывает промышленность б. Уфимской губ., за исключением горной промышленности Южного Урала и промышленности Мензелинского у.; кроме того, захватывает южно-уральские железоделательные заводы Оренбургской губ. (Белорецкий с его рудниками и каменоломнями), Тирлянский, Зигазинский, Инзерский, Авзяно-Петровский, Лапыштинский и стекольные заводы (Оренбургской г.)—Петровский и Натальинский. Что касается Баймакского золотомедного района Башкирии, то работы на фабриках и заводах его производились с 1914 по 1916 г., затем остановились в прямой зависимости от гражданской войны (округ был ареной жестокой борьбы) и возобновились лишь в 1922 году. В таблице, в графе «золотопромышленность», в 1913 г. значится 45 предприятий с 1137 рабочими, это—все частные, сравнительно мелкие предприятия; в 1920 г. все они исчезают, указанное же в этом году одно предприятие с 400 рабочих есть Тубинская золотопромывная фабрика, начавшая работать, приблизительно, с 1915 года (сведения заведующего отделом промышленной статистики БЦСУ Х. А. Русских). Таблица, далее, охватывает лишь, так называемую, «цензовую» промышленность Башкирии, т. е. предприятия, имеющие не менее 16 рабочих и механический двигатель, или, при отсутствии двигателя—не менее 30 рабочих. Таблица составлена следующим образом. В бюллетене БЦСУ № 4 за январь 1924 г. (Уфа, 1924) на стр. 17 помещены таблицы о количестве цензовых промышленных заведений и рабочих на них за 1913, 1920 и следующие годы. Из них я беру цифры за 1920 год. Что касается 1913-го года, то БЦСУ позже издания бюллетеня, на основании новых данных, составило новую таблицу, которая и сообщена мне Х. А. Русских. Настоящая таблица представляет соединение этих позднейших данных за 1913 год с данными из указанного бюллетеня за 1920 год (лишь с несколько иной группировкой).

98412

Цензовая промышленность БАССР в 1913 г. и в 1920 г.

Группы и подгруппы производств	1913 год		1920 год	
	Число заведений	Число рабочих в них	Число действующих заведений	Число рабочих в них
I. Добывание и обработка камней, земель и глин.				
А. Добывание и первичная обработка камней, земель и глин	12	221	2	55
В. Керамическая и прочая силикатная промышленность	5	197	4	448
В. Стекольная промышленность	5	916	4	1585
Г. Цементовая промышленность	—	—	1	68

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ Спец. фонд

Группы и подгруппы производств	1913 год		1920 год	
	Число заведений	Число рабочих в них	Число действующих заведений	Число рабочих в них
II. Горная и горно-заводская промышленность.				
А. Рудная	23	2500	4	438
Б. Торфяная	—	—	4	695
В. Железоделательная	6	6029	4	2672
Г. Золотопромышленность	45	1137	1	400
III. Металлообрабатывающая промышленность.				
А. Обработка черного металла	4	925	14	1361
IV. Производство машин, инструментов, аппаратов	1	20	2	478
V. Обработка дерева.				
А. Лесопильная промышленность	36	1160	15	805
Б. Прочая по обработке дерева	5	686	16	1399
VI. Химическая промышленность.				
А. Мыловаренная и другие химические производства	2	20	2	80
Б Спичечное производство	2	70	1	52
VII. Производство пищевых продуктов.				
А. Мукомольное и крупяное	49	1354	35	1212
Б. Производства винокуренное, водочное, дрожжевое, пивоваренное и др.	36	1221	7	214
VIII. Кожевенная и меховая промышленность.				
А. Производство кожевенного товара, обработка овчин и шкур	21	411	18	538
IX. Производство по обработке шерсти	1	480	1	513
X. Обработка пеньки	1	30	2	57
XI. Одежда и туалет.				
А. Кожевенная обувь	—	—	10	588
Б. Прочие производства группы	—	—	5	466
XII. Обработка бумаги	1	183	1	237
XIII. Полиграфические производства	6	308	8	486
XIV. Производство и передача сил и водоснабжение	2	26	9	58
XV. Транспорт.				
А. Депо и железнодорожные мастерские	3	1895	8	3874
Всего	266	17895	171	18759

Прежде всего, надо оговориться, как это делает Х. А. Русских в своем об'яснении к таблицам в указанном бюллетене БЦСУ, что данные за 1920 год «относятся к моменту наивысшего разбухания промышленного аппарата при весьма низкой производительности труда». Поэтому, оперировать с цифрами числа рабочих за этот год нельзя. Остановимся на количестве предприятий. Сравнительно с 1913 годом, оно снизилось с 266 до 171. Сокращение произошло, главным образом, в горной и горнозаводской промышленности (Белорецкий Округ и Баймакский район—арена гражданской войны). В связи с гражданской войной, произошло сокращение и остальных видов промышленности, за исключением винокуренной, пивоваренной, спирто-очистительной, сокращение которых связано с империалистической войной (запрещение торговли водкою), а также бумажной (фабрика «Белый Ключ»—теперь «Красный Ключ» закрывалась во время империалистической войны) и лесной, испытавшей большие затруднения из-за расстройства транспорта уже в войну. Не следует забывать и того, что данные 1920 года дают картину уже восстанавливаемой промышленности; в 1919 году разрушение ее было еще глубже. Наконец, надо отметить, что таблица говорит только о «цензовой» промышленности. Но разрушена была и мелкая, кустарная промышленность края. Вот что говорит об этом Уфимский Губсовнархоз: «Последняя (лето 1919 г.—А. К.) эвакуация колчаковцев разрушила не только всю крупную промышленность,—она превратила в бесформенную груду обломков и кустарные промыслы, увезя самые примитивные оборудования и целые поезда кустарей в Сибирь» [1]).

* * *

Положение рабочих масс ухудшилось, прежде всего, из-за вызванной войною, дороговизны (бившей и деревенскую бедноту). Рост цен на хлеб и другие продукты питания в б. Уфимской губ. в первые 9 месяцев войны, отмечает официально губернское начальство [2]), об'ясняя его концентрацией в городах большого количества мобилизованных войск и спекуляцией торговцев. Средняя по Уфимской губ. цена продуктов колебалась:

	Пшеница пуд.	Рожь пуд.	Овес пуд.	Ячмень пуд.	Мясо пуд.	Масло пуд.	Яйца сотня	Картофель пуд.
Во 2-й половине 1913 г.	69— 87	49—67	48 - 72	67—76	489—563	13.17—14.56	167—254	18—31
Во 2-й половине 1914 г.	74— 97	39—69	39—69	67—80	407—573	13.74—15.29	148—276	17—30
В первые 3 мес. 1915 г.	96—112	74—81	79—94	85—90	474—537	14.94—15.65	268—289	31—35

[1]) Отчет Уфимского Губсовнархоза за 1920 г. Уфа, 1920.

[2]) Упомянутое дело Казанской Палаты № 87—1915 г.

К концу июня 1916 года цены на продукты первой необходимости сравнительно с январем 1914 г. возросли [1]): на мясо—на 23,9 проц., сахар—90 проц., чай—66 проц., крупчатку—126 проц., муку ржаную—107 проц., крупу—196 проц., масло топленое—126 проц., картофель—650 проц., соль—75 проц., капусту—233 проц., лук—800 проц., яйца—75 проц., молоко—150 проц., огурцы—350 проц., творог—300 проц., сметану—200 проц., табак—125 проц., спички—400 проц., мыло для умыванья—150 проц., мыло для стирки—317 проц., керосин—183 проц., обувь—212 проц., одежду—300 проц., дрова—142 проц. В среднем, цены на перечисленные продукты возросли к июлю 1916 г., по сравнению с январем 1914 года, в 3,07 раза.

В. П. Арцыбушев видит причины роста дороговизны в обесценении бумажных денег, вследствие их усиленного выпуска во время войны; в выпадении мирового рынка, диктовавшего цены на хлеб и заставлявшего продавать наш хлеб ниже его индивидуальной стоимости. При этом внутренний рынок очень расширился, прежде всего, потреблением армии («впервые крестьянин на позициях стал есть по-человечески»). Вот почему, несмотря на колоссальный урожай 1915 г., цены на хлеб не понизились, а повысились. Цена хлеба на уфимском рынке поднялась сравнительно со средней ценой за восемь предшествовавших войне лет:

	Средняя цена	В 1916 г.	% повышения.
Ржи	0,72	1,20	66%
Пшеницы	0,95	2,10	121%
Овса	0,64	1,35	111%

Из этого не следует, однако, что цена хлеба и при таком росте достигла его действительной стоимости; она только приблизилась к ней. Третьей причиной дороговизны было расстройство транспорта. Четвертой—недостаток рабочих рук и сырых материалов (бестоварье на Нижегородской ярмарке в 1916 г.). Недостаток рабочих рук в обрабатывающей промышленности и в торговле подтверждается уже в самом начале войны (дело Казенной палаты № 87—1915 г.). И, наконец, спекуляция. Конечно,—говорит В. П. Арцыбушев,—со спекулянтами, этими «акулами наживы», надо бороться. Но совсем трудно было бороться с создавшимся положением на денежном рынке, а оно-то и создавало *крупную спекуляцию*. Масса выпущенных бумажных денег, в значительной своей части, лежала в денежных шкафах банков, так как клиенты последних не проявляли желания кредитоваться, предпочитая получать проценты. Банкам оставалось спекулировать и синдицировать промышленность, перенося таким образом ответственность за повышение цен на союзы предпринимателей.

Рост числа синдикатов, особенно усилившийся в 1913 и в начале 1914 года, как будто приостановился с началом войны. Это как будто раскрывают такие факты. В Уфе синдикатов формально, юридически не было. Но фрахт от Уфы до Нижнего за время войны (речь идет о 1916 г.) увеличился втрое. Существовал ли синдикат судовладельцев? Цена на лес-

---

[1]) Доклад рабочей группы военно-пром. комитета Уфимской продовольственной комиссии, сделанный в июле 1916 года. Доклад этот составлен, как известно Е. М. Тарасовой, В. П. Арцыбушевым (материалы Башкирского Центрального Архива).

ные материалы росла не по дням, а по часам. Состоялось ли об'единение фирм, торговавших лесом?

Дороговизна, выгодная помещику, по меньшей мере, безразличная купцу и торгово-промышленному капиталисту (дорого купил, дорого продал); прямо выгодная капиталисту, промышленнику,—дороговизна била рабочих, служащих, городскую бедноту, оставшуюся без заработка и деревенскую бедноту, продававшую свой хлеб в начале сельско-хозяйственного года по определенной цене для того, чтобы во второй половине купить его по более высокой.

Вопрос о заработной плате в промышленности в пределах б. Уфимской губернии в 1914—16 г. г. достаточно полно освещен в упомянутом докладе рабочей группы военно-пром. ком-та (В. П. Арцыбушева). Если заработная плата в России в прошлом столетии не превышала минимума необходимых средств для существования, давала рабочему лишь самую возможность жить, при чем всякое увеличение цен на продукты первой необходимости вызывало забастовочную волну, то с ростом дороговизны в XX веке забастовочное движение становится особенно сильным. Тем не менее, ни 1905—1906 г. (в конечном результате, ни забастовочная волна 1908-1911 г. г., ни движение 1912—1913 г.г. не дали рабочему удовлетворительной оплаты труда: заработная плата, поднявшись номинально, реально перед войной была ниже заработной платы 1900 года. Война в предприятиях Южного Урала, работавших «на оборону», закрепила эту неудовлетворительную плату и не только выдержала ее на этом уровне в течение всего 1915 года (подниматься зарплата стала только в 1916 г.), но на некоторых заводах еще и понизила ее путем удлинения рабочего дня). Так, в результате восьмимесячной забастовки миньярцев, окончившейся [1]). поражением рабочих в июне 1914 года, при прежней плате, введен 12-часовой рабочий день (на 2 смены) вместо 8-часового (на 3 смены).

Следующая таблица дает представление о положении рабочих на некоторых частных заводах Южного Урала в 1916 году, когда заработная плата номинально поднялась:

	Средняя семья	Плата до войны		Плата в 1916 г.		Расход до войны		Расход в 1916 г.		Стоимость продукта в 1916 г.	
		р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Аша-Балаш. з. . . .	6	31	09	43	60	35	02	43	60	84	42
Миньярский з.	6	38	43	45	90	35	98	45	90	80	06
Усть-Катавский з. . .	6	32	79	37	46	32	07	37	46	73	74
Кат.-Иван. з.	6	42	61	50	08	38	24	50	08	82	80

Заработная плата поднялась в 1916 г. номинально. Реальная плата, чтобы остаться на довоенном уровне, должна была бы повыситься:

1) Указанный доклад; см. также ст. М. Коковихина „Партийная работа подполья Миньярской организации" в сборнике Башистпарта „Былое Урала" № 3, Уфа, 1924 года.

в Аша-Бал. з.—на 137 проц., повысилась на 40 проц., ниже реальной на 97 проц., в Миньяре—на 123 проц., повысилась на 20 проц., ниже реальной на 103 проц., в Усть-Кат з.—на 132 проц., повысилась на 14 проц., ниже реальной на 118 проц., в Кат.-Ив. зав.—116 проц., повысилась на 20 проц., ниже реальной на 96 проц. Итак, реальная зарплата в 1916 г. оказалась более, чем в два раза, ниже довоенной, т. е. положение рабочих ухудшилось более, чем в вдвое. Вот, что заставило рабочих Южного Урала и Приуралья прибегать к забастовкам, несмотря на висевшую над ними Дамокловым мечом угрозу—быть отправленными на позиции. Бастовали рабочие Миньяра (2 раза), Усть Катава (3 раза), Алафузовской суконной фабрики в Белебеевском у. (1 раз.). Катав Ивановский завод не бастовал: зарплата на нем до войны была на 24 проц. выше средней для трех других указанных заводов; на нем работало меньше военнообязанных; наконец, и близость завода к казенным (Златоустовскому, Кусинскому и Саткинскому, на которых заработная плата была значительно выше) заставляла владельцев несколько считаться с рабочими. Но положение и не бастовавших катав-ивановцев было далеко незавидным. Вот некоторые цифры. Рабочий 41 года, с семьею в 6 человек, зарабатывал до войны 42 р. 01 коп. В 1926 году он получал 50 р. 08 коп. До войны он расходовал 38 р. 24 коп и, следовательно, имел за вычетом расходов на удовлетворение потребностей первой категории, излишек в 3 р. 77 к. Чтобы сохранить то же материальное положение, которым он пользовался до войны, ему следовало получать в 1916 г. 90 р. 84 коп., т. е. его заработная плата должна была повыситься на 116 проц., а повысилась она только на 19 проц. Таким образом, до равенства реальных плат катав-ивановцу не хватало в 1916 году 97 проц. или 40 р. 66 коп. Если сопоставить потребление его до войны с потреблением в 1916 г. (доклад дает подробные таблицы), то мы увидим, что в 1916 г катав-ивановцу с его семьею пришлось совсем отказаться от мяса, значительно сократить потребление сахара, крупчатки, масла, крупы и молока и совсем отказаться от приправ. При возросшей стоимости одежды от 188 до 300 проц., катав-ивановец смог увеличить расход на одежду лишь на 20 проц., а на обувь—на 54 проц., при увеличении цены на 212 проц. Само собою разумеется, что пришлось почти совсем отказаться и от удовлетворения культурных потребностей (газета, развлечения и т. п.) Доклад резюмирует так:

> «Катав-ивановские квалифицированные рабочие, со своей рабочей платой в 50 руб. в месяц, балансируют пока (1916 г.—А. К.) еще на минимуме удовлетворения потребностей первой необходимости Все остальные из обследованных нами средних квалифицированных рабочих уже катятся под гору к голоду и нищете.»

Эта нищета, без всяких оговорок,—удел рабочих Алафузовской суконной фабрики. Здесь в августе 1915 г. поденная плата ткача была 75 коп., чернорабочего—40 к., женщин—20 к. и подростков—12 коп. Так продолжалось до мая 1916 г., когда, в результате пятидневной забастовки, чернорабочий получил прибавку в 10 коп., женщина—в 5 коп. и подросток—в 3 коп. (относительно ткачей сведений нет). Рабочий день остался прежний—12-часовой. Наем производится целыми семьями. Рабочая сила всей семьи продается за ту же сумму, за которую до введения машин продавал свою рабочую силу глава семьи. Так, семья ткача

получала до забастовки 1 р. 07 к. (муж, жена и подросток), а семья чернорабочего—72 коп. Если чернорабочий Уфимского железнодорожного депо получал также 72 коп., то члены его семьи все же могли зарабатывать на стороне, как самостоятельные работники. Семья алафузовца не могла повысить посторонним заработком свои 17 р. 28 к. в месяц. Депо платило 72 коп. за 9-часовой рабочий день, Алафузовская фабрика—за 36 часов (три члена семьи работали по 12 час.). Стачка дала чернорабочему-алафузовцу 90 коп. в день или 2,5 коп. в час; бюджет его поднялся в 1916 г. до 21 р. 60 к. в месяц. На эту сумму по ценам 1916 года он мог приобрести картофеля, муки, крупы, постного масла, соли и дров, но не мог покупать одежды, обуви, табаку, спичек, керосина, чаю, сахару.

Немногим лучше было положение чернорабочих Уфимского железнодорожного депо, принимая во внимание более высокие цены на продукты, квартиру и т. д. в городе. Бедствовали и чернорабочие металлургических заводов восточного района б. Уфимской губернии. Заработная плата их в 1914—1915 г. г., в среднем, равнялась 24 р. 50 к., поднявшись в 1916 г. до 27 рублей. Средняя поденная плата до войны стояла на уровне 1 р. 02 коп., в 1916 году—1 р. 12,5 к. Здесь семья рабочего жила в своем доме, расходуя до войны на пищу 76,65 проц. своего бюджета (в 1916 г. 64,07) проц., на освещение и отопление—8,98 проц. (в 1916 г.—16,3 проц.), на обувь и одежду—14,37 проц., (в 1916 г.—19,63 проц.),—тогда как алафузовец затрачивал на пищу 95 проц. И здесь рабочий не видел мяса как до войны, так и в 1916 г., в котором сверх того, в виду дороговизны, исчезли из его бюджета сахар, крупчатка и молоко. При вздорожании продуктов первой необходимости в три с половиною раза, чернорабочие за два первых года войны получили ничтожную прибавку, и низы фабрично-заводского пролетариата быстро опускались к нищете и одичанию. Таких рабочих в районе б. Уфимской губ. доклад насчитывает до 3000 человек.

Что касается квалифицированных рабочих Усть-Катавского, Миньярского и Аша-Балашевского заводов, то средняя заработная плата их в 1916 году была 42 р. 32 к., а до войны—34 р. 10 к., в то время, как до войны стоимость «набора» необходимых продуктов потребления определялась в 34 р. 86 коп., а в 1916 году—в 79 р. 41 к. Чтобы реальная плата оставалась на довоенном уровне, номинальная должна была увеличиться в 2,28 раза (повыситься на 127,80%),—в действительности, она повысилась только на 24,1%. Таким образом, реальная плата среднего рабочего этих трех заводов в 1916 г. оказалась ниже довоенной на 103,7%, т. е. положение рабочего ухудшилось вдвое. Из своего потребления этот рабочий должен был выкинуть мясо и крупчатку, уменьшить в 3 раза потребление сахара, в 4 раза-крупы, в 4 раза—керосина; сократить на полсажени потребление дров и т. д.

Наконец, средняя оплата городского рабочего (в предприятиях города Уфы) до войны стояла на чрезвычайно низком уровне—24 р. 03 к., в среднем, для мужчины и 10 р. 52 к.—для женщины. Забастовок в городе не было. Номинальная зарплата городского рабочего за время войны (к 1916 году) в процентном отношении поднялась очень высоко (на отдельных предприятиях—на 125, 143 и даже 156%). Но если взять абсолютные величины зарплаты городских рабочих в 1916 г., то только в одном предприятии (Уфимское лесопромышленное т-во) зарплата была

выше платы рабочих Катав-Ивановского завода. Во всех остальных городских предприятиях (металлургический завод Гутмана не был обследован) рабочая плата была ниже плат на вышеуказанных трех южно-уральских заводах. Особенно тяжелым было положение рабочих спичечной фабрики Дудорова, эксплоатировавшего, преимущественно, подростков (средняя плата их до войны—7 р. 8 к., в 1916 г.—11 р. 85 к., взрослые получали до войны 16 р. 20 коп., в 1916 г.—39 р. 15 к.). Если взять даже наилучше оплачиваемых городских рабочих—электрической городской станции,—то и их положение в 1916 г. было, по существу, отчаянным. В то время, как заработная плата их поднялась за два года войны на 57% (с 28 р. 56 к. до 44 р.), стоимость продовольствия повысилась на 156%. Во всех городских предприятиях, кроме трех, реальная заработная плата за время войны упала; в трех предприятиях она осталась на довоенном уровне (напр., на фабрике Дудорова) «для не менее реального нищенства».

Подводя итоги, доклад так характеризует положение рабочих гор. Уфы в 1916 г.:

> «Г..г., об'езжая разбросанные в лесной глуши заводы Урала, мы нигде не встречали, за исключением разве только Алафузовской фабрики, такого одичания и тупости, какое наблюдалось здесь при свете электрического освещения и других благ городской цивилизации.
>
> Мелкое производство города дало возможность предпринимателям высосать из рабочего всю его духовную мощь, как представителя определенного класса. Забитая нуждой и доведенная до потери способности к протесту, масса эта не знала стачек, она покорно шла к вымиранию через муки голода и нищеты».

Невольно является вопрос: как удалось предпринимателям в пределах целой губернии понизить, приблизительно, вдвое реальную плату рабочим, несмотря на все возраставший недостаток рабочих рук? Как мирились рабочие с таким обнищанием, что держало их на работе почти без протестов? Об'яснение—в условиях военного времени: военнообязанные должны были или служить в предприятиях, работавших на войну, или итти в окопы. Администрация завода, увольняя рабочего, тем самым отсылала его на позицию. Чувство солидарности связывало, разумеется, всю массу рабочих. Вот почему рабочая масса удерживалась от протестов, от забастовок. Правда, военнообязанным рабочим разрешалось переходить из одного предприятия, работавшего на оборону, в другое, но массовый переход был невозможен, а единичный затруднялся краткостью недельного срока. Наконец, «немое соглашение» администраций заводов выталкивало в окопы протестанта, изменявшего данному заводу. Доклад констатирует факт отсылки на позиции шестерых рабочих. Вот почему на Южном Урале и в Приуралье забастовочное движение прорывалось на отдельных заводах только тогда, когда положение рабочих достигало максимума невыносимости.

Необходимо отметить еще, что война вызвала усиленное применение, особенно плохо оплачиваемого, женского и детского труда, это также повело к ухудшению общего положения рабочих масс. Абсолютное число женщин, занятых в промышленности б. Уфимской губ. (за исключением горной-южно-уральской) поднялось с 2094 в 1913 г. до 4088 в 1915 г., т. е. увеличилось вдвое. В 1913 г. число женщин составляло 11,7% общего количества рабочих, в 1915 г. оно поднялось до 17,4%.

Некоторые выводы.

1. Под влиянием империалистической войны, в б. Уфимской губернии сократилась площадь посевов, уменьшились размеры землепользования, выравнялись хозяйства малосеящие с хозяйствами многопосевными, увеличилось число беспосевных хозяйств, число не имеющих скота, число безлошадных; сельско-хозяйственные промыслы пришли в упадок; положение беднейших и средних крестьянских масс, в силу этих причин, а также в виду все возраставшей дороговизны, становится крайне тяжелым: крестьянство приходит к разорению. «Отсюда [1]) в 1917 г. создается острая напряженность, обычное русское массовое ожидание чего-то,—накопление горючего материала для политических и экономических движений, нарастание инстинктивных стремлений политически разрубить этот экономический Гордиев узел и т. п.».

2. Гражданская война повела к дальнейшему разорению деревни и к пролетаризации значительной части крестьянства—посевная площадь сокращается еще сильнее; скотоводство падает катастрофически; под влиянием обеих войн и голода 1921 года число хозяйств, не имеющих скота, достигает одной пятой всего числа хозяйств, число безлошадных—двух пятых.

3. В империалистическую войну горнозаводская промышленность Южного Урала, работавшая на войну, расцветает; владельцы заводов получают неслыханные барыши; работая исключительно на войну, заводчики не выпускают на рынок нужного крестьянину дешевого железа, необходимых ему орудий и т. п., еще более подрывая его хозяйство.

4. Промышлинность, работавшая «на потребителя», ощутительно падает уже через год войны: уменьшаются и количество предприятий, и валовая сумма производства.

5. Гражданская война привела южно-уральскую горнозаводскую промышленность в совершенный упадок: заводы были «обескровлены» технически эвакуацией колчаковцами оборудования и материалов; эвакуация технического персонала и квалифицированных рабочих лишила их живой рабочей силы.

6. В результате империалистической и гражданской войн, число предприятий остальной (т. е. за исключением южно-уральской в пределах б. Уфимской губ.) цензовой промышленности края (БАССР) сокращается с 261 до 171, т. е. на 35,7%.

7. Гражданская война разрушила не только крупную промышленность края, но и кустарные промыслы—целые поезда кустарей и самые примитивные оборудования были увезены в Сибирь.

8. Положение рабочих масс за время империалистической войны, за исключением некоторых предприятий, работавших на войну (казенные южно-уральские заводы и некоторые другие) ухудшилось до невыносимости: реальная заработная плата падала вместе с ростом дороговизны. К стачкам рабочие прибегали редко, вследствие права заводчиков отправлять протестантов-военнообязанных на фронт; это связывало не только военнообязанных, но, из солидарности с ними, и остальных рабочих.

[1]) И. Подшивалов. „Гражданская борьба на Урале 1917—1918".

Г. Касымов.

Материалы к истории движения среди татар и башкир б. Уфимской губ. в дни Февраля и Октября.

I.

Уфимская губерния в дореволюционные годы считалась крестьянской. По статистическим данным, на 1 января 1914 года 94% всего населения губернии составляли крестьяне, 3%—кустари и лишь остальные 3%—прочие классы и группы. Татарское и башкирское население входило, главным образом, в состав первых двух групп. Любопытны цифры, касающиеся экономического положения дореволюционной деревни. Оказывается, громадное большинство крестьянского населения состояло из бедняков и середняков. В 1916 году 52% всех крестьянских хозяйств губернии были безлошадными или однолошадными (безлошадных—23,7%, однолошадных — 28,7%); 38,8% середняцких (27,7% двухлошадных, 11,1% трехлошадных) и лишь 9,1% составляли хозяйства, имевшие 4-х и более лошадей. Татарское и башкирское население и, в этом отношении, преимущественно, входило в состав первых двух групп, последняя же группа состояла из хозяйств русских, немцев, латышей, украинцев и других национальностей.

Обеспеченность населения землею была чрезвычайно пестрой: татары, в особенности, так называемые, тептяри, мещеряки, испытывали крайнюю нужду в земле. Что касается башкир, то они не столько страдали от недостатка земель, сколько от чрезвычайных неудобств территорий, на которые они были оттеснены колонизаторской политикой царизма.

Промышленных рабочих среди татар и башкир до революции было мизерное количество, да и те, кто попадали на предприятия, никакой квалификации не имели, занимая, так сказать, «черные» места, рабочих высшей квалификации среди них почти не было.

В промышленности губернии ни татары, ни, тем более, башкиры, не играли никакой роли. Если не считать нескольких мыловаренных и кожевенных заводов, нескольких мельниц и других мелких предприятий, то в руках татарской буржуазии не было никаких промышленных предприятий. Зато в торговом капитале удельный вес татар был весьма значителен. Более того: в последние годы империалистической войны татарский капитал едва ли не играл роль гегемона в губернии.

Выше было сказано, что как башкирское, так и татарское крестьянство, в большинстве своем, входило в состав бедняцкой и середняцкой групп. Крупных землевладельцев среди татар было очень мало. Дворяне (мирзы) за последние годы лишались своих земель и имений и, чаще всего, поселялись в городах, поступали, в качестве чиновников, в государственные учреждения, исполняли роль «культурных руководителей» (по тогдашнему выражению: «общественных деятелей») среди татарского населения.

Культурный, в особенности, политический уровень татарско-башкирской части населения губернии в то время был крайне низок, права и

возможности получать образование в средних и высших школах они были почти совершенно лишены. Попадали в эти учебные заведения единицы, да и то дети буржуазии, дворян и мулл. Своих же светских школ у татар и башкир до Октября не было вовсе. Нечего и говорить, что ни татары, ни башкоры абсолютно не допускались к делу управления. И это—несмотря на то, что Уфа в прежние годы считалась вторым после Казани культурным центром татар. Руссификаторская, великодержавная политика царизма меньше всего имела в виду подымать уровень «инородцев», меньше всего, конечно, благоприятствовала их общественным устремлениям.

Впрочем, то обстоятельство, что в Уфе имело постоянное местопребывание Центральное Духовное Управление всех российских мусульман («мусульманское духовное собрание»), придавало этому городу в глазах татарской буржуазии характер религиозно-национального центра.

II.

Февральскую революцию татарская и башкирская национальности встретили с неописуемым восторгом. Мудрено-ли? Ведь, подавляющее большинство в составе этих народностей принадлежало крестьянам, находившимся под двойным прессом: классового и национального угнетения. Ведь, Февральская революция свергла царизм, с которым были связаны притеснения, издевательство, экономическое закабаление, положение народов-париев... Но законы классовой борьбы, разумеется, и здесь сказались. Сущность совершившегося революционного акта не была сразу осознана крестьянством. Его руководитель—рабочий класс еще не был подготовлен к захвату власти, а деревня, особенно татарская и башкирская, естественно, не могла воспользоваться плодами побед. В результате, случилось то, что произошло по всей России. Февраль дал «власть» в руки национальной буржуазии, которая, главенствуя везде и всюду, руководя всеми собраниями и с'ездами, начала командовать общественным мнением большинства населения. В частности, если говорить о башкирском движении, то уже имеющиеся в настоящее время всесторонне проверенные, появившиеся в виде отдельных трудов или тезисов, материалы свидетельствуют о том, что не только после Февральской революции, но и после Октября башкирским населением долгое время руководила его национальная буржуазия, баи и муллы. Близкое к этому положение мы имели и среди татар, населявших бывш. Уфимскую губернию.

Поднявшиеся февральским валом на поверхность, национальные мирзы (дворяне), деревенское кулачество и муллы первое время охотно декламировали на революционные темы, но неизменно аппелировали при этом к аллаху. Издававшаяся в тот период в Уфе на средства известного татарского миллионера Гибадуллы Усманова, газета «Тормуш» (кстати, единственный в то время орган печати в Уфе), в передовой статье номера от 5 марта, озаглавленной «Слава богу, и этот день мы увидели», писала:

> „Так беспощадно давившая (с треском) в своих когтях население России и нас, мусульман, и упивщаяся нашей кровью, ядовитая сила гнетущего ига, наконец, разрушилась. Мучавшая нас в течение веков духовными и нравственными, превышающими и адские страдания, муками, злобная сила, слава богу, отправилась в геенну. Бросившая под ноги самые священные факторы, как религия и нации, давя

и растаптывая их, надругавшаяся над ними, она, эта ядовитая сила, бог даст, в дальнейшем уже не сумеет снова поднять головы. Солнце свободы засветило теперь и Россию; бог даст, вместе со всем российским народом, и верноподданные России—двадцатипятимиллионное мусульманство, одинаково (наравне) будет пользоваться (воспользуется) этим солнцем свободы, бог даст... Да здравствует свобода!."

Эти «слава богу», «бог даст», сочетаемые с отходной кровавому режиму Романовых, очень характерны для мусульманской буржуазии и духовенства. Но следует тут же оговориться, что, наряду с этой, по крайней мере, искренней радостью, внушенной падением царизма, со стороны отдельных слоев мусульманских буржуа, в особенности, обломков старого феодализма, наблюдалась и явная оппозиция Февралю, и неприкрытая симпатия свергнутому строю. Упомянутая «Тормуш», например, передает следующую речь, произнесенную одним буржуазным деятелем на первом митинге, устроенном, после Февральской революции, специально для мусульман города Уфы:

«Смещенный с поста губернатор, получив известия о том, что престол Николая начинает расшатываться, пригласил к себе членов духовного управления и просил их срочно оповестить мусульманское население о текущем моменте и издать от себя по этому поводу обращение к населению. Кази (члены духовного управления) согласились и обращение это написали. Приведенная в конце обращения выдержка из Корана: «Твердо выполните принятую вами присягу,—иначе вы ответите перед богом» достаточно ясно свидетельствует о том, что обращение призывало мусульман к защите старой власти. Обращение это было передано уже в типографию муфтия для отпечатания, но лишь вследствие того, что революционные события меняются слишком быстро, оно осталось неотпечатанным и нераспространенным. Вообще, то обстоятельство, что некоторые из членов духовного управления спешно переписывались с некоторыми муллами из черной сотни в сельских местностях, и подобные факты ясно показывают, что духовное управление в эти дни пыталось принять зависящие от нее меры, чтобы спасти монархию... Но было уже поздно. Революция делает свое дело: и монархию, и ее опоры она сваливает, сметает с основания и уносит в своих могучих волнах навсегда.

III.

Нации своим оформлением, несомненно, обязаны капитализму; однако, тот же капитализм, по мере своего развития, деформирует их. Классовые противоречия капиталистического общества все резче и резче очерчивают грань между эксплоататорским меньшинством и эксплоатируемым большинством. Растет антагонизм двух основных классов капиталистического общества - буржуазии и рабочего класса. «Национальное единство», в силу этого, совершенно беспочвенное, превращается исключительно в ширму, необходимую аппарату буржуазного государства для осуществления своих целей: борьбы за рынки и источники сырья, подавления и угнетения рабочего класса, сельской и городской бедноты.

Мусульманская буржуазия, захватившая, в результате Февраля, руководство движением, естественно, также пытается всеми силами затушевать неустранимые противоречия. Ее цель понятна: разряжать силу клас-

совой борьбы внутри своей нации. Ее орудие—обычное: национально-религиозная дымовая завеса.

Пресловутая газета «Тормуш» в одной из своих статей, посвященных раз'яснению задач, поставленных революцией перед мусульманским населением (в № от 7 марта) писала:

> «В условиях этих важных событий и момента и на на-, российских мусульман, на ряду с нашими соотечественниками, возлагаются весьма большие задачи, наше первое дело (точнее: нам первым долгом необходимо), отбросив в сторону споры консерваторов и новаторов, правых и левых, об'единиться всей нацией в одну душу, в одно тело. Действуя лишь об'единившись таким образом, мы полностью выполним возложенные на нас в такой важный, как теперь, момент историей задачи".

Под этим глубоко лицемерным лозунгом «в одну душу, в одно тело» в первые же пофевральские дни проводится множество собраний, с'ездов и митингов; под этим же лозунгом начинают создаваться национальные организации. Первой из таких организаций, возникших среди мусульман бывшей Уфимской губернии после Февральской революции, явился «Комитет распространения среди мусульман идей гражданства». Деятельность этого комитета, весь устав которого заключался в стремлении популяризировать нужный буржуазии лозунг, развивается в те дни с неимоверной быстротой. В течение нескольких недель комитет покрывает своей сетью не только уездные города, но и многие селения губернии. Нет нужды доказывать, что эти очаги затемнения классового сознания не мало поработали над тем, чтобы вытеснить лозунги борьбы проповедью национального «мира».

Этот «мир», однако, продолжается недолго. Вступают в свои права пореволюционные будни. В порядок дня жизнь все более повелительно ставит такие коренные проблемы, как аграрный вопрос, отношение к войне. Теряя почву, лозунг «в одну душу, в одно тело» лишается и своей действенности. Он все меньше и меньше впечатляет. «Национальное единение»?—А земля? «Отбросить споры консерваторов и новаторов»?—А война, во имя каких целей, в чьих интересах она ведется?.. Не прошло и нескольких недель после революции, как внутри нации появилась сильнейшая оппозиция, выступавшая против «великого» лозунга. Возникшая под наименованием «Партии татарских социалистов-революционеров», эта оппозиция, впрочем, представляла из себя ни что иное, как левое крыло того же национального буржуазно-демократического фронта. Ее программа, конечно, ни в какой мере не была программой пролетарской борьбы.

30 марта 1917 года группа приступила к изданию газеты «Ирек» («Воля»). Мелкие буржуа, рядовое чиновенство, приказчики, интеллигенция, некоторые рабочие элементы начинают сплачиваться вокруг этой газеты, руководящей ею группы и проводить организованные выступления. Находившиеся в то время в Уфе, военнослужащие мусульмане и их военный совет в дальнейшем также действуют вместе с этой группой. На правом фланге остаются национальные крупные буржуа, мирзы, литературные деятели, почти все муллы и их штаб—духовное управление. Словом, идея «единства» терпит крах. Национальная буржуазная демократия раскалывается на две части, на сцену выступают правая и левая группы этой демократии.

13—17 апреля происходил губернский с'езд мусульман Уфимской губернии. Борьба правых и левых к этому времени приобрела уже острые формы. По ряду вопросов, рассмотренных с'ездом, оппозиция решительно выступала против правого крыла. Особенно примечательна полемика по одному из самых спорных вопросов повестки—об отношении к войне. Аргументы левых во многом совпадали с большевистскими лозунгами.

Вот, что по этому поводу писал «Ирек».

„Одним из вопросов, вызвавших самые оживленные (горячие) споры на губернском с'езде, был, несомненно, вопрос об отношении к войне. Мнение „Комитета распространения идей гражданства" (т. е. правых) по этому вопросу, сводясь к тому, чтобы присоединиться к постановлениям Петроградского с'езда рабочих и солдатских депутатов, заключалось в призыве к признанию необходимости дальнейшего продолжения войны во имя сохранения завоеваний революции. От имени левых против этого выступает т. Ибрагимов, который, доказывая, что для рабочих и крестьян никаких выгод от войны ни в коем случае не получится, что в случае продолжения войны, родине и революции угрожает опасность (ибо) государство охвачено разрухой (нищетой), что население дальше не в состоянии выносить этого, что с точки зрения национальных интересов продолжение войны в течение одного дня, одного часа означает гибель нескольких тысяч турко-татарских юношей, – призывает людей смотреть открытыми глазами (т. е. быть бдительными) и вносит предложение, что постановление с'езда по этому поводу должно заключаться в выражении: „долой войну!" Большинство участников с'езда, безусловно, было того же мнения. Но, тем не менее, благодаря ловкому маневру президиума, с которым он провел постановление, эти пожелания не могли вылиться в форму постановления данного с'езда".

Еще более ожесточенный характер приобретает борьба обеих групп на выборах в Уфимскую городскую думу. Верные своим целям, правые выдвигают лозунг: «Во время выборов мусульмане должны действовать сообща (самостоятельно), отнюдь не раз'единяясь! Отсюда: конкретное решение—выступить с отдельным мусульманским списком. Встречным лозунгом левых было: «избираемые от мусульман представители в вопросах классовых и экономических должны следовать программе социалистов (С.-Р. и С.-Д.)». Отсюда—решение: отдельного списка мусульман не выпускать, а, присоединившись к списку кандидатов, выставленному блоком упомянутых партий, призывать мусульманское население голосовать за него.

Против программы левых орган консерваторов «Тормуш» открывает провокационную кампанию. В статье по этому поводу (№ 677) газета пишет:

„Эти люди, повидимому, думают сделать (превратить) всех мусульман социалистами. По их мнению, мусульманское население, 80—90% которого состоит из демократии, будто бы, должно действовать вместе лишь с социалистами и следовать только их платформе. В этих выборах также они привязались опять к хвосту русских. Выставить список кандидатов в блоке (вместе) с ними (т. е. с русскими) и за этот список голосовать,—таково их решение. За исключением того, что они—продавцы интересов нации, продажные, мы ничего другого о них сказать не можем".

В ответ на это «Ирек» (в № 26) писал:

„Последние номера газеты „Тормуш", издаваемой принадлежащим к классу крупных буржуа Гибадуллой Усмановым, почти целиком полны нападками на татарских социалистов-революционеров. Мы это

встречаем с чрезвычайно большой радостью и поздравляем „Тормуш“ с тем, что она сняла со своего лица покрывало и открыла (показала) свой истинный облик. По нашему, это вполне естественно. Не открывать против нас кампании провокации газета Гибадуллы Усманова не может. Ведь, под словом „представитель мусульман должен следовать программе социалистов“ кроются опасные положения вроде того, чтобы городское управление охраняло (защищало) права бедноты, рабочих и приказчиков, платежи возлагало на богачей, а бедноту от них освобождало. Какой же мусульманский богач согласится с этим, да и как ему не поднимать дубины на социалистов, которые стремятся направить на такой путь представителей мусульман?

Вот почему эти колкости „Тормуш“ мы находим весьма уместными и говорим, что это должно было быть так. По этому поводу нами много писалось, много говорилось, и теперь также, обращая грязь, брошенную на нас буржуазией, обратно на нее самое, мы еще раз повторяем наше основное мнение в этом вопросе.

Весь мир, все нации в классовой, экономической борьбе разбиты на два лагеря. Это—железный закон жизни. Сколько бы вы ни мучились, сколько бы вы ни старались вводить народ в заблуждение, вы со временем будете вынуждены бросить ваше оружие (капитулировать). Мусульманская буржуазия отойдет к классу мировых капиталистов, а беднота—рабочие, приказчики (из мусульман)—к стороне, где поднято знамя социализма. Одними вашими замаскированными речами, вашими беспомощными статьями не смогут быть об'единены эти два класса, созданные самой жизнью“

На выборах левые одержали крупную победу. По списку блока в городскую думу прошло 79 их представителей—тогда, как правым удалось провести всего лишь 5—6 человек. (!)

IV.

В мае—июне 1917 года «Комитеты распространения среди мусульман идей гражданства» прекращают свое бесславное существование. Вместо них, от губернии и уездных городов вплоть до селений, образуются национальные шуро (советы). Созываются собрания, уездные и губернские с'езды этих советов. Борьба двух флангов находит для себя широкую арену в качестве правого и левого крыла национальных шуро. Наиболее острые периоды борьбы совпадают с моментом подготовки к выборам в Учредительное собрание. Борьба происходит вокруг избирательных списков и платформы. Правое крыло национальных буржуа и тут продолжает следовать по своему старому пути, выдвигая необходимость сохранения единства мусульман и компактного их выступления на выборах. Но консерваторы и здесь терпят поражение: левые решают выступать самостоятельно, башкиры также—со своим списком кандидатов. Правое же крыло составляет отдельный список и именует его «списком мусульманского единения».

Одним из самых спорных вопросов в период предвыборной борьбы является вопрос о федерации. История этой проблемы берет свое начало от Всероссийского мусульманского с'езда, происхсдившего, вслед за Февральской революцией, в Москве. Правое крыло национальной буржуазии на этом с'езде выступало в защиту унитаризма, яростно отбиваясь от лозунга федерации, защищавшегося левыми. После с'езда, не решаясь уже ратовать открыто за унитаризм, правые прибегают к новому маневру. Выбросив лозунг «национально культурной автономии», они, пользуясь дымовой завесой, продолжают выступать против сторонников федерации.

В условиях бывшей Уфимской губернии, это, прежде всего, вело к борьбе татарской национальной буржуазии против башкир. Последние еще на Московском с'езде выступили с предложением о национальной автономии. Усматривая в этом движении удар по единству «великой тюрко-татарской нации», правая группа открыла против башкирского движения и его сторонников отвратительную по своим методам кампанию. Для иллюстрации можно привести следующий факт.

25—29 августа в Уфе происходил с'езд представителей башкир Уфимской, Оренбургской, Самарской, Вятской и Пермской губерний. С'езд имел целью резрешить вопросы, связанные с организацией отдельных башкирских национальных шуро, духовного управления и выдвинуть список кандидатов на выборы в Учредительное собрание. Находившийся в то время в Уфе временный центр «национально-культурной автономии» решил всеми мерами противодействовать этому. На с'езд высылается особая делегация в составе муфтия Галим Джяна Эель-Баруди, кадета Садри Максудов и Гадия Атласова со специальной миссией призвать башкирских представителей: «обратиться к правильному пути», «не разрешать единство мусульман, поддаваясь влиянию пропаганды кучки безответственных людей», «не отклоняться от братьев своих-татар, с которыми они веками жили во взаимных об'ятиях». Вся эта лицемерная проповедь, однако, не действует. С'езд не слушает «делегатов» и выгоняет их при криках «долой, чтобы следов ваших не было!».

«Тормуш» по этому поводу (в № 726) пишет:

„Небольшая кучка белых костей (подумаешь: сами—„черные кости"! Г. К.), заразившихся манией стать великими людьми (т. е. занять высокое положение), проявляет различную инициативу для того, чтобы отделить собратьев наших башкир от общей массы российских тюрков и мусульман, с которыми они веками об'единены под знаменем тюркизма и мусульманства и составляют единую нацию единой крови. Выдвигая сначала вопрос о башкирских землях, башкирских суммах и, наконец, то, что родом (происхождением) своим башкиры отличаются от тюрков внутренней России, они выставляют теперь сладкую иллюзию о необходимости специальной для Башкурстана территориальной автономии. Начали клеветать, что российские мусульмане в общей своей массе, общественные деятели Уфимской губернии, в частности, не соблюдают интересов собратьев своих—башкир. Инициаторы этого раскольнического движения, вызвав в г.г. Оренбург и Уфу несколько десятков башкир, устроили (провели) сходы (собрания), с'езды. Заражая (возмущая) на этих сходах людей, они на выборы в Учредительное собрание выставили (наметили) особый для башкир список, во главу которых себя и записали".

Далее, излив целые потоки лжи и грязи, газета заключает:

„Во всяком случае, башкирские авторитеты (уважаемые из башкир), духовенство не допустят этого движения, этой анархии; они не допустят, чтобы об единенные веками собратья точили друг на друга ножи. Если же, наоборот, положение это и раскол будет продолжаться, то ответственность перед историей падет на этих башкиристов (сторонников обособления башкир)".

«Ирек» (в № 35) ответил:

„Весьма разнузданно выступает газета „Тормуш" в своем номере от 30 августа против башкирских федералистов. Ужасно жалеет

она двухмиллионное башкирское население, и, утирая кулаком слезы жалости к их движению, заявляет, что представление (права) федерации одним лишь башкирам, населяющим Уфимскую, Оренбургскую, Самарскую, Вятскую и Пермскую губернии, это—лишь сладкая иллюзия и является бессмысленной утопией, могущей быть выдвигаемой только людьми невменяемыми и идиотами.

Так издевается она над законными стремлениями башкирского народа; поскольку они, башкиры, игнорируют настроение бородатых детей, очевидно, вопрос и принял такой оборот".

О своем принципиальном отношении к этому вопросу «Ирек» (в № 34) пишет следующее:

„Хотя о том, что Башкирией начато движение, что проводилось несколько с'ездов мы и читали, но в виду пребывания вне ее территории, правильного представления о мощи и основах этого движения мы не имели. Думалось, что это—грезы, бред пяти-десяти фанатичных башкир, не имеющих представления о положении текущего момента; даже и на ум не приходило, что оно представляет собой могучее движение. Побывав же на их с'езде и ознакомившись с характером их суждений, постановлениями, духом и организациями, мы взгляд наш на этот вопрос совершенно изменили и вынуждены об'явить в категорической форме, что движение Башкирии—это не шуточное дело. Это—сильная волна, вышедшая из недр жизни; мы, татары, сегодня или завтра будем обязаны с ним считаться".

В период предвыборной борьбы этот вопрос вызывает между правым и левым крылом татарского национального фронта крупнейшие скандалы. Первоначально дискутируется принцип: должны ли делегаты в Учредительное собрание стать на защиту федерации, или же выступить против нее. Правые—естественно, за последнее. Позднее вопрос принимает конкретные формы.

Осенью 1917 года в Уфе правым крылом национальной буржуазии было созвано национальное собрание в целях практического осуществления пресловутой «национально-культурной автономии» (утверждения основных законов автономии и избрания центрального национального управления). Ко времени открытия этого с'езда из Казани приехали федералисты с проектом образования отдельной области под названием «Волго-Уральский штат». К проекту присоединились левые уфимцы, и предложение в такой форме было внесено в национальное собрание. Для правых это оказалось неприятнейшим сюрпризом. Их сокровенным планам был нанесен сильный удар. В результате, с'езд вынес два, явно противоречащих друг другу, постановления. С одной стороны, вынужденный считаться с наличием сильных федералистических тенденций и настроений, с'езд утверждает названный проект, с другой стороны, рассмотрев также вопрос о «национально-культурной автономии», которая, в связи с об'явлением территориальной автономии, казалось, совершенно должна была отпасть, утверждает ее «основной закон», так сказать, «конституцию» и, якобы для проведения его в жизнь организует «Центральное Национальное Управление тюрко-татар мусульман внутренней России и Сибири [1]). Между прочим, эта черносотенная организация, целиком состоявшая из

[1]) Товарищей, желающих получить более полные сведения о деятельности и ликвидации этой организации, отсылаю к моей книге „Что делали татарские кадеты в национальном управлении", изданной в 1918 г. в г. Москве.

представителей татарских крупных национальных буржуа, кадет—мирз и высшего духовенства, во главе с известным татарским кадетом Садри Максудовым, после Октябрьской революции была разогнана Советской властью.

Что касается башкир, то они к проекту «Волго-Уральского штата» не присоединились, а продолжали работать над осуществлением намеченной ими цели—башкирской автономии. Это движение имеет свою особую и богатую историю. Упомянутые выше материалы, рисующие этапы башкирского движения, достаточно полны и избавляют от необходимости касаться этой темы в нашем очерке.

V.

Во время работ национального собрания становятся известными и результаты выборов в Учредительное собрание.

Правые, опираясь на свои материальные возможности и, в особенности, на свою сильную, в то время, печать, открывают мощную агитационную кампанию. Вся губерния покрывается воззваниями, призывающими голосовать за список «единства мусульман». С'езд мулл, происходивший в то время в Уфе, также выносит постановление о защите списка правых и издает воззвание, обязывающее всех мулл губернии бороться за него. Но отпор низов становится все более решительным. Правым приходится наталкиваться на все более усиливающееся сопротивление.

Вот несколько выдержек из газет того времени, дающих представление о характере и остроте борьбы.

«15-го октября в селе Карамалы-Аургазинском, Стерлитамакского уезда, проводилось общее собрание районного национального шуро. Собрались представители 6 волостей. Единогласно принято решение выступить на защиту списка № 3 левой группы (Газета «Безнен-Юл», начавшаяся изданием по закрытии газеты «Ирек»)

Телеграмма из Стерлитамака:

«Мусульманское бюро гор. Стерлитамака постановило защищать список № 3» (там же).

Телеграмма из Мензелинска:

«С'ездом мусульман всего уезда, прошедшим в гор. Мензелинске, по обсуждении вопроса о тактике на выборах в Учредительное собрание, подавляющим большинством принято решение о голосовании за список № 3» («Безнен-Юл» № 8).

Такие же сообщения поступают из Белебеевского, Бирского и других уездов Уфимской губернии. Явления, имевшие место в то время в селениях, одним из корреспондентов газеты «Тормуш» описываются (в № 769) следующим образом:

> „Период выборов прошел, но дела на выборах вылились в совершенно нежелательные формы; народ принял овечью наклонность. Даже распространилась мысль о покушении на жизнь выступавших в защиту списка № 2 (списка правой группы). В результате этого, многие муллы были избиты. Я сам с трудом сумел удрать из двух селений, в одной из деревень был даже довольно сильно избит; очень возможно, что они меня и убили бы, но я сумел избежать этого, благодаря помощи одного моего товарища в солдатской шинели. В дерев-

них психология населения стала настолько пакостной, что мысль о взаимном ограблении день ото дня только и развивается; ограбить богачей готовы с минуты на минуту".

В эти же дни корреспондент газеты «Тормуш» имеет разговор с одним из членов духовного управления. «Господин кази» сообщил ему следующее: «За последнее время духовное управление превратилось в место жалоб. Вокруг происходят чрезвычайно неприятные события. Ежедневно поступает масса жалоб и заявлений о том, что в деревнях идут грабежи, избивают, оскорбляют мулл и гонят их с занимаемых мест. Главнейшая причина всего этого кроется в появлении нескольких списков на выборах в Учредительное собрание. Муллы всюду стали на защиту списка национального управления. Неблагоприятные последствия этого (т. е., появления двух списков Г. К.) изо дня в день распускают свои корни. («Тормуш» № 771).

Сообщениями подобного содержания в то время редакции газет были завалены. В результате горячих схваток, левая группа одержала победу; по списку правой группы в Учредительное собрание прошел всего лишь один мирза (дворянин), а по списку левых прошло 5 человек.

По этому поводу (в № 20), газета «Безнен-Юл» писала:

„Выборы в Учредительное собрание закончились, результаты—налицо. Списком, сумевшим провести от Уфимской губернии наибольшее число делегатов, оказался наш список".

„Результаты славны, на первом шагу борьбы мусульманская демократия оказалась победительницей. Однако, возгордившись этим, бросить оружие и успокоиться на мысли, что мы уже победили, собрав много голосов за социализацию земли, федерацию, прекращение войны, нельзя. Борьба еще не закончена,—она только еще начинается. До тех пор, пока не зародился социализм; до того момента, пока не изжиты такие несправедливости как: полуголодное существование одного класса, несмотря на беспрерывный тяжелый труд, и расточительную жизнь маленькой кучки богачей за счет крови и пота других, борьба будет продолжаться, и она обязана продолжаться. Конечной целью в вопросах экономических и политических для живущих своим личным трудом должен быть социализм. Капитуляция, отступление от арены борьбы прежде, чем эта цель будет достигнута, было бы изменой перед нашей идеей и верой.

Учредительное Собрание вскоре будет созвано. Очень хорошо, если оно немедленно прекратит войну, даст федерацию, социализацию земли и удовлетворит другие наши желания; это будет прекрасно. Народ его признает. Если же там будет выноситься постановление в интересах буржуазии, если оно не сумеет удовлетворить наши желания, то в таком случае мы должны быть готовыми низвергнуть и его".

Оставив в стороне надежды на учредилку («очень хорошо, если оно»), надо, однако, признать, что крен влево и здесь довольно заметен. Недаром левые всей группой стали себя именовать после раскола партии эсэров «татарскими и башкирскими левыми социалистами-революционерами».

VI.

Тов. Г. И. Ибрагимов в своей книге «Октябрьская революция и диктатура пролетариата» (85 стр.) пишет:

„Сентябрь 1917 года. В петроградском и московском советах правые пока составляют большинство; правительство Керенского пы-

тается быть сильным. В это время в гор. Уфе произошли крупные демонстрации групп, поддерживающих лозунг „вся власть—Советам.“ Меньшевики, правые эс-эры и их, так называемые, центровики участия в этой демонстрации не приняли. Несколько товарищей татар, работавшие до этого вместе, тоже не вышли. Но как же поступили работающие вокруг газеты „Ирек“ и идущие по их линии, военные товарища?

Для того, чтобы показать нашу мощь и влияние, мы татарские и башкирские войска и бедноту на улицах вели отдельной группой, как и на площади поставили на особое место. Товарищи, являющиеся очевидцами тех дней, никогда не смогут забыть, что свыше 10 тысяч солдат и бедняков, татар и башкир вышли в этот день на улицу и своим организованным порядком и революционно приподнятым настроением наводили ужас на весь город. Бурные аплодисменты этой десятитысячной революционной армии при словах ораторов „вся власть—Советам.“... „все это представляло такие исторические явления, которые свидетельствуют не только о пробуждении классового самосознания, но и о полной готовности к последней классовой войне“.

Факт—яркий. Он наглядно показывает, что еще до Октябрьской революции левая группа и примыкавшие к ней татары и башкиры шли под лозунгом «вся власть—Советам», и, стало быть, в вопросе об отношении к власти примыкали к большевикам.

8-е октября. В Уфе опять устраивается грандиозная демонстрация. Здесь сторонники левой группы участвуют еще более организованно. После этой манифестации газета «Безнен-Юл», в статье «Почему мы вышли на улицу?» писала:

„Целью выхода на улицу 8 октября в Уфе были: проверка сил организованных для проведения в жизнь лозунгов, которые были написаны на знаменах, поднятых в тот день; увеличение сил путем раз'яснения народу внутреннего содержания этих лозунгов и предупреждение враждебных революции и народу элементов.

Лозунги были следующие:

„Долой войну“,

„Долой политику разделения власти с богачами“.

„Вся власть должна быть только в руках Советов“.

VII.

В марте 1918 года был опубликован проект образования «Татаро-Башкирской Советской Республики», подписанный Народным Комиссаром Национальностей тов. Сталиным, Комиссаром по мусульманским делам в центре Муллануром Вахитовым и членами комиссариата Г. Ибрагимовым и Шарифом Манатовым.

„Народный Комиссариат по Национальным Делам, совместно с Комиссариатом по делам мусульман внутренней России, на основании положений о национальном самоопределении трудящихся национальностей, принятых III Всероссийским С'ездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, постановляют об образовании „Татаро-Башкирской Советской республики“ следующее:

1) Территории Южного Урала и Среднего Поволжья об'являются Татаро-Башкирской Республикой Российской Советской Федерации.

2) В основу при определении границ этой республики принимается проект, выработанный татаро-башкирскими революционными организациями. Согласно этого проекта, в состав территории образуемой республики входят: Уфимская губерния целиком, Оренбургская губерния в части, населенной башкирами, Казанская губерния, за исключением территорий ее с преобладающими чувашским и марийским населением, Пермская, Вятская, Самарская и Симбирская губернии в части их с преобладающим мусульманским населением и смежной с указанными

территориями). Окончательное и точное установление границ предоставляется учредительному Курултаю (Съезду) представителей рабочих, солдат и крестьян Татаро-Башкирской Советской Республики.

3) Вопрос об установлении политических и экономических взаимоотношений между западной и восточной (башкирской) частями Татаро-Башкирской Советской Республики представляется на разрешение того же учредительного Курултая.

4) Образование комиссии по созыву учредительного Курултая из представителей рабочих, солдат и сельского населения поручается Комиссариату по делам мусульман внутренней России.

Народный Комиссар Национальностей
Джугашвилли-Сталин.

Комиссар по Делам мусульман внутренней России
Мулланур-Вахитов.

Члены Центрального мусульманского Комиссариата:
Г. Ибрагимов и Шариф-Манатов.

Секретарь Комиссариата Национальностей: *Диманштейн.*

Москва, марта 1918 года.

Правое крыло татарской национальной буржуазии встречает проект с глубочайшим недовольством и иронией. На страницах своих газет, еще продолжавших в то время издаваться, реакционеры со злобным смехом сквозь слезы пишут, что проект является лишь ловушкой со стороны большевиков. К проекту не присоединились и лидеры башкирского движения. Некоторые из них, враждебно относившиеся к Советской власти, увидели в проекте меру, направленную против независимого движения башкир, и временами даже пользовались им в качестве орудия пропаганды против Советов и большевиков. Но массы, в особенности, татарские крестьяне и рабочие губернии встретили проект с энтузиазмом. Газета «Коряш» (в то время орган Комиссариата по мусульманским делам при Губернском Совете) по этому поводу писала:

„Об'явлением „Татаро-Башкирской Советской Республики" Советская власть выполнила свой великий и священный долг перед национальными рабочими и крестьянами. Пролетариат, хлебопашцы и вообще, трудящиеся группы (массы) тюрко-татарского населения „Татаро-Башкирской Советской Республики" отныне достигли права распоряжаться самостоятельно своей участью. Отныне, следовательно, историческая жизнь тюрко-татарского пролетариата, безусловно, положила начало периоду классовой борьбы, оставив позади эпоху борьбы национальной, и это уже является неопровержимо доказанной истиной. Тюрко-татарский пролетариат добился законного права подчинить свою национальную буржуазию и других его классовых врагов своей воле, пользуясь для этого всеми силами и средствами Советской власти.

Мы,—левые социалисты,—работали в этом направлении и твердо верили этому. В то время, когда, скрываясь под религиозными и национальными флагами,—стража интересов буржуазных классов—изменники националисты, панисламисты, тюркисты, всякие проходимцы, национальные аферисты, интеллигентные хулиганы, продажные писатели (редактора), дервиши, лориды (последователи ишанов, т. е. святых), фанатики-муллы, выкресты-мирзы,—когда все они, вытроившись в ряды контр-революционеров других национальностей, подготовляли бунты и восстания против, облеченной высшими полномочиями, власти Советов депутатов рабочих, солдат и бедняцкого сельского населения, возбуждали низости (подлости, издевательства); когда вся буржуазная пресса свои страницы заполняла провокационными сообщениями; в то время,

когда они, организуя наших солдат в национальные полки и собирая для них, во имя контр-революционной борьбы, пожертвования, воспитывали их сознание в духе религиозной и национальной вражды,—мы, левые социалисты, с полной верой в наше дело и твердой настойчивостью направления действовали идейно и на деле по пути осуществления стальными руками классовой, политической и экономической независимости нашего трудового народа".

„Пусть враги, с одной стороны, чувствуют, а с другой, боятся, что в „Татаро-Башкирской Советской Республике" мы в отношении их будем иметь (употреблять) самые твердые руки, что в своей республике мы со стальными руками установим диктатуру пролетариата. Прихвостни (приверженцы) национальной буржуазии, все эти хулиганы, спекулянты,—пусть запомнят навсегда, что их выступления против социальной революции в „Татаро-Башкирской Советской Республике" будут подавлены страшнейшими наказаниями пролетариата".

Судьба проекта, как известно, такова. В связи с началом гражданской войны, когда все внимание и мысли были направлены, главным образом, на подавление вооруженных врагов революции, вопрос этот, естественно, отодвигался на задний план. Впоследствии же, он получает разрешение не в виде «Татаро-Башкирской Советской Республики», а в образовании двух отдельных республик—Татарской и Башкирской.

VIII.

Из всего изложенного видно, что в движении татарской и башкирской национальностей в дни Февральской и Октябрьской революций на территории бывш. Уфимской губернии группа, называемая нами «левым крылом национально-буржуазного демократического фронта», играла видную роль. Тов. Г. Ибрагимов (в упомянутой выше книге) находит даже, что эта группа занимала в то время «крайне левое крыло социализма». С этим, впрочем, мы не можем согласиться. Левое крыло социализма может занимать исключительно партия пролетариата. Группа же, о которой речь идет в этом очерке, как по своему составу, так и по партийной принадлежности была лишь типичной мелко-буржуазной группой, оставлявшей левое крыло национального фронта. На этой точке зрения мы и посейчас стоим твердо. Факты ее целиком подтверждают.

Выше мы видели, что по аграрному вопросу левые явились сторонниками социализации земли. Правда, это далеко от платформы правого крыла национальной буржуазии, претендовавшей на то, что «частная собственность на землю должна сохраниться, в случае же изъятия земель помешиков, им должна быть возмещена справедливая стоимость изъятых земель и имущества»; правда, левые держатся взгляда, что «частная собственность на землю должна быть отменена, земли, а также имения помещиков должны безвозмездно, безо всякой платы перейти в руки народа»,—но все-таки это еще не большевистская линия. Весной 1918 года, на съезде батраков Уфимской губернии, при рассмотрении земельного вопроса,—насколько мне помнится—сторонники социализации земли демонстративно покинули зал заседания. Этот факт, по-моему, ярко показывает, что эта группа была значительно правее «крайне левого крыла социализма». Тем не менее, в большинстве главнейших вопросов революции, в особенности, об отношении к войне и власти она с самого начала держалась правильного курса.

Но возникает вопрос: как же это? Ведь, другие мелко-буржуазные партии, в особенности, эсеры и меньшевики, изменяли революции на всех ее этапах; ведь, их судьба завершилась полной изменой пролетариату, явным ренегатством, прислужничеством перед буржуазией! Откуда же правильный курс левого крыла национального фронта? По моему, здесь сказался ряд причин, достаточно важных и интересных, чтобы их перечислить.

Во-первых, хотя эта группа и именовала себя эсэрами, а позднее—левыми эсерами, но ни в отношении тактики, ни в отношении дисциплины она ничего общего с партией эсеров не имела.

Во-вторых, рядом с группой работает верная руководительница революции, партия большевиков. В большинстве случаев левое крыло национального фронта подпадает под влияние большевистской партии и в борьбе пользуется ее ленинскими лозунгами.

В-третьих, на тактике группы сказалась характерная черта мелких буржуа, готовых переметнутся во вражеский лагерь в период революционных отливов, но склонных бороться вместе с пролетариатом в периоды революционного под'ема.

В-четвертых, бесспорно, левизна группы определилась настроением массы, в подавляющей своей части—бедняцкой, чутко воспринимавшей лозунги: «долой войну», «земли помещиков немедленно должны быть из'яты и переданы крестьянству». Солдаты, вернувшиеся с фронтов, усиливают революционное настроение населения. Это неизменно толкает группу влево [1]).

В-пятых, придерживаясь революционной тактики по отношению к правому крылу национальной буржуазии, члены группы были, так сказать, левыми националистами (разумеется, и словосочетание, и мысль, в него заложенная, с точки зрения ленинской национальной политики, весьма чужды нам—Ред.). В постановке национального вопроса группа усматривала во всех правых партиях скрытый шовинизм.

Участие этой группы любопытно. Мы уже указывали выше, что после-происшедшего в партии эсеров раскола они присоединились к левым эсерам; когда же и эта лево-эсеровская партия изменила революции, группа совершенно отказывается от эсеровской вывески и ликвидирует свою организацию. Ее лучшие революционные элементы вступают в ряды большевистской партии.

IX.

Правое крыло татарской и башкирской национальной буржуазии с самого начала держится резко-враждебной позиции по отношению к большевикам, в особенности, к их лозунгу: «вся власть—Советам». В этом отношении, оно ни на иоту не отстает от «своих соотечественников»—буржуазии русской и других национильностей. Накануне Октябрьской революции и в самые дни Октябрьского переворота на страницах буржуаз-

[1]) Это же, однако, и устанавливает меру левизны. В то время, как партия пролетариата, его передовой отряд, *организовывала* волю рабочего класса к свержению, в союзе с крестьянством, власти буржуазии, левая группа буржуазной демократии только *отражала* настроение массы, пропитанной большевистскими лозунгами (Ред.).

ной прессы велась бешеная травля большевиков и их лозунгов. В татарских и башкирских национально-буржуазных газетах, издававшихся в то время, заведены были особые отделы, озаглавленные «под игом большевиков». Наглые выпады, грязная ложь, отвратительная клевета—вот содержание, тон и стиль этой газетной «кампании», вдохновлявшейся такими черносотенными организациями, как национальное управление буржуазии, созданное национальным собранием, и духовное управление. Не ограничиваясь одной противосоветской агитацией, реакционеры решаются в те дни и на некоторые реальные шаги. В цитированной выше книге «Что делали татарские кадеты в национальном управлении», по этому поводу есть, например, материал такого содержания:

„Как вам известно, в Уфе одно время существовал национальный полк [1]). Юнкера, стоявшие во главе командного состава этого полка, готовились поставить полк против Советской власти и начать открытое против нее выступление. Буквально все русские кадеты, церковные приходы г. Уфы и миссионер епископ Андрей с нетерпением ожидали скорейшего вооруженного выступления полка и готовились оказать ему помощь и поддержку.

Вопрос этот конкретно обстоит таким образом: уфимские кадеты Полидоров и Петр Толстой предлагают национальному полку, через посредство председателя национального управления кадета Максудова Садрея, временную денежную субсидию в размере 350 тысяч рублей. Садрей Максудов, вызвав к себе представителя военного совета, предлагает ему эту сумму и просит, при этом, его самого здесь не вмешивать, но ставит непременным условием скорейшее выступление полка против большевиков. План их в то время содержал в себе установление связи с казанскими кадетами, создание такого же положения и там и вступление в соглашение с атаманом Дутовым в Оренбурге.

Вот какие грязные планы вырабатывались в Октябрьские дни этой темной организацией татарской буржуазии, называемой национальным управлением. План, однако, остался невыполненным, благодаря лишь давлению рядовой массы полка". (стр. 32—33).

Советская власть разогнала эту черносотенную организацию. Любопытно, что мусульманское духовное управление, которого роспуск не коснулся, издает по этому поводу воззвание, явно контр-революционного содержания:

Протест духовного управления.

„Тех, кто возмущает верующих мужчин, женщин и не раскаивается, непременно постигнет кара божия в гиене; кара для них неимоверно тяжкая. (Глава „Бруджь" стих. 15). (Эта и также другие цитаты из корана приводятся на арабском языке.—Г. К.). Если дела страны (т. е. управления страной) поручаются лицам недостойным, то это означает близость конца света (из „Сахих-Эль-Бухары"—изречение Пророка).

Веками томившиеся в религиозных и национальных претеснениях, мусульманские тюрко-татары внутренней России и Сибири, находя после великой революции необходимым взять национальные и религиозные дела в свои руки, об'явили автономию и, в целях осуществления последней, созвали национальное собрание, которым было избрано национальное управление в составе трех назаретов (министерств). В сравнительно короткое время национальное управление начало приводить религиозные и национальные дела в великолепный порядок, отвечающий запросам и желаниям нации.

---

[1]) Из доклада, сделанного автором Центральному Мусульманскому Комиссариату весной 1918 года в Москве.

Сегодня, 25-го апреля, назареты финансов и просвещения из состава этого национального управления, вопреки воле и желанию нации, распущены темной силой. Оставшееся нераспущенным духовное управление об'являет категорический протест против такого деяния, совершенного кучкой людей, вопреки воле нации. Оно предупреждает лиц, совершивших эти деяния, что в ближайшем будущем они понесут величайшую ответственность перед нацией и историей.

Муфтий: Галимджан Мухамеджанович Баруди.

Кази: Ризе Фазретдинов
Салихджан Урманов
Кашшаф Тарджумани
Хужжат Махмудов
Габдулла Сулеймани
Мухлиса Буби".

Выше мы уже говорили о тех грязных деяниях против революции, желания и воли рабочих и крестьян, которые хотя «в сравнительно короткий срок», совершались организацией татарских кадетов, именуемой «национальным управлением». Открытое выступление в защиту такой черносотенной, контр-революционной организации, протест против ее роспуска, по нашему мнению, ясно свидетельствует, что духовное управление в то время также находилось на контр-революционном пути, лелея мечту о вооруженном восстании против большевиков и Советов. Отрадно отметить, что воззвание не произвело никакого впечатления на татарскую и башкирскую бедноту, которая в то время уже осознала свои интересы, уже научилась различать своих врагов и друзей. Махнув рукой, бедняк ответил:

«Разогнали, ну, и великолепно. Одним столбом контр-революции будет меньше, и только. Туда им и дорога»...

X.

Как уже говорилось, татарские и башкирские рабочие и крестьяне быв. Уфимской губернии, в огромнейшем своем большинстве, в описываемые периоды по многим вопросам, поставленным революцией, находились под влиянием партии большевиков, шли под лозунгами этой партии.

Мы пока, к сожалению, не имеем в своем распоряжении статистических данных о пооктябрьском национальном составе партии. Поэтому, мы не можем дать никаких цифровых сведений о количестве работников из татар и башкир, принимавших участие в организациях партии большевиков и состоявших в то время ее членами. Одно, впрочем, бесспорно: если они и были, то в самом небольшом количестве. Во всяком случае, сколько-нибудь значительной роли в борьбе между правым и левым крылом национального фронта они сыграть не могли.

Здесь уместно сказать несколько слов об организации, именовавшей себя «татарской социал-демократической партией». Эта «партия» организовалась в Уфе, приблизительно, в середине 1917 года. 4 августа она начала издавать свой орган «Алга» («Вперед»). Всего выпущено семь номеров газеты (из них: несколько—до и несколько после Октябрьской революции). На законный вопрос: можно ли считать, что эта организация положила начало истории большевистского движения среди татарского и башкирского населения быв. Уфимской губернии,—лучший ответ дает сама газета «Алга». В передовой статье первого номера, стало быть, програм-

мной статье, мы читаем об этой «независимой татарской социал-демократической партии» следующее:

> „Алга" зовет всю сознательно преданную свободе, татарскую молодежь об'единиться вокруг нее, сплотиться и, не теряя энергии даром, не затрачивая об'единившиеся силы на мелочи, направлять ее на раз'яснение народу необходимых задач, на указание ему правильного пути и, по создании об'единенной, таким образом, силы—итти, совместно с пролетариатом всего мира, на борьбу за марксизм.
>
> Вместе с тем, „Алга" старается спасти татарскую молодежь от положения хвоста других национальностей, принимающего за истину все, что они скажут. Беря за основу марксизм, вместе с тем, „Алга" признает, что татары представляют отдельную национальность, и все их особенности рассматривает с уважением. Поэтому, она призывает создать совершенно независимую организацию и, об'единившись вокруг нее, добиться признания ее со стороны других партий в качестве татарской демократии, входить, в качестве таковой же, в интернациональные конгрессы и другие международные организации демократии всего мира и там защищать права и интересы угнетенной татарской национальности" („Алга" № 1).

По вопросу о классовой борьбе среди самого татарского населения, в другой статье того же номера, под заголовком «Об'единение и борьба», «Алга» пишет:

> „Если Россия, с точки зрения капитализма, представляет самую отсталую страну, то точно также и татары, ее населяющие, целиком занимают, в сравнении с американскими миллионерами и миллиардерами, положение пролетариата. Поэтому, призываем своих капиталистов не итти против демократии, также находим совершенно бесполезным призывать пролетариат наш на борьбу против них. Нашими врагами должны являться международные капиталисты, играющие на биржах миллионами" („Алга" № 1).

По вопросу об отношении к войне:

> „По вопросу о войне „Алга" защищает программу, принятую на Всероссийском с'езде рабочих и солдатских депутатов, т. е. требует скорейшего мира без аннексий и контрибуции, на основе освобождения народов всего мира от когтей сильных государств и предоставления им права самоопределения".

По вопросу о выборах:

> „Будет ли по нашему, если на выборах мы будем действовать в блоке с другими классами, сможем ли провести в необходимом числе желательных для нас представителей, будут ли они нам содействовать в (разрешении) специально наших национальных вопросах...— ответить на эти вопросы довольно трудно.
>
> Принимая во внимание, что культурных сил у нас недостаточно, что сельское население не понимает важности для себя значения выборов, кажется, что нам все еще необходимо плестись в хвосте других.
>
> Но другие, у которых наименование татар вызывает неприятные гримасы, и отношение которых к нам лишь—ироническое, до сих пор нам не оказывали помощи, чего они и впредь не будут оказывать. За доказательствами далеко не приходится ходить. Каждый еще помнит Турцию во время балканских войн. Европа была готова проглотить Турцию. После войны на Балканах, являвшейся реальным результатом подстрекательства Европы, территории Турции, расположенные в европейской ее части, хотя и населенные мусульманами, перешли в руки балканских государств. Сказала тогда хоть кто-нибудь из других (национальностей), что это „несправедливо, Турция представляет собой государство, она представляет отдельную нацию, имеющую свою историю,

не касайтесь ее прав"; защищал ли ее кто-нибудь, хотя бы один из представителей этих других различных классов? Нет, тысячи раз нет.

Если это так, то совершенно нельзя забывать, что каждая отдельная нация держит свои интересы выше всего и борется за эти интересы день и ночь.

На выборах мы должны действовать совершенно самостоятельно; татары, башкиры, тептери и др. должны сплотиться воедино и итти по одному пути" („Алга" № 1).

Наконец, по земельному вопросу. «Независимые социал-демократы»— против социализации земли, но совершенно не по тем причинам, по которым высказывались против этого большевики.

„Принимая во внимание то, что с нашей точки зрения в России мусульмане являются одним из самых богатых землею народов, мы, демократы, соблюдая интересы народа, решительно выступаем против революционеров. Мы не можем смотреть хладнокровно на заселение башкирских и киргизских земель русскими переселенцами, чтобы тем самым окончательно забить угнетенное до сего времени и в политическом, и в экономическом отношениях наше население".

Приведенные цитаты показывают, что эта «партия», по многим вопросам, поставленным революцией, стояла чуть ли не в одном ряду с правым крылом национальной буржуазии, во всяком случае, далеко в стороне от линии большевиков. Правда, после октябрьского переворота, по вопросу о власти «независимцы» довольно революционны. Они «восхваляют» Советскую власть, поют дифирамбы солдатской массе, но совершенно ясно, что это ни в какой степени не может загладить «грехи» и, уж во всяком случае, не дает права считать эту «партию» большевистской. По существу, их программа, изложенная их собственным языком—сплошное недоразумение.

В № 2 газеты «Алга» напечатана статья «Большевики и меньшевики». В начале речь идет о разнице, существующей между большевиками и меньшевиками, в конце же, переходя к интересующему нас вопросу, статья принимает такой оборот:

„К какой бы мы, мусульмане, партии не принадлежали, мы должны иметь представление об идее и тактике этой партии. Поэтому я полагаю, что большинство собратьев, которые кричат: „мы социал-демократы", приходится, из благорасположения к мусульманам, отнести к числу меньшевиков.

Что же из этого, что он меньшевик,—скажете вы. Быть меньшевиком,—это значит, что оставляешь за собой некоторую возможность временами, смотря по необходимости, действовать совместно с либералами".

А далее автор начинает бухать совсем в другой колокол:

„В виду того, что данный переворот совершен либералами и при участии большинства их, мы полагаем, что ругая современных защитников революции и свободы большевиков, не будет бесполезно действовать более осторожно". („Алга" .. 2).

Вот так вывод! Ну, не сплошное ли недоразумение «программа» этой «партии»? Крайне малочисленная по своему составу, не имевшая никакой связи ни с какой социальной группировкой населения, обладавшая, вместо программы, чудовищным винигретом противоречащих идей, эта группа, не могла играть и не играла никакой роли в движении.

Большевистское же движение, как движение массовое, у нас началось только после Октябрьской революции.

XI.

В заключение, хотя бы в общих чертах, об участии и роли татаро-башкирских рабочих и крестьян в борьбе с контр-революционными силами, восставшими против власти Советов.

Первые татарские и башкирские красные отряды организуются мусульманским военным шуро (советом) и направляются против Дутова на Самарский и Оренбургский фронты. Эти добровольческие отряды составляют 4 сотни. Организованный в начале марта мусульманским комиссариатом другой отряд, под командой тов. Галима Янбулатова, отправляется на Златоустовский и Челябинский фронты против банд того же Дутова. Туда же отправляются в апреле и в средине мая еще четыре отряда. Кроме того, в школе инструкторов, находившейся в ведении Уфимского военного комиссариата, и в школе пулеметчиков—было по взводу татар и башкир, которые занимались изучением военного дела для борьбы против врагов революции. (Г. Альмухамедов № 3—4 журнала «Кзыл Шарк»).

С началом чехо-словакского выступления организация боевых революционных отрядов и дружин из татарских и башкирских рабочих и крестьян становится более усиленной. Уфимский мусульманский комиссариат распространяет по всей губернии специальное обращение к населению с призывом вступить в эти отряды. О результатах обращения тов. Альмухамедов пишет:

> „Дер. Аташ, Имянли-Кулаковской вол., Белебеевского уезда, первой в то время выделила в эти дружины сразу 67 человек (большую часть отряда тов. Чеверева в то время также составляли крестьяне этого района, в особенности дер. Агаш—Г. К. [1]), человек 60 из числа слушателей функционировавших курсов вступили добровольцами в наши боевые дружины. За эти дни к нам в дружины ежедневно являлись 25—30 человек добровольцев из татарских и башкирских деревень („Кзыл Шарк“).

Отряды первоначально ведут бои в Дюртюллинском и Бирском районах, позднее занимают фронт против чехов под Бугульмой и, по истечении некоторого времени, вливаются в ряды регулярной Красной армии.

---

[1]) Кстати, об отряде Чеверева. Об участии татаро-башкирских рабочих и крестьян в этом отряде тов. А. Титов рассказывает:

— Отряд Чеверева первоначально насчитывал в своих рядах 250 человек, большинство которых с самого начала составляли добровольцы из татар и башкир. Во время пребывания отряда в Дюртюллях мы, в целях еще большего усиления и укрепления нашей мощи, об'явили мобилизацию. Из 1800 человек, явившихся по этой мобилизации, 90—95 проц. составляли татарские и башкирские крестьяне этого района.

Этот факт также свидетельствует о том, как беззаветно, энергично боролась в те дни татарская и башкирская беднота за великие завоевания Октября—Г. К.

Из прошлого Уфимской партийной организации.

Маринин.

От Февраля к Октябрю.

Примерно, дня через три после того, как стало известно, что царский трон рухнул, собралась небольшая группа товарищей: Брюханов, Ахтямов, его жена, Кийков, Страхов, я, Эльцин и бундовец Фенстер. Это узкое совещание выделило организационное бюро, в состав которого, среди других, вошли Брюханов и Ахтямов. Были выпущены листовки, в которых было об'явлено об организации инициативной группы, которой поручено в ближайшее время созвать организационное собрание с.-д. Это собрание состоялось спустя, примерно, 5 дней в помещении гостиницы «Метрополь». Присутствовало человек 35—50. Выделенный собранием комитет, в большинстве, состоял из большевиков. Председателем комитета одно время, впрочем, был Ахтямов—меньшевик.

Через некоторое время состоялось заседание комитета. Проект платформы организации защищал в своем докладе тов. Свидерский. Была она централистского порядка и некоторым из нас не понравилась. Но в то время, как говорится, язык еще прилипал к гортани: ведь, нам, рядовым, приходилось иметь дело с такими видными лидерами, как Свидерский, Брюханов, Цюрупа, Эльцин. Пошушукались, как бы это заставить взять полевей, но этим ограничились.

После того, как платформа была принята, из Москвы приехал тов. Юрьев, сделал доклад о московских событиях, привез с собой газеты «Социал-демократ» и «Правда» и, вообще, принялся за освещение линии партии, точнее: Московского и Петроградского комитетов. Отрадно вспомнить, приезд тов. Юрьева, в значительной степени, помог полевению нашей организации. Но совершенно ясно, что дело—не в этом товарище. Революционная волна в столицах наростала. «Бессознательная доверчивость» и «доверчивая бессознательность масс» постепенно преодолевалась большевистской критикой. Исторические тезисы Ленина, давшие четкую классовую установку, разоблачившие подлинную суть буржуазной «демократии», наметившие программу пролетарской борьбы, стали известными и нам. Партийная организация, правда, тогда еще немногочисленная, не оставалась, разумеется, без воздействия ленинских лозунгов, железной ильичевской аргументации. Это, в свою очередь, давило на лидеров, которые, правда, еще не совсем заняли подлинную большевистскую линию, но, во всяком случае, заметно рвали со старыми оппортунистическими традициями (см. по этому поводу также очерк тов. Свидерского.—Ред.).

Кстати, любопытно отметить, что, под влиянием апрельских тезисов, среди других, идейно перевооружился и тов. Арцыбушев.

* * *

На 25 апреля была назначена Всероссийская партийная конференция. 8-го или 9-го апреля в Уфе было созвано собрание организации для выбо-

ров делегатов. Большинство получил меньшевик Ахтямов. Перед нами встал вопрос—каким образом отвести его. Тов. Брюханов получил меньшее количество голосов. Помню: я внес тогда предложение: до приезда тов. Эльцина (он был в Питере) выборов не производить; если тов. Эльцин в ближайшие дни и не приедет, то все же мы получим подробную информацию. Поддержанное тов. Брюхановым и некоторыми другими товарищами, мое предложение было принято, выборы отложили. Дня через 2—3 приехал т. Эльцин. Он был свидетелем встречи Ленина в Петрограде, слышал его выступления, беседовал с ним. Все это Эльцин рассказал, а потом—было созвано собрание. Впрочем, Ахтямова и на сей раз выбрали. Тогда перед нами возникло новое соображение. На конференции должны быть представлены, кроме Уфимской городской организации, и заводские. Так, как тов. Брюханов в среде рабочих пользовался популярностью, ибо большинство южно-уральских рабочих было большевиками, то решено было его выдвинуть от уральских заводов. Для этого он должен был об'ехать с докладами заводы. Так и было сделано, и, таким образом, от Уфимской организации на Всероссийскую конференцию в 1917 году было послано двое. Впоследствии, впрочем, оказалось, что состоялись 2 самостоятельных конференции: большевистская, которая продолжалась от 25 апреля до 2 мая, и меньшевистская, которая состоялась 7 мая.

По возвращении тов. Брюханова с конференции, он уже не на словах, а на деле стал ленинцем. Кроме доклада о конференции (кстати сказать, длившегося целых 8 часов), он прочитал 3 лекции об учении В. И. Ленина, и, надо сказать, что эти лекции несколько популяризировали большевистскую программу и тактику. Я говорю «несколько». Наша организация в то время политически была еще крайне неподготовлена. Достаточно такого факта. Резолюции «принять к сведению» были приняты по докладам тов. Брюханова, Ахтямова и Юрьева, приехавшего с Уральской областной большевистской конференции. Этакое равнодушное, мало к чему обязывающее решение по разнородным политическим докладам—не характерно ли?

В мае месяце была созвана губернская партийная конференция. На ней, в большинстве, были представлены южно-уральские рабочие. Уральцы заняли решительную позицию, потребовали, чтобы наша газета «Вперед» перестала печатать об'явления о «займе свободы», выпущенном Керенским; категорически настаивали на том, чтобы «Вперед», вообще, принял настоящую большевистскую физиономию. Выдвинули южно-уральские делегаты и вопрос об отмежевании от меньшевиков. Последнее предложение, однако, не прошло. Уфимские товарищи выступили против раскола. Насколько помнится, аргументировалось это следующим образом: «с кем мы имеем дело—с железнодорожниками, а они в большинстве имеют, де, свои домики; слишком резкая постановка вопросов может многих оттолкнуть; подождем откалываться,—авось, меньшевики сами на это полезут, тогда нас будет больше». Надо сказать, что ряд товарищей с этими доводами не соглашался. И с основанием, как это оказалось вскоре. Раскол с меньшевиками начался, именно, с железнодорожного района. Приблизительно, с июля месяца мы начали расспространять в железнодорожных мастерских «Правду». Этим мы положили начало работе по созданию большевистской организации. Сама организация возникла с приездом т.т. Кривова и Зенцова.

После июльских дней—помнится—вопрос о недопустимости дальнейшего сотрудничества с меньшевиками мы поставили ребром. В одном партийном собрании, состоявшемся, как будто бы, в августе, мы выступили с предложением переизбрать комитет. Нашим доводом было: в состав комитета входили и большевики, и меньшевики, а так как многие большевики или уходили, или просто не принимали участия в работе комитета, то, по существу, создалось такое положение, что большинство в заседаниях комитета было за меньшевиков, особенно после того, как туда были влиты бундовцы,—большевики же были разжижены, так что меньшевики руководили всей организацией.

За это предложение нас отстегали, назвали склочниками, дезорганизаторами. Значительно позднее мы все же еще раз поставили этот вопрос. Наше предложение поддержали т.т. Кучкин и Вавилов. Но и на сей раз единой точки зрения не было достигнуто. Тов. Эльцин выступил против раскола. Его поддерживали и некоторые другие члены комитета. Обострявшиеся с каждым днем споры по этому кардинальному вопросу создали, вообще, напряженные взаимоотношения между группами товарищей. Лишь в предшествовавший Октябрьскому перевороту период все это было сглажено, и, что самое важное, исчезла проблема, нас разделявшая: большевики от меньшевиков отмежевались.

А. Свидерский.

Корни оппортунизма.

Традиции Уфимской партийной организации, вообще говоря, были оппортунистическими. Ее связи с южно-уральскими рабочими носили чисто случайный характер, и это делало почти незаметным влияние более революционного Урала. Один из корней оппортунизма я усматриваю и в том, что в Уфе жило много ссыльных и бывших ссыльных, возвращавшихся обратно. Все старые подпольщики были между собой тесно связаны. Это, в значительной степени, стирало грани и политического свойства. Достаточно напомнить, что такой прямолинейный большевик, как Арцыбушев, уживался с таким махровым меньшевиком как Ахтямов. Характерно, однако, что, по мере поступательного движения революции, Уфимская организация становилась все тверже на большевистские позиции. Разумеется, эти революционизировавшиеся настроения партийной массы сказывались и на руководителях. Мне припоминается несколько любопытных, в этом отношении, фактов.

Тов. Юрьев пережил революцию в Москве; вернувшись в Уфу, он заражает большевистскими лозунгами и своих товарищей.

В октябре или в конце сентября приехал к нам из Усть-Катавского завода тов. Шотман. Попал он к нам случайно. Ему было сказано, что Уфимская организация—оппортунистическая: будешь, мол, в Уфе, поговори. Он и приехал.

— Я имею мандат от Ленина.

Таковы были первые слова тов. Шотмана.

Его тут же обступили.

— Давайте устроим собрание. Созвали. Тов. Шотман откровенно сказал, что никакого мандата от Ленина он не имеет, но зато он готов рассказать, как ставит Владимир Ильич вопрос о захвате власти, о том, что делать на другой день после захвата власти. Уфимцы слушали внимательно. Но многим такая постановка вопроса была даже непонятна. Однако, уже самое появление Шотмана, его рассказ о том, что в Петрограде реально ставится вопрос о захвате власти,—все это отражалось на настроении организации, все это революционизировало ее.

Одним словом, если взять всю историю Уфимской организации, то получится такая картина: какое-нибудь событие происходит вне Уфы, Уфа за ним не поспевает; отсюда—сперва явно оппортунистическая позиция, а затем—медленное, шаг за шагом, приближение к правильной линии.

Газета «Вперед» была, конечно, тоже оппортунистической. Лозунг, популяризировавший «заем свободы», был, разумеется, неправильным. За это, кстати сказать, была серьезная взбучка от «Правды», напечатавшей заметку об ошибке газеты «Вперед».

После избрания в ЦК тов. Свердлова, ему, между прочим, было поручено заехать в Уфу и посмотреть, что там за комбинация большевиков с меньшевиками, почему там так упорно выставляется лозунг «займа свободы»; но тов. Свердлов застрял в Самаре, где были свои уклоны, и так в Уфу и не заехал. А организация в это время постепенно выпрямлялась.

Надо тут же сказать и о том, что оппортунизм сказывался не только в описываемый период, но и при захвате власти. Как было дело? Мы постановили низвергнуть комиссара временного правительства. А мы его низвергли? Нет. Почему? Да потому, что у нас все произошло необычно. Получили телеграмму, что в Петрограде произведен переворот. Мы сейчас же выбрали комиссара по военным делам, по продовольствию и т. д., т.-е. просто переименовались, но в сущности это был тот же губисполком. Решили сейчас же сменить комиссара временного правительства, а на следующий день оказалось, что почтово-телеграфное ведомство от нас телеграмм-то не принимает, а в других телеграммах сообщают, что Керенский подходит к Питеру, что большевики, де, сдаются. Помнится: тов. Брюханов, которому было поручено «низвергнуть» комиссара временного правительства Герасимова, приходит ко мне:

— Нужно низвергнуть.

— Да, нужно низвергнуть.

— А вот здесь такие телеграммы...

И решили отложить «свержение» на следующий день, а на следующий день опять такие же телеграммы.

Словом, отдаленность событий, отсутствие действительной революции здесь, на месте, являлись одними из условий, порождавших оппортунизм и после Октября. Лишь постепенно укреплявшиеся связи с центром, тяжелые, но славные схватки с многочисленными контр-революционными силами, и все, последовавшие за этим, события выкорчевали корни оппортунистических традиций в Уфимской организации.

Февраль и Октябрь в Южном Урале.

П. Козлов.

ОКТЯБРЬ В БЕЛОРЕЦКЕ.

(Очерк).

Несколько вступительных замечаний.

Белорецкий завод находится в самой южной части Южного Урала. Это—горная часть бывш. Оренбургской губернии, оторванная, как от культурных центров, так и от линии железной дороги.

Работа на Белорецком и окружающих его заводах протекала в самых отвратительных условиях. Рабочий день в отдельных цехах доходил до 14—16 часов. Заработок на некоторых заводах не превышал 60 коп. в день. Я говорю «на некоторых заводах» потому, что Белорецкий завод был резиденцией Белорецко-Комаровского Горного Округа—Акционерного Общества Пашковых.

* * *

Сообщение о Февральской революции запоздало на несколько дней. Телеграмма об отречении Николая II была задержана администрацией почтово-телеграфной конторы. В силу этого, рабочие и крестьяне близ лежащих деревень не могли получить ни своевременной, ни исчерпывающей информации.

По получении точных сведений, кадеты, во главе с Сычевым, организовали комитет общественной безопасности. Взялись за дело и рабочие. Прежде всего, они удалили с завода полицию, избив при этом урядника Арбузова; устранили управляющего заводом и прогнали начальника доменного цеха. Следующим актом было создание народной милиции.

Выборы в Учредительное Собрание происходили под знаком ожесточенной борьбы. Было выставлено до восьми списков. Среди них фигурировали списки большевиков, меньшевиков, эсэров, кадетов, крестьянской партии. Большинство голосов получил список № 8 (большевистский).

Этот успех тем более значителен, что обстановка того времени мало благоприятствовала большевистской пропаганде. Против нас были: земская управа, председателем которой был один из местных купцов, некто М. Трифонов, и земельный комитет, сконструированный из крестьян-кулаков и прихвостней заводской администрации, во главе с Галецковым. Тормозила нашу работу и общая отсталость населения, не разбиравшегося в элементарных политических вопросах. Кто не помнит того времени, когда само слово «большевик» звучало «страшно»? Такое положение ставило перед нашей организацией сложнейшие и труднейшие задачи. Как мы справлялись с ними? Об этом говорят постановления 4-х районных с'ездов, проведенных нами. В них участвовали представители 9 заводов, Верхне-Уральско-Троицкой земской управы, волостных сходов и земских

управ русских и башкирских волостей. Примерная повестка этих с'ездов: доклады с мест, доклад Верхне-Уральска, доклад о Башкурдистане[1]), о боевых организациях. Даты: I-й с'езд—в начале января, II-й с'езд—16-17 января, III-й с'езд—23 февраля и IV-и с'езд—1 марта. 3-й районный с'езд, между прочим, был превращен в партийную конференцию, которая избрала представителей Белорецкой организации большевиков на 7-й Всероссийский с'езд партии.

Вот, для иллюстрации, несколько выдержек из постановлений районных с'ездов:

Постановление 2-го районного с'езда.

1. Земельные комитеты, составленные при буржуазно-коалиционном министерстве Керенского, должны быть переизбраны из состава действительных крестьян-хлеборобов. Участие крестьян по паспортам, а на деле—спекулянтов или служащих, оторванных от земли, не должно иметь места.

2. За основу своей деятельности земельные комитеты признают закон о земле, принятый в заседании с'езда С. Р. и С. Д. 26 октября 1917 г. в Петрограде.

3. С'езд признает, что, в виду близости весны и общего бесхлебия, необходимо немедленно привести в исполнение декрет Совета Народных Комиссаров: взять всю землю (леса, луга и пахотные земли) по каждой волости в свои руки со всеми богатствами, прекратить расхищение лесов вплоть до применения вооруженной силы к расхитителям.

4. Признавая: 1) что всякое право покоится на силе; 2) что власть народа может быть утверждена на местах только вооруженной рукой, с'езд настаивает перед областным (в Екатеринбурге) и губернским (в Уфе) Комитетами на немедленной активной поддержке в деле организации боевых дружин, на присылке инструкторов и оружия по требованию тех учреждений, представители коих участвовали на данном с'езде.

5. Заслушав доклад товарища председателя Белорецкого земельного комитета Федора Галицкого и его оппонентов из белорецких граждан, с'езд признает деятельность Белорецкого земельного комитета не отвечающей интересам трудящегося населения, а наоборот, к сожалению, должен признать, что Белорецкий земельный комитет по направлению своей деятельности является придатком заводоуправления и служит не интересам народа, а акционерному обществу Пашковых.

С'езд находит необходимым рекомендовать белорецким товарищам крестьянам-хлеборобам немедленно переизбрать свой земельный комитет, дабы мы, участники с'езда, впредь могли бы протянуть руку белорецким гражданам в борьбе против общего врага—захватников народных богатств, капиталистов и помещиков.

6. Признавая бедственное положение стекольного Петровского завода, кабальную зависимость от верхне-удинского купца Гогина, с'езд предлагает немедленно снестись с Богоявленским стекольным заводом, дабы товарищи одной профессии делегировали бы в Петровский завод организаторов для реорганизации на месте производства, не зависимого от Гогина.

---

[1]) Во всех случаях речь идет о Башкирдстане, оформившемся в то время не в качестве Советской Автономной Республики, а как национально-буржуазное соединение, руководившееся кулачеством, буржуазией и муллами. (Ред.)

7. Подавленные мрачной картиной положения Инзерского завода и не имея возможности поддержать хлебом и овсом инзерцев и лапыштинцев за дальностью расстояния, с'езд постановил снестись с Уфимским Губернским Народным Комиссаром по Земледелию Мелковым, указав последнему на безвыходность положения данных заводов и необходимость принятия самых решительных мер против управляющего этими заводами Василия Николаевича Федорова.

8. Принимая во внимание доклад представителя Узянской волостной земельной управы А. А. Портнова о самовластии по Узянской волости зажиточных башкир, а в особенности, муллы богача Бикташева, с'езд постановил: рекомендовать Узянскому, Кагинскому и Авзяно-Петровскому земельным комитетам принять против расхитителей народных богатств— лесопромышленников самые решительные меры вплоть до арестов и отправки в Уфу для предания военно-революционному суду.

9. Районный с'езд находит нужным обратить сугубое внимание Губернского Уфимского Комитета на угрожающее положение русского населения от Башкурдистана и признать необходимым, кроме организации боевых дружин, издание на башкирском языке литературы для бесплатного и массового распространения среди башкир.

Председатель 2-го районного с'езда
Южного Урала *Точисский.*

Постановление 3-го районного с'езда.

1. В общих чертах, из заслушанного доклада с мест создается картина печального положения. Вследствие несоорганизованности на местах Советской власти и непонимания, возникают случайные конфликты, мешающие благоустройству населения района. Для ограждения общих интересов, необходимо принять самые решительные меры к укреплению Советской власти, к введению революционного трибунала, а также к организации боевых дружин.

2. Из докладов с мест, между прочим, усматривается, что, несмотря на резолюцию 2-го районного с'езда 16—17 января 1918 года, положение на Инзерском и Лапыштинском заводах мало чем отличается от положения, бывшего до указанного с'езда. На этих заводах попрежнему ощущается сильный недостаток денег, отсутствие достаточного запаса хлеба в довольно острой форме нервирует население, ибо если к 15 марта не удастся пополнить этот запас на 3 месяца, неминуем продовольственный кризис, так как состояние путей сообщения в период с указанного числа до июня ни в коем случае не допустит подвоза хлеба.

В виду изложенного, с'езд, принимая во внимание краткий заготовочный период, критическое положение на данных заводах, считает долгом еще раз подтвердить резолюцию 2-го с'езда и немедленно сообщить настоящее постановление Уфимскому Губернскому Народному Комиссару.

3. Заслушав доклад делегатов от Кагинского завода, с'езд постановил обратиться к Областному Комитету, дабы последний, в видах общегосударственных интересов, нашел средство и инструкторов для восстановления доменного производства в Каге по последнему слову техники,

об'явить этот завод национальной собственностью, передав его в руки самих производителей рабочих.

4. Заслушав доклад представителей Совета Р. и С. Д. города Верхне-Уральска Иванова и Епифанова, из которого усматривается, что действия атамана Дутова явно направлены против Советской власти и находя единственным исходом из создавшегося положения решительные меры, с'езд единогласно постановил: докладчика Иванова командировать в Екатеринбург для подробного выяснения дел и поддержки нужными мерами.

5. Заслушав предложение о посылке делегатов в Катайскую область на имеющий быть гражданский сход по случаю об'явленной автономии Башкирии; и в окружающие деревни заводов Кагинского, Узянского и Авзяно-Петровского, Бурзяно-Тангауровской волости, для раз'яснения сущности автономии Башкирии, постановлено: в Катайскую волость делегировать Козлова, в ближайшие к указанным заводам деревни—Селиванова и Епифанова, в район Инзерского и Лапыштинского заводов—Шишкина и Журавлева.

Председатель 3-го районного с'езда
Южного Урала *П. Точисский.*

* * *

Насколько помнится, на первое января 1918 г. наша организация насчитывала 100 человек, на 15 апреля—около 600 человек. Припоминается и то, что при выборах на Всероссийский с'езд партии мы по району имели около 2000 организованных большевиков и 6000 сочувствующих.

Говоря о росте нашей организации, необходимо отметить выдающуюся роль, которую сыграл в тот период тов. Точисский. Благодаря ему, Белорецкий Комитет Российской социал-демократической партии (большевиков) официально и легально был оформлен еще 7 апреля 1917 года.

На первых порах в нашей организации было не более 15 человек: т.т. Пухов Александр, Косоротов, Барун, Игаун, Евсеев К. М., Паршин Н., Заворуев М., Ульянов Иван, Пирожников Алексей, Сызранкин Ф., Волков Иван и др. Работать, как уже было сказано, приходилось в самых отчаянных условиях. На митингах и собраниях контр-революционные группировки разжигали страсти, тов. Точисскому не давали говорить, стаскивали его с трибуны. В совете было засилье эс-эров, кадетов и меньшевиков. В кадетской группировке орудовали Зарудный, Зарудная, Сычев и др. Значительной была и группа эсеров.

В тот период Белорецк навещало много агитаторов. Приезжали из Оренбурга, Уфы, Челябинска, Верхне-Уральска. Все это были кадеты, эсэры, меньшевики, большевика не было ни одного. Представители всех враждебных нам организаций стремились подчинить Белорецк своему влиянию и закрепить это организационно. Милиция находилась в руках эсэров и меньшевиков. Эсе это затрудняло, но, разумеется, не останавливало нас. Прежде всего, мы начали с милиции. Благодаря принятым нами мерам, в ее состав прошло много наших товарищей. Более того: нам даже удалось провести в начальники милиции большевика тов. Пирожкова. Затем наша организация взялась за союз металлистов, в котором засели соглашатели, во главе с проходимцем Портновым. Последний умудрился

совместить свою «политическую деятельность» с... обыкновенной спекуляцией. Устроившись в магазине союза, он перепродавал в Челябинск товары, поступавшие из центра для снабжения рабочих. Мы собрали необходимые справки и разоблачили дельца. Это помогло нам добиться перевыборов правления, и, в итоге, наше влияние усилилось. Следующим шагом было организационное об'единение союза металлистов и союза служащих, существовавших раздельно, в один общий союз рабочих металлистов. К этому же времени относится реорганизация контроля над производством. До последнего времени он осуществлялся соглашательским составом соглашательскими методами. Лишенный всякой классовой установки, этот «контроль», по существу, никого не контролировал и вызывал естественные нарекания со стороны рабочих. Наша организация, учитывая это, добилась создания совета рабочего контроля, который был возглавлен т.т. Феоктистовым и Рябовым. Совет сразу же повел твердую, четкую линию, и это, разумеется, усиливало наше влияние на предприятиях.

Борьба за овладение советом.

Доминирующую роль в совете рабочих депутатов, как уже было сказано, играли соглашатели и даже кадеты. Председатель совета—техник, Шрамков, человек аполитичный, безхарактерный, не имел, естественно, никакой линии и выполнял лишь малопочтенную роль обыкновенной пешки. Что касается большевиков, то они были представлены в совете ничтожным меньшинством. Это заставляло Белорецкий комитет партии искать других путей воздействия на большинство. Общее собрание граждан Белорецкого завода и волостей и избранный этим собранием земельный комитет такой опорой и явились. От имени этого комитета выносились резолюции, постановления, циркуляры, в духе наших партийных требований. Вот, на выдержку, один из таких циркуляров.

ЦИРКУЛЯРНО.

Советам Р. С. и К. Д., земельным комитетам, волостным правлениям и сельским обществам.

Общее собрание граждан Белорецкой волости при участии депутатов-большевиков и делегатов от Миньярского завода, Уфимской губернии, под председательством тов. Точисского,

ПОСТАНОВИЛО:

1) Принимая во внимание, что с'ездом советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде на заседании 26 октября, в 2 часа ночи, принят закон о земле, по коему (п. 1-й) «помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа»;

2) что в других губерниях нашего отечества, а также по ближайшим заводам Уфимской губернии этот закон проведен в жизнь, осуществлен на практике отобранием всех земель от крупных владельцев и заводоуправлений в пользу народа, как единственного законного владельца;

3) что весна—не за горами и, благодаря бесхлебью, необходимо поспешить с передачей земли трудящимся, чтобы весной можно было принятую и распределенную, согласно закону, утвержденному Председателем Совета Народных Комиссаров, пахотную землю сеять в 1918 году;

— созвать районный с'езд в Белорецке для обсуждения мер по передаче земли населению 14 января 1918 года, в 10 часов утра, в местном заводском клубе, с тем, чтобы немедленно осуществить этот закон на местах через специально избранные для сего комитеты.

Члены времен. зем. комитета: *П. Точисский.* *С. Балавин.* *Н. Зимнюхов.*

Циркулярные письма распространялись по всем фабрикам и заводам округа: Белорецкому, Тирлянскому, Узянскому, Авзяно-Петровскому, Лапыштинскому, Инзерскому, Зигазинскому, Петровскому стекольному, а также в русских и башкирских волостях.

Со стороны организации большевиков были приняты все меры к проведению в жизнь постановления советского правительства о национализации заводов, земли, лесов, недр, но соглашательская политика совета, где, как сказано главенствовали меньшевики и эсэры, мешала осуществлению этих задач.

Военно-революционный комитет.

Созданный нами военно-революционный комитет, став нашей крепкой опорой, явился, вместе с тем, твердым проводником политики пролетариата, ставшего в дни Октября у власти. Этот же комитет сыграл огромную роль в борьбе с контр-революцией, в первую голову, с Дутовщиной.

На казачьей территории в разных поселках и станицах, главным образом, под городом Верхне-Уральском группировались отряды атамана Дутова, которые постепенно распространяли свое влияние на район Верхне-Уральска, Орска, Троицка и Оренбурга. Для уничтожения Дутовщины, по инициативе Белорецкой организации большевиков, были сформированы отряды боевиков. К этому времени прибыли отряды из Уфы под командой тов. Кадомцева и из Катавского завода (под командой тов. Чеверева). Последний отряд, впрочем, состоял из... 7—8 человек и, конечно, боевой силой не мог явиться.

Тов. Точисский выехал в Екатеринбург для доклада о положении в Белорецке и окружающих его районах. Основной задачей было: получить винтовки, снаряжение и установить деловую связь с областным комитетом партии. Всего этого тов. Точисский и добился. Насколько мне помниться, ему удалось получить до 2-х тысяч винтовок и значительное количество снаряжения. Тем временем военно-революционный комитет развертывал боевую работу.

Вот открытое письмо военно-революционного комитета.

ТОВАРИЩИ РАБОЧИЕ!

Вследствие черносотенного засилия в Совете и соглашательской политики президиума, в виду появления в Верхне-Уральске Дутова, сконструировался Белорецко-Тирлянский военно-революционный комитет.

Первой задачей Военно-Революционного Комитета явилось создание твердой демократической власти и организации боевой дружины для обеспечения революционного тыла от поползновений дутовцев.

Второй задачей являлось доказать, что в Белорецке, как и на других заводах, может быть с'организована демократическая власть, и показать, как эта власть призвана действовать во всех областях экономической жизни в интересах рабочих, как в области контроля над производством, так и в сфере самоуправления цехов по выбору заведующих цехами (как было с мартеновским цехом), так и в вопросах продовольствия и охраны от хищников лесов.

Признавая в данный момент своевременным создание революционно-демократического рабочего Совета, Военно-Революционный Комитет предлагает на этой же неделе произвести перевыборы по всем цехам:

1) В Совет Рабочих Депутатов,
2) В Контрольную Комиссию,
3) В Фабрично-Заводский Комитет.

С перевыборами необходимо поспешить, так как чем скорее соглашательский Совет заменится истинными выразителями интересов рабочего класса, тем лучше будет для всего Белорецка.

Предлагаем произвести общие и полные перевыборы по всем цехам к 25 марта нового стиля, дабы с 1-го апреля наши общественные учреждения в обновленном составе заработали с новой энергией на благо рабоче-крестьянского населения, руководствуясь декретами Советского правительства Народных Комиссаров.

Помните, товарищи, что следует отнестись к выборам с большой осмотрительностью. Необходимо выбирать товарищей стойких, с характером, с головой, не каких-либо прихвостней администрации, а людей убежденных, защитников рабочего, людей левого течения, примыкающих к партии большевиков.

Долой соглашателей с базарной буржуазией!

Долой хвостов администрации заводоуправления!

Революционный комитет, передавая бремя гражданских дел вновь выбранным учреждениям демократии, оставляет за собой заботы об обеспечении Белорецка и Округа от наступления Дутова.

Как должно быть известно белорецким жителям, по проекту Башкурдистана, Белорецк, вместе с другими заводами Южного Урала, входит в 5-й кантон Башкурдистана, и начальником 5-го кантона по Белорецку назначен башкирин, бывший становой пристав николаевского режима.

Согласно постановлениям 3-го и 4-го районных с'ездов представителей заводов Южного Урала, мы решили не допустить осуществиться претензиям Башкурдистана.

Мы определенно и властно заявили и заявляем:

Не владеть Башкурдистану горнозаводскими селениями Южного Урала!

Дабы осуществить наш протест против претензий Башкурдистана, мы организуем боевые дружины по всем заводам Южного Урала.

Горнозаводские крестьяне и рабочие скажут тогда Башкурдистану— этой помесы буржуазии мусульманской с ублюдками старого полицейского режима:

Руки прочь!

На 1-м с'езде в Узяни достигнуто соглашение с делегатами от башкирских селений, находящихся испокон веков между заводами Южного Урала; эти башкиры сами идут против Башкурдистана и желают жить в мире с русским населением.

4-й районный с'езд постановил об'явить всю горную местность Южного Урала отторгнутой от Оренбургской губернии, с которой горнозаводское население имеет мало общего, и признать областным центром г. Екатеринбург.

В осуществление ограждения Южного Урала, а в частности Белорецка от захватной политики Башкурдистана, военно-революционный комитет продолжает оставаться на своем посту.

Новое наступление германских белогвардейцев на наши земли, стремление международной буржуазии во что бы то ни стало снести с лица земли рабоче-крестьянское правительство, которое встало поперек горла всем буржуям всего мира, ставит перед военно-революционным комитетом третью задачу—организовать в Белорецке и по Южному Уралу кадры боевых дружин, способных отправиться на фронт для защиты нашей родины.

Итак, военно-революционный комитет, уповая на силы и сознание революционной демократии Южного Урала, ставит своей задачей борьбу с тремя грозными врагами:

1) с организованным наступлением дутовцев,
2) с Башкурдистаном,
3) с всемирной буржуазией.

Опираясь на поддержку областного комитета в Екатеренбурге и, со своей стороны, отдавая себя в распоряжение последнего, плечом к плечу с товарищами из Области Урала и всей Российской Советской республики, мы погибнем или победим.

Да воспрянут горнорабочие Южного Урала на страх врагам!

Да здраствует Российская Советская республика!

Да здраствует Коммунистическая партия (большевиков)!

Белорецкий военно-революционный комитет.

Совет нового состава.

В результате укрепления военно-революционного комитета и усиления нашего влияния в массах, были назначены перевыборы Совета.

После перевыборов, состав Совета стал иным. Соотношение сил изменилось в нашу пользу. Правда, большинства мы, все-же, еще не имели, но зато впервые председателем Совета Белорецкого завода был избран рабочий завода, большевик Иван Козлов, в президиум Совета прошли представители левого течения. Из рабочих были выдвинуты т. т. Сулимов, Алексей Перчаткин и другие. Когда Совет Рабочих Депутатов был сконструирован на представителей левых течений, главным образом, большевиков и левых эсеров, процентный сбор с рабочих на содержание Совета был отменен. Вместо этого, мы приступили к обложению контрибуцией торговой буржуазии. Облагалась она, в зависимости от дохода, начиная с 5000 до 50000. В начале платили туго. Президиуму Совета приходилось, поэтому, принимать крутые меры, вплоть до арестов. Это подействовало, и контрибуция была полностью собрана.

К этому же времени относится организация Совета Народных Комиссаров с одновременным упразднением президиума Совета. Необходимость последнего мероприятия мотивировалась тем, что существование обоих органов приведет к дублированию и к лишним расходам. Председателем Совнаркома единогласно был избран тов. Точисский; комиссаром народного хозяйства—Пухов Александр; труда—Салов, почт и телеграфов—Алексеев, просвещения—Козлов Иван, продовольствия—Недоспасов Н.; земледелия—Недоспасов В.; социального обеспечения—Сызранкин, Федор; Управления—Пирожников, Алексей; национальным (или, как у нас он назывался: иностранным)—Гис. В народный суд были выбраны Овсянников, Феоктистов и другие.

Кризис военно революционного комитета.

Военно-революционый комитет состоял из представителей двух течений—большевиков и эсэров. В процессе работы комитета постепенно стали выявлятся неизбежные разногласия. Член военно-революционного комитета, некто Малахов, стал изменять тактике большевизма. На этой почве начались недоразумения между ним и тов. Точисским. Вскоре председатель ревкома тов. Точисский вынес вопрос на собрание Белорецкой организации большевиков. После детального обсуждения было решено единогласно переизбрать состав военно-революционного комитета; при этом настоятельно указывалось на необходимость формирования ревкома исключительно из представителей партии большевиков. Новый ревком был избран в следующем составе: председатель—Точисский, члены: Косарев, Мамыкин, Салов, Попов, Пирожников. При этом была принята следующая резолюция.

ИЗ ПРОТОКОЛА ОБЩЕГО СОБРАНИЯ.

Белорецкой организации Р. К. П. (б) от 14-го апреля 1918 года.

Принимая во внимание.

1. Что война с Дутовым со стороны Белорецкого фронта только еще началась и неизвестно когда закончится, что, поэтому, Белорецк является непосредственной опорой фронта и первоначальным пунктом орудий и боевых дружин, а также раненых—необходим военный комитет.

2. Что отношения с Башкурдистаном, несмотря на все старания членов районных с'ездов Южного Урала наладить таковые, оставляют желать лучшего.

3. Что, помимо всего этого, вследствие наступления белогвардейцев на Западе, японского дессанта во Владивостоке,—кроме боевых дружин, необходимо создание Красной армии для защиты от внешнего врага, что еще раз, в связи с общим положением Белорецка, подтверждает необходимость укрепления в Белорецке военно-революционного комитета со всей полнотой власти для проведения всех необходимых мер по вышеуказанным пунктам.

4. Признавая, наконец, что Белорецк, сам по себе, является крупным пунтом и во избежание преступных в данный момент недоразумений,—

комитет должен быть однородного партийного состава большевиков и именоваться: «Белорецкий временный военно-революционный комитет».

Председатель *Ив. Козлов.* Секретарь *Н. Зимин.*

Организация Красной гвардии.

В связи с борьбой против Дутова и против чехо-словаков, был поднят вопрос об организации Красной гвардии. Рабочие заводов охотно и добровольно записывались в ряды гвардии. На ряду с этим, росла и наша организация. Были дни, когда приходилось записывать и принимать в партию по пятьдесят-семьдесят человек. Эс-эры и меньшевики со сцены ушли совершенно.

Между тем, наступление Дутова и чехо-словаков создало напряженную обстановку вокруг Белорецка. Заседания комитета партии и других организаций происходили почти беспрерывно. Зачастую, они затягивались до утреннего заводского гудка. Верхне-уральские организации, не выдерживая натиска Дутова, выезжали со всеми организациями в Белорецк. Отдельные казачьи кавалерийские сотни рано утром или поздно вечером делали набеги и на Белорецк, но дружный и твердый отпор отбрасывал налетчиков.

Между тем, Уфа была уже занята чехо-словаками. И вопрос об обороне Белорецка стал ребром. Из мелких добровольных боевых дружин нами был создан пехотный полк в количестве, примерно, 1500 человек. Но, понятно, рассчитывать только на эти силы было трудно. К счастью, в этот момент мы получили сведения, что по направлению к Белорецку продвигается из Оренбурга добровольческий отряд под командой т.т. Блюхера и Каширина, Николая. Это было большой подмогой. По прибытии отряда, было решено начать общее наступление на Верхне-Уральск, находившийся в руках Дутова.

Десять дней длился бой в горах Урала. Схватки были упорны и кровопролитны, Но, в конце-концов, победа оказалась за нами. Город был взят. Арестованные члены партии были освобождены. Нашего полку прибыло. Но как быть дальше? Предполагалось ранее итти на соединение с советскими войсками через Челябинск. Но в самую последнюю минуту были получены сведения, что чехо-словаки заняли Екатеринбург. Пришлось отказаться от намеченного маршрута и, оставив Верхнеуральск, отступить снова в Белорецк.

Оттуда мы, после трехдневных приготовлений, создав единый отряд из всех наличных боевых дружин и возглавив его т.т. Блюхером и Николаем Кашириным, покинули Белорецк и двинулись на соединение с Красной армией по новому маршруту: через Уфимскую губернию. Труден был наш путь. Со стороны Белорецка нас преследовали казачьи отряды. Из Стерлитамака навстречу нам шли белогвардейцы.

Драться приходилось почти только саблями и штыками. Но непреклонен был боевой дух каширинцев. Ничто не останавливало белорецких рабочих. Преодолевая сопротивление, отражая атаки дутовцев и разношерстных банд, мы шли вперед. Нашей первой целью было пробиться к Богоявленску, где, по-слухам, имелись запасы оружия. После сильных боев, мы пробились к этому заводу и, к нашей радости, действительно, нами кой-какие боевые припасы (даже 2 горных орудия и 60 пулеметов).

Отдохнув три дня, мы, ободренные, двинулись дальше—в поход, который вошел славной страницей в книгу нашей великой борьбы.

Актив партийной организации Белорецка и Округа.

1. Точисский, П. В.
2. Козлов, И. П.
3. Пухов, А. Н.
4. Сызранкин, Ф. М.
5. Пирожников, А.
6. Алексеев, Ф. К.
7. Барун (убит на фронте).
8. Марзин, С. М.
9. Салов.
10. Волков, И.
11. Недоспасов, В.
12. Недоспасов, Н.
13. Косоротов (умер).
14. Заваруев, М.
15. Рябов, Петр. (убит на фронте).
16. Евсеев, Н. М.
17. Зинин, Н.
18. Туев, К.
19. Горшенин, М.
20. Неудачин, М.
21. Хлесткин, П.
22. Феоктистов, П.
23. Овсянников (убит в Белорецке).
24. Ульянов » »
25. Штырляев, А. (расстр. белыми).
26. Ульянкин.
27. Воронцов, С.
28. Безруков, И.
29. Епифанов, Н.
30. Епифанов, Г.
31. Шубин, И.
32. Щербаков, И.
33. Журавлев.
34. Феоктистов, Н.
35. Рябов, Петр.
36. Бобров, П.
37. Салмин.
38. Анинов.
39. Горбатов.
40. Туев, Константин.
41. Горшенин, И.
42. Косарев.
43. Мамыкин, И.
44. Попов.
45. Даутов.
46. Оленников.
47. Козлов, М. Л.
48. Пирожников, В.
49. Берсин, И.
50. Гис, В.
51. Бобров, И.
52. Лиманов.

И. Ф. Шубин.

Как мы обороняли Тирлян.

(Воспоминания).

Февральская революция 1917 года дошла до нашего уголка с большим опозданием. На Тирлянском заводе, в то время принадлежавшем частной фирме «Акц. Общество бр. Пашковых», насчитывалось около тысячи рабочих; кроме того, в железно-дорожных мастерских и в депо было еще около четырех сот рабочих. В целях удешевления доставки сырья на завод, а также для массовой отправки готовых изделий, вырабатываемых заводом, владельцы, преследуя наибольшую доходность, построили в 1911 году узкоколейную железную дорогу. Тирлянский завод, находясь в окружении горных скал, имел весьма плохое сообщение с промышленными городами и, вообще, с центром; в виду этого, отсутствовали профсоюзные и прочие рабочие организации, что, в большой степени, способствовало эксплоатации рабочих, в особенности, на железной дорге. Рабочий день длился с 6 утра и до 8 вечера (14 час.), однодневный заработок равнялся

60-ти копейкам. Все это рабочие знали, глубоко этим возмущались, но активно выступить за защиту своих интересов они не решались, ибо смельчаки, осмелившиеся протестовать, немедленно подвергались репрессиям: выбрасывались на улицу. Их никуда больше не принимали: ни на завод, ни в депо, ни в железно-дорожные мастерские, всюду сообщалось о «бунтовщиках». Уволенный рабочий вынуждался браться за крестьянство и, не имея инвентаря, фактически обрекал себя на нищету.

С наступлением семнадцатаго года, положение несколько изменилось, намечалось некоторое оживление, пахнуло свободой. По цехам завода, в железно-дорожных мастерских начались митинги и собрания. Вначале, главным образом, выступали меньшевики и эс-эры, численность которых, вместе взятых, превосходила количество большевиков, последние находились еще в меньшинстве. Но, впоследствии, влияние большевиков на рабочие массы стало увеличиваться. В июле—августе стали прибывать солдаты с фронта. Они привезли с собой большевистские настроения. Маленькая Тирлянская ячейка партии большевиков, состоявшая из нескольких человек, связалась с Белорецким комитетом партии и получила твердое направление.

Июльские дни резко разделили массу на классы. Борьба между большевиками и меньшевиками обострилась. Последние резко выступали против своих политических противников. Но их бешеные атаки ни к чему не приводили. Рабочие, сознавая, что временное правительство—буржуазный блок, и что меньшевики, поддерживающие его, являются прямыми врагами пролетариата, целиком примкнули к большевикам. Эс-эры, видя перевес масс на стороне большевиков, изъявили желание работать сообща, но их физиономия вскоре была выявлена.

Между тем, положение с каждым днем становилось все тревожнее. Работа на заводе сократилась на половину, на железной дороге было уволено много рабочих, в результате—безработица. Продукты дорожали неимоверно, с каждым днем жизнь становилась тяжелее, а правительство Керенского ничего хорошего не предвещало, кроме сплошных выкриков под меньшевистский хор: «война до победного конца».

Настроение рабочих и крестьян (я говорю: «крестьян» потому, что половина населения Тирляна занималась крестьянством) было явно революционным. Но вот прошел Октябрь, миновала половина ноября, а Тирлян все еще не знал о перевороте. Только в конце ноября, ровно через три недели после свержения правительства Керенского, мы получили первую весточку о взятии власти Советами.

Я, как сейчас, помню: прибыл из армии, нигде не работал, случайно зашел на станцию; в это время с почты несся рабочий. Он держал в руках листок и кричал: «Долой правительство, вся власть—советам». Все, как один, бросили работу и с красными знаменами вышли на улицу. Большевики сразу определили свое положение и повели массу за собой. Из Белорецка приехал товарищ (не помню фамилии) и выступил с докладом о положении страны. Пытавшиеся внести свои «комментарии» меньшевики были сняты с трибуны. Эс-эры вели более «тонкую» линию: они поддерживали большевиков, разумеется, до поры—до времени. Сразу же был избран совет и организован комитет партии большевиков. Все последующие дни прошли под знаком исключительного подъема: митинги, собрания, с каждым днем – все более многолюдные, продолжались почти

непрерывно. Посещали их не только рабочие, но и крестьяне. Ставленники хозяев: лесничий, управляющий заводом, управляющий железной дорогой удрали, спасая свою шкуру. Была об'явлена запись в партию большевиков. Одновременно начался прием в боевую дружину. Никакие формальности не соблюдались: желающий записывался и получал винтовку. Первыми отозвались рабочие. Многие, правда, еще не осознали, для чего это делалось, но своим классовым инстинктом почти все учуяли, где—носители подлинных лозунгов революции и примкнули к авангарду пролетариата. Партия большевиков сразу выросла до 500 человек. Эту ячейку надо было воспитать, работы было много, а старых большевиков—очень мало. Демобилизованные солдаты стали прибывать большими группами с фронта. Часть сразу же записалась в Красную гвардию, другая медлила, как бы выжидая. Комитет партии вступивших в ряды Красной гвардии фронтовиков заставил обучать остальных рабочих военному делу. Оружие было получено из Белорецкого комитета, часть привезена с фронта солдатами, но вооружить всех желавших не было возможности: оружия не доставало. Вновь выбранный совет, не имея указаний из центра, начал свою деятельность, опираясь исключительно на революционное сознание. Первым делом организованы профсоюз и заводский комитет.

* * *

В начале 1918 года завод продолжал сокращение производства и рабочих. Число уволенных дошло до 400 человек. Хозяева отказались давать средства, не из чего было выдавать зарплату. Все это грозило остановкой завода. Только железная дорога, поддерживаемая самими рабочими, с большим усилием продолжала движение поездов. Тирлянский совет и комитет партии обратился за денежной помощью к Белорецкому Ревкому и Комитету партии. Товарищи, несмотря на тяжелое положение самого Белорецка, поддержали завод. Такое положение тянулось до марта 1918 года.

С наступлением весны началась новая полоса гражданской войны. В Орском округе, среди казачества, появился атаман Дутов, с'организовал контр-революционную банду казаков и двинулся на гор. Верхнеуральск. По предложению Белорецкого Комитета, Тирлянским Ревкомом был выделен отряд в 100 человек и направлен на борьбу с Дутовым, который подошел уже вплотную к Верхнеуральску. (Тирлян был об'явлен на военном положении). Начальником отряда был назначен (фамилию точно не помню, кажется Алексеев) эсер, работавший ранее на железной дороге. С первых же боев «социалист»—контр-революционер начал всячески увиливать от непосредственного участия в операциях. Благодаря этому, он сразу потерял авторитет у красногвардейцев. Мало того, начальник отряда, вместо того, чтобы руководить вверенными ему бойцами, стал кутить на глазах у всех. Красногвардейцы возмутились, решили его удалить и немедленно привели это в исполнение. Начались горячие схватки. Слабо подготовленные, необстрелянные красногвардейцы дрались как львы, никто не щадил своей жизни. В результате трех ожесточенных боев под Верхнеуральском, мы победили, обратив в бегство Дутова вместе с группой офицеров и нескольких казаков.

Для окончательной ликвидации Дутовщины, в Верхнеуральске был сформирован отряд добровольцев под командой Николая Каширина. Наш

Тирлянский отряд после боев под Верхнеуральском, потеряв на поле сражения много товарищей, вернулся в Тирлян, но, не успев сделать передышку, выступил против чехо-словаков. За этими авантюристами стали выступать всевозможные контр-революционные группировки, возглавлявшиеся офицерством. Они со всех сторон осаждали Тирлянский завод, громя советы и советские учреждения в соседних деревнях и селах. Ближайшие города запросили помощи. По директиве Губкома, был сформирован отряд в 120 человек и направлен в Уфу. (Из этого отряда вернулись лишь несколько человек). Кроме того, был сформирован отряд и направлен в Златоуст против чехо-словаков. Начальником данного отряда был назначен тов. Морин, политуполномоченный—я. Мы в ожесточенных боях теснили чехо-словаков к Миассу. К сожалению, силы чехо-словаков превосходили наши, и Миасский фронт, под командой тов. Малышева (назначенного центром), был прорван. Пришлось отступать в беспорядке в леса и горы кучками, по несколько человек. Тов. Малышев со штабным поездом был захвачен в плен. Мне с четырьмя товарищами пришлось пробираться горами. Шли четверо суток. Оборванные, голодные, кое-как добрались до Тирляна. Часть товарищей из нашего отряда погибла, часть разбрелась и вернулась в наши ряды только через полтора-два года.

Тирлян мы застали в критическом положении. Завод стал, рабочие очутились без работы; крестьяне, боясь казаков, засевших в «Городском Долу» (в 3-х верстах от Тирляна), бросили работу. Казаки шныряли повсюду. Коммунистов осталось около 200 человек, и все они были в Красной гвардии. Партийная и советская работа была приостановлена, в эти дни все внимание сосредоточилось на защите Тирляна от белых. Был сформирован кавалерийский отряд в 30 человек, который вел разведку в окрестностях. Заставы по 35 человек занимали четыре пункта: «Каменный ключ», деревня Синдюкова, «Городской Дол», «Бельский мост». Наши позиции охранялись товарищами бессменно; все силы уже давно были мобилизованы и отправлены по отрядам. Из состава партийного комитета был сформирован штаб, руководящий обороной Тирляна. Начальником штаба был А. Ф. Абоимов, я—его помощником. Наша материальная «база» была ничтожна—особенно, если принять во внимание, что нам приходилось не только приобретать обмундирование и продовольствие для отрядов, но и помогать семьям красноармейцев и товарищей, погибших на фронтах. По-товарищески помогали нам деньгами рабочие Белорецка. Но в патронах был острый недостаток.

В это время в Белорецк на помощь красногвардейцам, защищавшим город от белых, прибыл из Оренбурга отряд Каширина численностью свыше полуторы тысяч человек. Чувствуя, что нам долго не выдержать напора белых, мы обратились в Белорецк с просьбой: прислать хотя бы одну сотню кавалерии в Тирлян. Помощь была обещана, и тов. Абоимов, по вызову Каширина, выехал срочно в Белорецк.

Этот день навсегда врезался в память. Помню: я проверил все заставы и вернулся в штаб для работы. Кавалерия, после ночной разведки, раз'ехалась по домам, чтобы пообедать и дать отдых хотя бы на часок измученным лошадям. Было тихо. Но чувствовалось, что это—затишье перед бурей. И действительно: не прошло и часа после раз'езда кавалерии, как в штаб явился крестьянин и сообщил, что со стороны «Городского Дола» и Бельского моста наступают казаки и что их—около тыся-

чи человек. Настали тревожные минуты. На заставах началась перестрелка. Отдав распоряжение немедленно собрать кавалерию, я тут же, вместе с несколькими товарищами, принялся за эвакуацию канцелярии штаба. В сопровождении трех красногвардейцев, канцелярия, погруженная на дежурную повозку, была мною отправлена в сторону от места боя. Охране было дано распоряжение: в случае опасности, канцелярии не сдавать, а закопать или сжечь. Как потом выяснилось, канцелярия была зарыта, красногвардейцы, сопровождавшие ее, погибли, и она так и осталась не разысканной. Оставшись один с тов. Малаховым и стариком-поваром, мы направились к складу, где хранилось оружие и обмундирование. Я бросил бамбу в открытую дверь склада, чтобы взорвать его, но капсюль зашипел, а бомба не взорвалась,—больше бомб у нас не было. Этим временем белые проникли в Тирлян и казаки галопом понеслись к штабу. Когда белогвардейцы были уже в ста саженях от здания штаба, мы направились к главным воротам, закрыли их, а сами переоделись и выбежали противоположным, задним ходом двора. И во время: казаки уже въехали и хозяйничали. Мы спокойно пошли по домам. Я был одет в железно-дорожную форму, Малахов—в штатское. На улице было почти безлюдно. Жители попрятались, только кулачье, ухмыляясь, собиралось встретить гостей. Дома я кратко сообщил хозяину квартиры о случившемся. Человек он был свой; его сын погиб в Красной гвардии. Вверившись ему, я, и впрямь, не ошибся. Снабдив меня шубой и хлебом, он спрятал меня в погреб и на все расспросы белых, которые вскоре пришли с требованием: «выдать большевика» отвечал: нет у меня такого. Поиски казаков ни к чему не привели.

* * *

Итак, Тирлян очутился в руках белых, при содействии местных кулаков, казаки производили обыски, аресты, пороли, расстреливали. Наша кавалерия и часть пехотинцев спряталась. Некоторые успели скрыться в горах, попавшие в плен были расстреляны.

На третьи сутки мимо нашего дома пролетел снаряд и разорвался над плотиной. Это к нам на встречу шли каширинцы. Вскоре завязалась горячая перестрелка. Бой длился несколько часов. Белые в панике бежали, успев, однако, захватить с собой 30 арестованных. В «Городском Долу», в нескольких верстах от Тирляна, наши товарищи были расстреляны... На следующее утро мы с Абоимовым решили созвать собрание для воссоздания отряда Красной гвардии. Ничто не предвещало тревоги. Каширинцы, прогнав врага, как будто бы, намеревались оборонять Тирлян. Можно было, под испытанной охраной, заняться организацией рабочего отряда. Так думалось, но вышло по-иному. Пока товарищи подходили к больнице, где было назначено собрание, произошло неожиданное: началась сильная перестрелка, и белые со всех сторон снова вступили в Тирлян. Оказалось, что Каширинский отряд, под командой тов. Голунова, по стратегическим соображениям, внезапно отступил, не успев предупредить нас. Мы были застигнуты врасплох. Что делать? Вооруженным обороняться нельзя. Остался один выход: бежать. До лесу было версты полторы. Все бросились туда. Благополучно добрались до опушки и спрятались. Казаки, мчавшиеся галопом по направлению к лесу, опоздали. Чаща и скалы спасли нас, только два человека, не успевшие спрятаться, попали в плен врагу.

Снова начались мытарства. Лишенные крова и пищи, опасаясь зверя и белых, мы поодиночке сидели в ущельях. Некоторые товарищи были в одних рубашках и жестоко страдали от ночных холодов. Костер разводить мы боялись: казаки разыскивая нас, шныряли по лесу. Спать также нельзя было. Голод и холод терзали нас... В первую же ночь, около 12 часов мы увидели зарево. Оказалось: горела крестьянская часть Тирляна. Это белые расправлялись с сочувствующими большевикам населением. На вторые сутки стали разыскивать друг друга. Голод донимал. Мучила тревога за Тирлян, за товарищей. Нужно было что-либо предпринять. Решили послать небольшую разведку, чтобы выяснить положение и каким-нибудь путем достать пищи. Товарищи вскоре вернулись и рассказали, что половина тирлянского населения выехала с пожитками и скотиной в лес и расположилась у «Каменного ключа». На четвертые сутки мы снова собрались обсудить положение. Оставаться здесь было опасно: белые сновали по лесу, розыскивая большевиков. Было решено: пробраться горами в Белорецк. Наша группа, человек в 20, имела одну винтовку с 3-мя патронами, 2 нагана и бомбу без капсюля. С таким «вооружением» мы двинулись в путь по болотам и сопкам гор; прошел день, и ночь застала нас в глухом лесу. К счастью, мы набрели на полуразрушенную избушку и переночевали на влажной земле. Поутру, закусив микроскопическими остатками пищи, мы снова двинулись в путь. К четырем часам дня, пройдя окольным путем не менее 50 верст, мы добрались до Белорецка. Усталые, изнуренные, мы были, однако, счастливы: снова—среди своих. Отдохнули немного и на следующее утро—снова в поход. Каширин прислал три сотни кавалерии и пехотную роту для взятия Тирляна. Наша группа влилась в роту. К вечеру мы достигли Тирляна. И взяли его без боя. Белые боялись каширинцев. С казаками уехали и кулаки.

Завладев вновь Тирляном, мы приступили к формированию роты пехоты и сотни кавалерии. На наш призыв чутко откликнулись рабочие и крестьяне. В течение недели отряд Красной гвардии был сформирован. Но вся беда заключалась в том, что в окружности на сотни верст Советская власть пала. С центром связь была прервана; Тирлян и Белорецк очутились во вражском кольце, как маленький островок рабочей власти. Так мы продержались около месяца. Белые неоднократно пытались завоевать этот красный островок, но мы стойко его защищали.

К концу августа мы получили распоряжение от тов. Каширина немедленно отступить в Белорецк, дабы оттуда всеми силами, под командой самого Каширина, пробиться к красному центру. Наскоро приготовились в дальний путь. Никто не колебался, как ни тяжело было оставлять свои родные места и семьи на произвол белых; все сознавали одно: смерть или прорваться сквозь враждебное кольцо. На следующее утро Тирлян был покинут. Без остановки прошел наш отряд мимо Белорецка и соединился с каширинцами.

Начался незабвенный, славный поход. Сокрушая все препятствия, встретившиеся на пути, выдержав ряд тяжелых боев, мы шли непреклонной силой вперед. Три месяца продолжался наш переход, и он увенчался победой. Белогвардейская стена была пробита. В 1918 году, в конце ноября, под селом Алтыновым (Пермской губернии) каширинцы встретились

с регулярными войсками красного центра, и мы уже вместе продолжали борьбу с контр-революцией.

Путь к Октябрю.

I.

В Усть-Катавском заводе, как и на всем Урале, о Февральском перевороте узнали 3-го марта из газет. У нас эта весть совпала с собранием уполномоченных страховых касс. Мы этим воспользовались и превратили собрание в революционный митинг. Не ограничиваясь речами, тут же наметили комитет общественной безопасности и решили обезоружить полицию.

С первых же дней работы пред нами, большевиками, встала задача: создать партийную организацию. Обстановка этому благоприятствовала. Правда, эсеры быстро об'явились в лице членов земской группы, три-четыре инженера оказались меньшевиками. Но зато подавляющая часть рабочих была настроена большевистски. Учитывая это, мы сразу об'явили запись в партию, и через месяц имели уже 300 членов организации. Избрали комитет партии, секретаря. Сам я не брал на себя никаких функций, стремясь выдвинуть товарищей из среды вновь пришедших, чтобы втянуть их в работу.

В марте я был избран на с'езд советов в Уфе. Там я познакомился с т. т. Цюрупой, Эльциным, Свидерским, Брюхановым и вошел с ними в близкое соприкосновение. Впоследствии, на конференции, на которую меня послала наша организация, я был избран в Уфимский комитет партии. Что касается областной конференции, то туда мы делегировали Козлова и Скопцова.

Дальнейшая наша работа сводилась к организации Совета рабочих депутатов, потом—Советов рабочих и крестьянских депутатов на месте, затем скоро подоспели волостные, а там—и уездные выборы. Одновременно с этим, мы проводили подписку и сборы (практиковавшиеся тогда) на центральный орган партии «Правду». Спустя некоторое время, мы уже выписывали двести номеров «Правды».

В Ивановском заводе большевистские силы были слабы до крайности. В Миньярском и Симском заводах организации также были сильны только внешне. Взяв, в общем, правильную большевистскую линию, они, однако, не сумели очертить грани партийной и советской работы. Связавшись с этими организациями, я стал указывать им, что дело у них поставлено неправильно, что при таком смешении, физиономия партий утрачивается, а это, будучи негодным, вообще, особо было недопустимо в условиях жестокой борьбы с эсерами. Отрадно отметить, что мои советы, поддержанные друзьями, помогали.

Ранней весной к нам стали приезжать уфимцы: Н. П. Брюханов, Кадомцев и др. Против них никто из эсеров выступать не решался. С тов. Кадомцевым, между прочим, мы отправились в Катав-Ивановский завод. Там произошло бурное собрание, привлекшее до полуторы тысячи человек. Кадомцев делал доклад. По адресу эсеров он наговорил много резких слов. Наши противники устроили обструкцию. С большим трудом удалось успокоить массу.

После этого я сам об'ехал Юрезань. Там тоже шла ожесточенная борьба с эсэрами. На сей раз мне неоценимую помощь оказали большевик Тарасов и матрос Хрущев, впоследствии изменивший нам. В дальнейшем мы поставили себе задачу: охватить партийным влиянием деревни: Орловку, Миньку, Серпиевку, Муратовку и др. С несколькими, уже натаскавшимися, товарищами мы взялись за дело—и успешно. В короткий срок нам удалось привлечь на свою сторону часть фронтовиков, довольно дельных ребят, создать свои ячейки и двинуть их работу.

Была у нас еще одна большая забота. Каждую минуту нам угрожал открытый конфликт между рабочими и находившимися в заводе 600 военнопленными. Администрация, с помощью эсеров, сознательно разжигала в среде рабочих антагонизм, с целью сбить нас с пути и дезорганизовать наши ряды. Требовалась серьезнейшая работа раз'яснительного, воспитательного порядка. Нельзя было допустить того, чтобы рабочие стали об'ектом махинаций предпринимателей. В известной степени, нам это удалось сразу. Наиболее сознательную часть военно-пленных мы вовлекли в нашу организацию, одновременно мы разоблачали подлые планы администрации. Но, в тогдашних условиях, этим нельзя было ограничиться: предстояла длительная, систематическая работа.

Между тем, эсеры, бросившие по всей России клич об организации своей партии, стягивали к себе более темные элементы, часть фронтовиков-инвалидов и пр. Этой вербовке благоприятствовала отсталость массы. Всякая хлесткая фраза, направленная против самодержавия, казалась революционной. А эсеры, ведь, были мастера на левые речи, прикрывавшие правые дела.

Обстоятельства сложились таким образом, что во главе милиции встал эсер, унтер-офицер, который быстро сошелся с администрацией завода. Его поддерживали и фронтовики. Вскоре он связался с милицейским уездным начальником, с прокурором. Поняв, что это к хорошему не приведет, мы категорически настаивали на том, чтобы Совет рабочих депутатов сам формировал милицию. Начались горячие схватки. Против нас стояла официальная эсэровская организация (которая, впрочем, была не страшна, так как она состояла из служилого элемента и интеллигенции и лишь из небольшой группы рабочих, которых, вдобавок, мы быстро перетащили к себе) и с'организованные эсерами инвалиды-фронтовики, якшавшиеся с высшей администрацией и милицией. Предстояло вести борьбу все более ускоренным темпом, чтобы, разоблачая эсеровскую официальщину, предотвращать возможные выступления фронтовиков. В июле месяце эти контр-революционные организации были основательно дезорганизованы: партийные круги рабочих поняли, что представляли собой эти люди, маскировавшие хлесткими фразами преступные планы.

Отдавая себе полный отчет в том, что нам, однако, надо все время быть на-чеку, мы занялись вооружением рабочих. Кое-что было сделано в этом направлении еще в первые дни после Февральской революции. Отобрав у полиции и жандармерии винтовки и револьверы, захватив оружие у лесной стражи князя Белосельского, мы, с помощью бывшего у нас фельдфебеля, стали обучать товарищей военному делу. Учились по вечерам, иногда даже днем и обязательно по праздникам. Но в обстановке, когда борьба с эсэрами все более обострялась, эта военная учеба

приобретала большое политическое значение. Таким образом, в смысле вооружения у нас было положено начало с первых дней Февральской революции. Во всяком случае, к моменту попытки корниловщины у нас были уже довольно значительные кадры вооруженных рабочих, находившиеся под полным нашим руководством.

II.

К августу месяцу половина завода стала уже большевистской—тысяча с лишним рабочих принадлежала нам. Часть товарищей мы привлекли и из деревни.

Октябрьский переворот окончательно выяснил силы борющихся сторон. Эсеры—рабочие перешли к нам целиком. Развернулась кипучая работа. В центр внимания мы поставили Катав-Ивановск, где возникла железно-дорожная забастовка. До этого железнодорожники в Кропачево и Вязовой были эсерами и политиками плохими. Во время стачки мне сообщили, что они хотели бы выслушать доклад большевика. Я поехал. Эсеры мобилизовали все свои силы. Целый день пришлось с ними вести словесный бой. Полемика была самой ожесточенной, спорили даже на перроне, и кто-то грозил тем, что армия разнесет и перебьет железнодорожников. В общем, мы провели, однако, свою линию довольно успешно, а на самом собрании учинили полный разгром эсерам. Через несколько дней меня пригласили на Вязовую. Там дело окончилось тем же. Мне помог кое-кто из наших большевиков. Таким образом, мы закрепились непосредственно через Усть-Катав, и настроения наши преобладали. Тогда мы передвинулись в Юрезань. Я поехал туда во второй раз. Тарасов был председателем совета и действовал очень решительно. Нам снова пришлось столкнуться с эсерами и идейно мы их побили; по вопросам о войне и земле победу одержали мы.

Только Иваново было не в наших руках. Туда часто наезжал Бисярин, который непосредственно руководил работой, Щербаков (его потом расстреляли) и еще кое-кто. Когда рабочие забастовали, то у ворот произошло собрание. Откуда-то появился Чеверев и мы долго с ним толковали о том, что нужно теперь действовать. Нас просили приехать вечером, чтобы снова устроить собрание. Мы согласились. В своем докладе я популярно изложил рабочим суть классовой борьбы. На вопрос: почему рабочему живется хуже, чем крестьянину?—я нарисовал им социальную лестницу и об'яснил, что ниже всех на этой лестнице стоит пролетарий, который ничего не имеет. Рабочие охотно нас слушали. Вообще, мы с Чеверевым пользовались у них успехом.

Эту работу наша партийная организация проводила довольно основательно.

Вскоре у нас появился новый работник Тлья Тараев. Он сразу взял на себя руководство обучением рабочих военному делу в качестве начальника боевой дружины. Он внес в это дело большую четкость, придал дружине четкие организационные формы. Важная сама по себе, эта рабой та имела особо большое значение перед лицом контр-революционных-вспышек, которые можно было подавлять только хорошо вооруженными.

К октябрю меня стали отвлекать в Уфу в Губком и Губернски Революционный Комитет. Руководство оставалось фактически за Тараев-

вым. Он создал партийный комитет. К тому времени мы уже имели две тысячи членов партии. Эсеровские организации в Усть-Катаве распались. Самые активные социалисты-революционеры превратились в левых эсеров и тем значительно облегчили положение, а рабочие все перешли к нам. Среди них осталось только два меньшевика, да и то смехотворных.

Перед организацией встала новая, сложная задача. Возник дутовский фронт. Наша дружина была брошена на фронт. Там, борясь с врагом, бок о бок с другими товарищами, наши дружинники крепче связались со своими братьями из других районов Урала. Это во многом способствовало, впоследствии, успеху нашей работы.

III.

Несколько слов о советской работе. Февраль застал нас в невыгодных условиях. Кроме кооперации, у нас ничего не было. Участие в ней принимали земский фельдшер, следователь, городской судья и несколько рабочих. Когда было свергнуто самодержавие, мы сразу же, как было уже сказано, создали комитет общественных организаций, выбрали представителей в кооперацию от рабочих и крестьян и несколько активных людей от земской группы. Председателем был избран фельдшер, мещанин, человек, в сущности, аполитичный, проявивший склонность к новым веяниям лишь после переворота. Такой разношерстный состав, разумеется, не мог работать согласно. Как только в порядок дня ставились такие вопросы, как дележ арендованных лугов и т. п., сейчас же возникали серьезные разногласия. В какие-нибудь три дня рельефно обрисовывалась дифференциация. Бесхребетная, никчемная организация, этот комитет был в то же время опасным, играя роль опоры Временного правительства. Вполне естественно, поэтому, что мы, большевики, опираясь на быстро укреплявшиеся связи нашей организации с рабочими, повели сразу большую работу по подготовке всех необходимых условий для создания совета рабочих депутатов.

Через некоторое время председатель комитета повздорил с нами, обиделся и покинул свой «пост». Интеллигенция возмутилась, но рабочие были довольны. Место аполитичного фельдшера занял рабочий Бахарев, впоследствии, ставший большевиком. Одновременно мы сколотили совет, который сразу же принялся за работу, в частности, занявшись выработкой подготовительных мер к предотвращению контр-революционных вспышек со стороны уже упомянутой организации инвалидов фронтовиков.

Наш совет рабочих депутатов взялся и за практическую работу. Земельный вопрос был разрешен таким образом: мы отобрали луга и часть лесов и разделили их среди крестьян. Это мероприятие формально санкционировал совет рабочих и крестьянских депутатов.

Затем, мы провели кампанию выборов в волостное земство. Оказавшись целиком в наших руках, оно работало в соответствии с советом рабочих депутатов. Основные вопросы мы не давали решать земству раньше, чем их разрешит совет. Вооруженную охрану мы тоже возглавили советом.

Второй стадией советской работы явились выборы в уездное земство. Они проводились по новому положению, по новому закону. С

эсерами пришлось вести жестокую борьбу. Здесь было труднее. Крестьяне плохо разбирались в понятиях «большевики» и «эсеры». Все это нужно было долго и упорно раз'яснять. И все-таки наши шансы подымались в деревне. Этому помогло то обстоятельство, что наш совет распространил свое влияние и на деревню, где он боролся с самогоном, хулиганством.

В одном из заседаний совета рабочих депутатов в Уфе было решено, что представители всех заводов сделают доклады о том, в каком состоянии находится работа у них на местах. Я делал доклад от Усть-Катава и хотя у нас тоже была не очень сильная организация, но, по сравнению с другими, мы имели большие достижения. Это не понравилось эсерам, и они начали давить на наш завод, говоря, что мы не подчиняемся никаким правилам: милиция, дескать, у нас своя, целый ряд земских и других вопросов мы решаем на месте. Мы им на это отвечали, что, разбирая эти вопросы без чьей-либо помощи, мы разрешаем их лучше, чем кто-либо другой

Эсеры поняли, что им трудно бороться открыто, и они начали действовать окольными путями. В «Свободе»—газете правых социалистов писалась, что в Усть-Катаве есть агент Ленина—Правдин, который захватил в свои руки власть, терроризовал всю администрацию и бесконтрольно управляет этим заводам. Это, однако, не помогло. Мы продолжали свое дело.

Шварцман.

„Гастроль" Чехо-Словаков в Златоусте.

Обрывки воспоминаний.

В начале 1918 года, после того, как правительство переехало из Питера в Москву, я был командирован на Урал, в Златоуст, для организации добровольной Красной армии. Поехал я туда с одной только инструкцией в кармане; никаких указаний тогда больше не давалось. Вот тебе монета, вот тебе брошюрка,—поезжай!

Приехал я на место назначения, не имея ни опыта, ни практики. Обратился за помощью к товарищам. Первыми, с кем мне пришлось встретиться, были т. т. Чевардин и Ковшов.

— С чего начинать?

— У нас скоро будет с'езд советов,—ответили мне,—присмотрись пока к нашей организации, а потом развернем работу.

Так я и сделал. На с'езде меня наметили на должность уездного военкома и дали в помощники одного левого эсэра.

В Златоусте в то время было управление воинского начальника; самого «начальства», впрочем, не было, его «заменял» старший делопроизводитель, тоже эсэр. От него и нужно было принять дела. С этого я начал. Тот, правда, с неохотой, но быстро передал дела, и я, оформив все в один день, стал величаться комиссаром по военным делам. В скобках отмечу, что мы тогда были совершенно автономны: ни Челябинску, ни Уфе не подчинялись. Моими фактическими руководителями были; т. Бояршинов—по советской и т. Ковшов—по партийной линии: тов. Чевардин возглавлял боевую дружину.

Если спросить, чем я тогда занимался, то придется ответить: ничем плодотворным; просто-на-просто механически продолжалась работа, которая велась до этого воинским начальником: учет прибывающих по демобилизации и т. д. Это, впрочем, и понятно: ведь, центр тяжести лежал не в перешедшем в наши руки, управлении воинского начальника— перед нами стояла основная задача: организация добровольной Красной армии. За осуществленяе этой задачи мы и принялись.

Опубликованное нами извещение о приеме добровольцев встретило живой отклик. Народу сразу же нагрянуло много. Настолько много, что нам пришлось внимательно изучать всех, выражавших желание вступить в ряды армии. Революционные ли побуждения, иные ли мотивы—скажем: материального свойства—руководят этими людьми? Ведь, нам нужна была крепкая, преданная нашему делу, боевая сила! Но, так или иначе, запись шла, и охотников было хоть отбавляй. Одновременно мы приступили и к оформлению частей из проживавших в то время в Златоусте, венгров, немцев, мадьяр. Кое-кто из них принадлежал уже к партии. Из этих товарищей была создана интернациональная рота.

Месяца через два, в марте, в Челябинске был созван военный окружной с'езд. Среди прочих решений с'езда для нас были особенно важны два: Златоуст должен в военном отношении подчиняться Челябинску; первое мероприятие—организация Златоустовского полка.

Мы принялись за дело. Время было тревожное. Требовалась срочная кипучая работа. Организаторами мы в то время были неумелыми. Дело вначале не ладилось. Хромала организационная сторона. Хорошо, что тов. Ковшов оказался чрезвычайно полезным в этой области работником. Он во многом помог сформировать полк.

В это время в нашем городе появились чехи. Тов. Чевардин получил распоряжение разоружить их. Сперва мы попытались добиться этого путем переговоров, но успеха не имели. Предложение тов. Ковшова чехословаками под разными предлогами было отвергнуто. Тогда осталось одно: принудить названных «гостей» к разоружению силой. Начались схватки. Одна часть чехо-словаков очутилась под пулеметным обстрелом, но в это время другая часть произвела соответствующий маневр и заняла станцию. Пришлось выбивать авантюристов оттуда. Борьба была жаркая, и кончилась она нашей победой. Мы оттеснили врага от станции. Но в это время чехи ворвались в город, покинутый нашими бойцами, которые были брошены на станцию. Разгорелись уличные бои. Нас было ничтожное количество и, тем не менее, мы не только продержались несколько дней, но и отбили противника. Выручила нас хитрость. Нами была применена такая тактика: 2—3 человека стояли на улице и стреляли залпами, создавая, таким образом, у чехов впечатление, что нас много. Одним словом, кончилось тем, что чехи были отбиты. Оставив свой эшелон, они двинулись пешим порядком на Челябинск.

Здесь уместно сказать, что с нашей стороны тогда была проявлена серьезная оплошность. Отбив город, мы успокоились на этом, вместо того, чтобы преследовать врага. Сейчас, когда вспоминаешь ушедшие дни, находишь этому одно об'яснение: мы просто не представляли себе, что «гастроль» чехо-словаков не случайна, что это—начало контр-революционной авантюры.

Между тем, так оно и вышло. Чехи на наших глазах разворачивали свою преступную операцию. Появился настоящий вражеский фронт. Со стороны Уфы были двинуты красные части, и Златоуст временно стал промежуточной базой, снабжавшей проходившие части провиантом, снаряжением. К этому времени относится приезд в Златоуст поезда тов. Н. Подвойского.

События развертывались: между Челябинском и Златоустом шли военные действия. Это было, примерно, в мае месяце. Мы перестроились на военный лад, энергично работали и совершенно не думали о том, что нам придется отступить. Точно налаженной связи между нами и фронтом не было, мы знали обо всем только по слухам, получали раненых, отправляли соответствующее количество людей. Станция, правда, знала больше, чем мы, но она не считала нужным информировать нас.

А в один прекрасный день началось. По улице меня останавливает товарищ:

— Знаешь, отступление, ведь.

— Как так? Мы только-что в исполкоме заседали.

— Взгляни!

Действительно, станция Златоуст уже очистилась от советских частей, там были уже чехи. Что делать? Сил у нас—горсточка. Партийная боевая дружина и интернациональная рота. Правда, все—надежные, крепкие ребята, но—мало, мало! Решили начать экстренную эвакуацию Златоуста. Погрузили все ценности на платформы и начали отступление. Двинулись на Нязе-Петровск и добрались туда благополучно.

В Нязе-Петровске было несколько красных отрядов. Создавшееся положение требовало коренной реорганизации наших военных сил. Кустарные методы доказали свою несостоятельность. Все настойчивее стало выдвигаться предложение: создать регулярные части, отряды влить в батальоны, назначить туда комиссаров, ввести строгую дисциплину, упразднить многочисленные штабы, управления.

«Свободолюбие» кое-кого из наших товарищей не мирилось с таким, единственно разумным, выходом из положения. Некоторые возражали: как же так: свои отряды—и без своих штабов? Насколько помнится, в начале ни до чего не договорились: вопрос был передан на разрешение всех отрядов.

В конце концов, однако, дело кончилось тем, что все отряды признали целесообразной реорганизацию.

Касьян.

Страницы истории.

Как мы перевозили бывшую царскую семью из Тобольска в Екатеринбург.

В апреле 1918 г. в штаб Уфимской боевой организации народного вооружения явился комиссар Яковлев и предложил, на основании имеющегося у него от СНК мандата, создать отряд из 45 надежных товарищей. Формирование было поручено мне, но назначение отряда мне сообщено не было. Я знал только, что он будет командирован с особым поручением в Сибирь. Через неделю отряд был готов. Он состоял из 15 кавалеристов (с седлами без лошадей), 2-х телеграфистов, 22-х пехотинцев, 4-х пулеметчиков, одной сестры милосердия и начальника отряда, которым был назначен я. Товарищи были вооружены маузерами, браунингами, наганами и карабинами.

Сразу же по сформировании отряда, мы с пассажирским поездом выехали в Челябинск. Когда поезд тронулся, Яковлев, с которым я работал еще в подпольных организациях в 1907 г., обратился ко мне:

— А ты знаешь, Касьян, куда мы едем?

— В Сибирь, но зачем—не знаю.

— Так вот, Касьян: Совнарком поручил мне перевезти из Тобольска в Екатеринбург Николая Романова... но это должны знать только мы с тобой.

Я дал слово.

— На нас может быть произведено нападение с целью освободить Николая. Нужно быть всегда наготове, настороже... Ты—начальник отряда, прими все меры.

— Есть!

Чарез два дня мы приехали в Тюмень. Ознакомившись с местными условиями, я занялся разработкой плана перевезки Романова. Переезд от Тобольска до Тюмени (220 верст) нужно было совершить на лошадях, от Тюмени до Екатеринбурга—поездом. Было предварительно решено оставлять на каждом станке [1]) по одному кавалеристу из нашего отряда для подготовки не менее 20 троек к моменту нашего возвращения, день которого будет сообщаться условными телеграммами.

Когда подали подводы, я распределил товарищей по местам и тут же предупредил, что с этого момента в отряде вводится строгая дисциплина, и по отношению к нарушителям ее будут применяться жестокие меры.

Тронулись в путь. От'ехав верст 20 от Тюмени, произвели испытание пулеметам—все оказалось в исправности. Не доезжая верст 80—90 до Тюмени, мы заметили впереди себя вооруженный пеший отряд. Я от-

---

[1]) Станком в Сибири называется деревня или село, где производится смена лошадей. Станок от станка расположен верстах в 30.

дал распоряжение товарищам быть наготове. Высланная разведка донесла, что это—отряд, командирован из Екатеринбурга в Тюмень. О назначении его узнать не удалось. Без всяких инцидентов обогнали отряд и поехали дальше.

На ближайшем станке остановились ночевать. Мы еще сидели за столом и пили чай, когда к нам в комнату вошли двое неизвестных. Поздоровались. Мы пригласили их в свою комнату выпить горячего чайку. Завязался разговор. Постепенно выяснилось, что это—товарищи из встреченного нами Екатеринбургского отряда, командированного Революционным Комитетом за Романовым. Товарищи сообщили, что, кроме них, за Романовым же из Омска направлен еще один отряд в 40 человек. Напившись чаю, екатеринбуржцы попрощались Яковлев вышел проводить их. Вернувшись, он передал мне, что ему была предложена следующая комбинация: во время перевозки Романова, которую производим мы, их отряд делает фиктивный налет на наш, отбивает Николая или убивает его. Яковлев категорически воспротивился подобному предложению.

На следующий день мы приехали в Тобольск. Мы с Яковлевым отправились к начальнику отряда, охранявшего семью Романовых. Яковлев сообщил цель нашего приезда и, так как был уже вечер, просил отвести для наших товарищей помещение под ночлег. Просмотрев пред'явленные Яковлевым документы, начальник разместил наш отряд в помещении, расположенном в задней половине бывшего губернаторского дома, где в то время жила семья Романовых. Я поместился вместе с отрядом, а комиссар и три сотрудника для особых поручений, приехавший с нами из Уфы, и сестра милосердия—в помещении командного состава охраны, в доме Корнилова, расположенном напротив губернаторского дома.

На следующий день было созвано общее собрание охраны (230 человек). Если память мне не изменяет, охрана была составлена из бывших солдат Преображенского полка, все—как один: молодец к молодцу, высокого роста, крепкого телосложения. Яковлев взял слово. Он об'явил, что прибыл из Центра, по поручению Совнаркома РСФСР для того, чтобы выяснить положение с охраной и содержанием семьи Романовых. Но так как обсуждать эти вопросы в многолюдном собрании невозможно, он просит сейчас же выбрать из среды охраны двух представителей, честных и добросовестных, пользующихся доверием своих товарищей. Тут же Яковлев заявил, что он привез охране из центра жалованье из расчета 150 рублей в месяц (охрана не получала содержания в течение 6 месяцев). Выделенным собранием двум представителям Яковлев обосновал необходимость срочной перевозки Романовых из Тобольска. Внимательно выслушав комиссара, представители охраны дали свое согласие на передачу нам Романовых. Чтобы предотвратить возможные недоразумения, Яковлев предложил избранным ехать с нами в Екатеринбург. Те согласились.

Теперь предстояло еще сообщить Романовым о переезде. Эту миссию также взял на себя Яковлев. Началось с «сопротивления». Алиса высокомерно заявила, что в настоящее время они никуда не поедут: во-первых, бездорожье, во-вторых, Алексей болен. Если уж так необходимо их перевезти из Тобольска, то они согласны выехать с открытием навигации на пароходе. Не желая вступать в излишние разговоры, Яковлев категорически заявил:

— Даю полчаса на размышление. Если не согласитесь ехать добровольно, буду вынужден применить силу.

Ультиматум подействовал. Когда Яковлев вторично пришел к Романовым, Алиса изъявила согласие на переезд Николая, ее и дочери Марии. Алексея же с остальными дочерьми: Ольгой, Татьяной и Анастасией просила, в виду болезни сына, оставить до первого парохода в Тобольске (железная дорога через Тобольск не проходит). Кроме того, Алиса сообщила, что с ними поедут бывшие приближенные: Татищев, Голицын, доктор Боткин, камердинер с камердинершей.

Яковлев навел справки. Оказалось, что Алексей, действительно, болен. Поэтому, на немедленном переезде бывшего «цесаревича» комиссар не настаивал.

Перед уходом Яковлева, Алиса задала ему вопрос:

— Куда нас повезут?

— Сейчас я и сам не знаю. Распоряжение будет дано из Москвы телеграфом по пути следования.

Выезд из Тобольска был назначен в час ночи. Нужна была срочная подготовительная работа. Первым делом я отправился в Губисполком. До меня дошли сведения, что в городе появились офицеры, организовавшиеся в общество «фронтовиков» для освобождения семьи Романовых. Насчитывавшее до 1000 членов, но лишенное оружия, общество пока не предпринимало никаких реальных действий. На всякий случай, я просил Губисполком выставить к моменту выезда Романовых надежный караул от бывшего дома губернатора до реки Иртыша, чтобы тем самым предупредить возможное нападение. Затем я договорился относительно подачи лошадей. Мне удалось получить только 19 троек. К 12-ти часам ночи нам должны были подать их, запряженные в прочные дорожные тарантасы. Проездную плату мы установили поверстную. Тут же я передал для раздачи ямщикам бумажные ярлыки с порядковым номером и правила, которыми следует точно руководствоваться в пути. Окончив все дела в Губисполкоме, я вернулся в отряд. Здесь тоже предстояло не легкое дело. Отряд до сего времени не знал цели нашей командировки. Если тут же об'явить всем, что мы поедем обратно, да, кроме того, повезем с собой Романовых, то, конечно, все товарищи потребуют, чтобы их взяли с собой, а ведь мне удалось достать только 19 троек. Кто-то, следовательно, должен остаться. Но кто? Пришлось прибегнуть к маленькой хитрости. Я собрал весь отряд и сказал ребятам:

— Сегодня ночью со мной на север, в Березовск, должны выехать 17 товарищей при трех пулеметах. Желающие, записывайтесь! Но имейте в виду, что там, куда мы направляемся, стоят еще холода. Плохо одетые, с трудом переносящие холод, пусть лучше останутся на месте.

Маневр удался. Записались самые боевые, самые надежные товарищи.

К 12-ти часам отряд был готов. К этому же времени пришел заведующий извозчичьей биржей и доложил, что лошади поданы. Выходим на улицу. В колонну выстроено 19 троек. Согласно ранее выработанного плана, даю команде распоряжение занять свои места. Затем отдаю приказ ямщикам за №№ 4, 6, 9, 11, 12, 13, 14 и 15 в'ехать во двор бывшего губернаторского дома. Тут только отряд узнал, что мы едем не в

Березовск, а в Тюмень и везем с собой Романовых. Товарищи, которым пришлось остаться в Тобольске, стали упрашивать меня: возьмите и нас с собой. На сей раз я ответил; поскольку вы не хотели со мной ехать на север, то вам придется остаться здесь до первого парохода—подвод для всех не хватит.

Тарантасы в'ехали во двор. Сейчас же началась укладка багажа и посадка «важных пассажиров». Татьяна и Ольга вышли во двор вместе с уезжающими и стояли рядом с родителями, чуть сдерживая слезы. В момент посадки раздались громкие рыдания—это плакали старшие дочери Романовых.

Наконец, посадка закончена. Тройки выезжают на улицу, становятся на свои места, согласно номеров. Смотрю на часы: половина второго. Поезд готов. На всякий случай делаю последнюю поверку: все ли на своих местах. Оказалось: инструкции выполнены в точности. В тарантасе № 1 сидело 2 стрелка, № 2—2 пулеметчика с пулеметом Кольта, в № 3—2 стрелка, в № 4—комиссар Яковлев и Николай, в № 5—2 стрелка, о № 6—Алиса и Мария, № 7—2 стрелка, № 8—2 пулеметчика с пулеметами, в № 9—князь Голицын и доктор Боткин, № 10—стрелок и завхоз, № 11—камердинер и камердинерша, в № 12—Татищев с необходимым в дороге багажом и провизией, в №№ 13, 14, и 15—багаж пассажиров, в 16—2 представителя от бывшей охраны, в № 17—два пулеметчика с пулеметами, в № 18—два стрелка и в № 19—начальник отряда. Для разведки я выслал вперед верхами пять кавалеристов. Отдал распоряжение: по очереди одному отставать и докладывать мне о произведенных им наблюдениях.

Итак, все на месте. Все—в порядке. Даю сигнал к отправке. Поезд трогается.

Ночь. В городе—тихо. Чуть виднеются силуэты часовых, выставленных Губисполкомом по пути нашего следования. Изредка слышится лай собак. Под'езжаем к Иртышу. Надо переехать на другой берег по льду. Дорога кажется подозрительной. Приказываю отстегнуть пристяжек и перевести их под уздцы по настланным доскам. Перевезли. Затем, под конвоем стрелков, переводили пассажиров. Наконец, переехали и тарантасы. Все снова заняли свои места. Команда: ехать рысью до станка.

Не успели доехать до первой небольшой деревушки, как у моего тарантаса вдребезги разлетелись калеса. Пришлось отстать. Я свернул в деревушку, чтобы сменить тарантас, но его не оказалось. Поневоле пришлось удовлетвориться простой телегой, к счастью, на железном ходу.

Пока перепрягали лошадей, вокруг меня собралась вся деревня: и стар, и млад. Лавина вопросов: куда повезут Николая? Запомнился старик с длинной, седой бородой.

— Паря, ты уж будь добр, скажи, бога ради, куда это царя-батюшку везут? В Москву, што-ль?

— В Москву, дедушка, в Москву.

Лошади готовы. Сажусь. От'езжая, слышу слова старика:

— Ну, слава-те, господи, таперь будет порядок.

Ямщик тикнул. Лошади понеслись стрелой. Того и гляди, вылетишь из телеги. Крепко держусь. По дороге местами—грязь, местами—снег. В

лицо летят комья. На зубах—неприятный хруст, не то грязь, не то песок. В пяти верстах от первого станка, мы догоняем поезд.

В центре села к моменту нашего приезда кавалеристом, оставленным нами, были приготовлены, согласно моей телеграммы, 19 троек. Когда передняя тройка нашего поезда поравнялась с головой приготовленной смены, даю приказ остановиться. Затем—второй приказ: пересаживаться. Все это занимает не более пяти минут. И снова—летим.

На нашем пути лежит село Покровское (Распутино). Здесь предстояло сменить лошадей. Пока происходила пересадка, я, случайно взглянув в сторону, где находились Алиса и Мария, заметил, что Алиса пристально смотрит на второй этаж ближайшего дома и что-то шепчет. Незаметно для нее, я зашел за тарантас и посмотрел по тому же направлению. В окне стояли две женщины: пожилая и молодая, за ними—молодой человек в студенческой форме. Пожилая делала какие-то знаки руками и платком. Я направил на них маузер, они сейчас же заметили меня и отошли от окна.

Когда мы поехали, я спросил своего возницу:

— Чей это двухэтажный дом, у которого происходила смена лошадей?

— А это, паря, дом знаменитый. Тута-кось жил сам Распутин. И село-то это при царе переименовано было в Распутино.

Доехали до Тобола. Большое село. Сделали остановку—пора закусить. Здесь нас встретил Петр Гузаков. Еще из Тюмени Яковлев дал ему телеграмму в Симский Округ прибыть с отрядом в 150 человек в Тюмень, а самому выехать к нам навстречу. В Тоболе заехали в лучший дом, заняли две комнаты. В одну поместили бывшую царскую семью, а другую заняли комиссар, Гузаков и я. Наши товарищи разместились в соседних домах. Закусили, напились чаю, немного отдохнули. Отдаю распоряжение подавать лошадей, и опять катай, родные, до Тюмени.

Удивительные сибирские лошадки! Смотреть: маленькие, слабые, а верст 10 летят во весь дух, передохнут шагом 2—3 минуты и снова летят стрелой. Возницы только погикивают.

По выезде из Тобола, Гузаков был назначен начальником отряда, а я—его помощником. Яковлев вместе с Гузаковым сели в мой тарантас, а я поехал с Николаем. Разговаривать дорогой почти нет никакой возможности. Летят комья грязи. Но Николаю, видимо, хотелось заговорить. Вынув порт-сигар, он предложил мне папиросу. Я отказался. Пауза. А через некоторое время:

— Какое военное училище окончил ваш комиссар?

— Насколько я знаю, он окончил только электро-техническую школу в Бельгии.

— Да, видно, что он виды видывал. С перчиком комиссар.

В этот момент с заднего колеса за воротник шинели Николаю залетела грязь. Он стал ее вытаскивать. Достал порядочный комок и показывает мне.

— В бытность вашу царем,—заметил я ему,—вам бы следовало здесь проложить железную дорогу. Ведь, право же, удобнее было бы ехать теперь в поезде, чем трястись в дорожном тарантасе.

— Да, конечно, лучше, но вот... не было средств.

И, видимо, чтобы перевести разговор на менее неприятную тему, Романов задал мне вопрос:

— А скажите: Вы какое военное училище окончили?

— Никакого военного образования я не получал.

— Как же так? Ведь вы—начальник отряда?

— Да, я—начальник отряда, но у нас не обязательно иметь для этого военное образование. Да мне его и не на что было получать. А командовать я научился на каторге.

Такого ответа Николай, вероятно, не ожидал и больше вопросов не задавал мне.

Вспомнив годы, проведенные на каторге, я обозлился: «из-за тебя, чорта, пришлось сидеть на каторге, а теперь вези тебя, окарауливай»...

На следующем станке я опять поменялся местом с Яковлевым. На сей раз Алисе и Марии достался почтовый тарантас на высоких колесах. Мария быстро взобралась, а Алиса—никак. Мария тянет ее сверху за руку, Николай помогает снизу, ничего не выходит. Чтобы не задерживать посадки, я подошел и помог Алисе. Та процедила сквозь зубы: «Спасибо», а глаза говорили другое: «Эх, дескать, попадись ты мне в руки, я с тобой разделалась бы».

В Тюмень мы приехали в полночь. Весь путь,—220 верст,—мы проделали в 24 часа. Под'ехали к вокзалу. Состав, в котором был отряд Гузакова, был подан на первый путь. Занимаем вагон 1-го класса. В средних двух купэ разместили пассажиров: в первом—Николая, Алису, Марию и камердинершу, во втором—Голицына, Боткина, Татищева и камердинера. В двух боковых купэ поместились: Яковлев, Гузаков, завхоз отряда Фотиев, я и еще 4 товарища из отряда. Двери у купэ пассажиров оставили открытыми. На площадках выставили часовых.

Когда все разместились по местам, Голицын обращается к Романову:

— Николай Александрович, не нужно ли купить чего-нибудь из с'естных припасов на станции?

— Я думаю, что у нас всего достаточно. Колбаса, масло, хлеб есть. Нет, не надо.

Подали паровоз, поездная прислуга заняла свои места, путевка получена, машинист дал свисток, и поезд тронулся по направлению к Екатеринбургу.

В пути Яковлев получил агентурные сведения, что около какого-то железно-дорожного моста подготовляется нападение на наш поезд. На ближайшей станции Яковлев и Гузаков с кем-то говорили по телеграфу. Вернувшись, комиссар дал распоряжение направить поезд обратно в Тюмень. Паровоз перевели в хвост состава и мы поехали назад. В Тюмени Яковлев переговорил по прямому проводу с тов. Свердловым. Было получено распоряжение: ехать в Омск.

Двинулись. От'ехали две-три станции.

— Куда мы едем?—обратился ко мне вдруг Голицын,—как-будто в обратную сторону.

— Едем правильно: туда, куда надо.

Пассажиры начали нервничать. Голицын не отходил от окна и что-то тихо говорил Николаю.

с Под'езжаем к большой станции. Прошу всех отойти от окон и опу тить занавески. Наколай сейчас же исполняет мое требование, а Голицын начинает препираться:

— Почему я должен отойти? Я хочу смотреть в окно.

— Прошу отойти без рассуждений. Ваша власть прошла.

Стиснув зубы, он ушел к себе в купэ и часа три не выходил.

Настало утро. На ближайшей станции, согласно ранее данной телеграммы, приготовили обед и подали его в вагон-салон. Поезд тронулся. Мы предложили пассажирам пообедать. Все пошли в вагон-салон, за исключением Алисы, которая, как вошла в купе, легла на нижнюю полку, устремила свой взгляд в корридор и так лежала всю дорогу. По ее глазам видно было, что она ненавидела и презирала всех и все, что творится вокруг нее. Глаза тигрицы, которая бессильна сломать клетку, но чувствовалось: будь у нее сила и власть, она разорвала бы каждого из нас собственными руками. Зато Николай—полная противоположность Алисе. После общего, хотя бы показного, поклонения во время его, еще столь недавнего, царствования, бывший «самодержец» к моменту переезда в Екатеринбург дошел до того, что в течение всего пути каждый раз при встречах, что случалось по нескольку раз в день, без всякой надобности, униженно, заискивающе отдавал честь комиссару, начальнику и даже рядовым нашим товарищам. От «величества» осталось ничтожество.

Несмотря на все принятые нами меры к сохранению инкогнито наших пассажиров, все, живущие у железной дороги, очевидно, были уведомлены о перевозке Романовых. Под'езжая к большим станциям, мы в наших вагонах опускали занавеси, и все же на каждой станции к приходу поезда собиралась большая толпа. Публика забрасывала нас вопросами:

— Кто едет в вагоне?

Мы всем отвечали: «английская миссия».

Во избежание могущих быть недоразумений, мы на больших станциях делали минимальные остановки, зато на небольших раз'ездах поезостанавливался иногда часа на полтора. Большею частью гулять выходили Николай, Мария, изредка—Татищев, Голицын, Боткин. Алиса не выходила ни разу.

Когда до Омска остался только один раз'езд, комиссар приказал отцепить паровоз и, вместе с кем-то из товарищей (фамилии непомню), поехал на паровозе в Омск для переговоров по прямому проводу с тов. Свердловым. Часа через три Яковлев вернулся и об'явил, что мы едем обратно в Екатеринбург.

Туда мы доехали без всяких приключений. Наш состав подали на вокзал Екатеринбург II, на вторую линию. На перрон были выставлены две цепи из нашего отряда. Яковлев и Гузаков уехали в город.

На вокзале—огромная толпа. Вся станция запружена народом, главным образом, рабочими. Скоро, под напором толпы, цепи начинают сдавать. Выставляю на помощь третью. Но это не сдерживает натиска рабочих. Они возбуждены, требуют, чтобы мы показали Николая. Пытаемся убедить, что в поезде едет только английская миссия, что Романов—в Тобольске. Не действует. Из толпы доносятся возгласы:

— Шишь, не проведешь. Давай сюда этого палача. Мы с ним расправимся.

Чувствую, что слова не брошены на ветер. Надо принять срочные меры. Даю распоряжение обер-кондуктору передать начальнику станции мою просьбу о переводе нашего поезда с этой платформы. Одновременно прошу машиниста, маневрировавшего паровозом, дать ход между нашим составом и толпой. Машинист дает тихий ход, и беспрерывно сигнализирует свистком, направляет свой поезд по указанному пути. Цепь отошла к нашему составу. Постепенно маневровый поезд загородил нас. Этим моментом я воспользовался и дал сигнал машинисту перевести наш состав на вокзал Екатеринбург I. Товарищи вскочили в вагоны. Поезд подошел к воинской площадке. Вскоре туда же под'ехали две легких и одна грузовая машина. Это вернулись Яковлев и Гузаков с представителями Екатеринбургского Революционного комитета.

Пассажирам было предложено выйти из вагона и пересесть в автомобили. Усадив Романовых, Яковлев, вместе с ними, вновь уехал в город для оформления соответствующих документов о передаче бывшей царской семьи Екатеринбургскому Ревкому.

Это было, насколько мне помнится, 2 мая 1918 года. В тот же день мы уехали обратно в Уфу.

Павлов.

Революционер крепкой воли, железных нервов.

Мне припоминается интересный факт. Из Иркутска двигался какой-то казачий баталион. Из центра была получена телеграмма—разоружить эту воинскую часть. В исполкоме обсудили вопрос и поручили это выполнить тов. Зенцову. Мне, кстати, понадбилось поехать на вокзал. Приезжаю. Выхожу на перрон. Зенцов уже там. Подходит поезд. Сейчас начнется история. Нужно войти в вагон командного состава и сказать: «будьте любезны, постановлением исполкома я должен вас разоружить».

Зенцов спокоен; руки—в карманах: «Иди, Большаков».

— Ну, что ты! Они—офицеры, а у меня на плечах ничего нет.

— Эх, ты! Ну, давай сюда!

У Зенцова в руках оказывается какая-то штучка.

В это время из вагонов выскакивают люди в папахах. Зенцов—кним.

— Где командир баталиона?

— В вагоне.

— Мне его нужно видеть.

— Нельзя!

— Скажите: представитель губисполкома.

Докладывают.

Зенцов—один, Большаков исчезает. Я, в качестве штатского пассажира, стою около классного вагона. Вижу: выходит Зенцов. Что там произошло, не знаю: был он там не более 10 минут. Слышу!

— 2 минуты на размышление!

— Ну, думаю, сейчас начнется.

А Зенцов—ко мне:

— Те где?

— Не знаю.

Проходят две минуты.

И снова—резко: Еще 2 минуты, или кончен бал.

В это время из вагона выходит седоусый генерал и обращается к Зенцову.

— Сдаемся, но только не сдаем оружия.

— Выходи из вагона!

Выходят.

А Зенцов—один. Один человек пришел разоружать целый отряд.

Наконец, появляется Большаков; вместе с ним—еще кто-то. Генерал приглашает в буфет 1 класса. Процедура продолжается больше часу. Меня интересует: где же военная сила? Ведь, Зенцов ее, безусловно, затребовал

Наконец, эти силы явились... но без штыков.

— Становиться в шеренгу!

Разоружение сибирских казаков начинается.

— Оружие при вас находящееся, сдайте сюда.

Приказ Зенцова выполняется. В мгновение вырастает пирамида.

— Нет, это не все!

А в руках у Зенцова—бомба.

—а Заходи в вагон!

Заходят. И вот начинают вытаскивать из вагонов.

Чтсов до 6-ти продолжалось разоружение.

Что произошло после этой истории, я не помню. Я рассказываю об этом только для того, чтобы напомнить товарищам о Зенцове, революционере крепкой воли, железных нервов.

В. Заикин.

Орган пролетарской диктатуры.

Уфимский Городской Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

(Страничка истории).

Уфимский Городской Совет Рабочих и Солдатских Депутатов организовался в марте 1917 года. Мы говорим: «Совет Рабочих и Солдатских Депутатов» потому, что в Уфе с самого начала не было самостоятельного Совета Солдатских Депутатов, —организовалась только военная секция из депутатов от армейских частей, стоявших в Уфе. Этим самым Уфимский Совет устранил возможность политических разногласий между рабочими и солдатскими массами.

Первое время Совет в большинстве состоял из эсэров и меньшевиков. Первым председателем Совета был эсэр Гиневский. Из большевиков в Исполнительном Комитете Совета были: Н. П. Брюханов, Цюрупа, Эльцин, Юрьев, Плотников и Першин.

Уфимский Городской Совет, как и везде, об'единяя авангард революции—городской пролетариат, сыграл первостепенную роль в Октябрьской революции и в первых шагах Советской власти, в послеоктябрьские дни.

Совету, наряду с основной задачей: борьбой за власть, за овладение массами, в период между Февралем и Октябрем пришлось выдержать не мало схваток со стихией погромов, которыми руководили темные элементы, враги революции, сторонники самодержавия. Буржуазия, в лице городской думы и ее исполнительного органа—городской управы, не хотела и не могла вести борьбу с этими погромами: в хаосе легче укрепить свое политическое господство. Это труднейшее дело пришлось на себя взять Совету: при помощи милиции, военных частей, распропагандированных лозунгом «вся власть Советам» и рабочих дружин, Уфимский Совет успешно преодолевал стихийные силы.

Рабочий класс и его передовая часть—партия большевиков—вполне сознавали, что погромы—не метод классовой борьбы. Поэтому, ликвидируя хаос, Совет одновременно воспитывал массы рабочих и солдат в духе дисциплины, без которой немыслима победа пролетариата, немыслимо его руководство трудовым крестьянством и, стало быть, немыслима победа над буржуазией.

1 сенября была созвана демократическая дума, состоявшая, в большинстве, из меньшевиков и эсэров. Новая управа приняла от старой пустую кассу. Казалось бы, чего проще: большинство и в думе, и в управе—за социалистами. Остается захватить власть, конфисковать имущество буржуазии. Но вышло не так. Возглавлявшие думу и управу, эсэры, во главе с Гиневским, Бриллиантовым и Шеломенцевым, попросили у буржуазии... займа для пополнения кассы, пытаясь, на средства буржуазии, организовать и вооружить отряды обороны. Большевики эту затею быстро разоблачили и принялись за подготовку разгона «теплой компании».

Управление городской милицией была вырвано из рук капитана старой армии Чаплинцева и местного торговца Вячкилева и передана в руки большевиков. Начальниками милиции были: Петр Зенцов, Кривов Андрей, Ермолаев и другие,—все: старые большевики, боевики-подпольщики, которые скоро стали пугалом для буржуазии. Гарнизон тоже перешел в руки большевика.

В одном из последних заседаний городской думы, в момент самой острой борьбы за власть в городе, кадет Петр Толстой произнес истерическую речь против большевиков-захватчиков, грозя им всяческими карами. Ему отвечал тов. Свидерский; после этого дума была силой распущена, и Совет принял управление городом.

В первое время после захвата власти Советом, понятно, не могло быть речи об органическом руководстве городским хозяйством. Город был полон солдат, а с момента переворота началась стихийная демобилизация, надо было расквартировать прибывавшие части, кормить их, надо было воевать с Дутовым, который все время оперировал у Оренбурга и ставил под удар Уфу; к тому же и местная буржуазия, вместе с ее защитниками, не скоро сложила оружие. На Уфимский край, кроме всего, возлагалась большая ответственность перед очагами революции: Ленинградом и Москвой. Нужно было снабжать красные столицы продовольствием, и Совету приходилось создавать дружины для охраны маршрутов.

Только 19 февраля 1918 года Городскому Совету удалось оформить и уточнить свою работу. Были организованы отделы: распорядительный, сметно-финансовый, медико-санитарный, статистический, продовольственный, народного образования и строительный.

К Совету перешла вся земля вокруг города, принадлежавшая раньше помещикам Уфы, в количестве 22-х тысяч десятин. Как и следовало ожидать, вокруг этой земли завязалась, не новая для большевиков, борьба с эсэрами. Последние предлагали эту землю поделить между крестьянами окружающих город деревень,—большевики настаивали на том, чтобы оставить землю за Городским Советом. В конце-концов, победили большевики.

Никакой плановой работы, впрочем, Совет вести не мог. Вскоре началось восстание чехо-словаков. В июле месяце 1918 года Совет вынужден был эвакуироваться вниз по Белой, вместе с частями Красной армии, которая только-что началась складываться из отрядов Боевых Организаций Народного Вооружения, (так они были наименованы их организатором, Эразмом Самуиловичем Кадомцевым). Между прочим, реорганизации Б. О. Н. В. в регулярную Красную армию во много содействовал тов. Подвойский, специально для этого приехавший в Уфу.

Красная армия вернулась в город 1 января 1919 года и отступила снова 10 марта. За этот период Уфа все время находилась под ударом колчаковщины, и заниматься строительством Городскому Совету, конечно, не пришлось. Эти месяцы были посвящены обороне города и укреплению Красной армии. Лишь в июле 1919 года Уфа вновь была возвращена рабочему классу. И с этого момента начинается беспрерывная творческая работа органа пролетарской диктатуры—Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов.

Документы.

Этап, оставленный позади.

В Уфимской группе с.-д. партии.

Тотчас после крушения старой власти среди местных с.-д. началась организационная работа. Прежде всего, были учтены все наличные социал-демократические силы в Уфимской губернии. Затем, после ряда организационных собраний были образованы временные партийные учреждения: Уфимский комитет российской социал-демократической рабочей партии и выделенный им из своего состава президиум.

В комитет избраны: 1. И. М. Беляков, 2. М. И. Родионов, 3. И. А. Ахтямов, 4. П. З. Кузнецов, 5. Ф. Я. Першин, 6. А. Ф. Петров, 7. А. И. Пшеничников, 8. Н. П. Брюханов, 9. А. И. Свидерский, 10. В. М. Эльцын, 11. А. Д. Цюрупа, 12. Д. С. Стрежнев и 13. М. А. Павлов.

В состав президиума вошли: 1. И. А. Ахтямов, А. И. Свидерский, 3. Б. М. Эльцин, 4. Н. П. Брюханов, 5. М. И. Родионов и казначей комитета А. Д. Цюрупа. Председателем комитета и президиума избран А. И. Ахтямов.

Покончив с организацией наличных партийных сил вчерне и приняв необходимые меры к изданию своей газеты, группа приступила к выяснению своего отношения к переживаемому моменту и вытекавшим из него тактическим задачам. Доклад на эту тему было поручено составить А. И. Свидерскому.

В заседании 17 марта докладчик представил свои соображения, заключавшиеся в следующем:

1. Своей задачей, как и раньше, социал-демократия ставит борьбу за удовлетворение классовых, политических и экономических потребностей рабочего класса и, в конечном итоге, борьбу за социализм.

2. В этих целях социал-демократия должна использовать все революционные завоевания и делать шаги к дальнейшему их развитию.

3. В качестве выразительницы классовой идеологии пролетариата, социал-демократия обязана немедленно приступить как к организации своих партийных сил, так и к организации рабочего класса в советы рабочих депутатов, заводские комитеты, профессиональные союзы и кооперативы.

4. Так как интересы пролетариата в переживаемый момент требуют особо тесного единения с армией и широкими слоями демократии, то соответственную организационную работу и идейную пропаганду социал-демократия ведет как в армии, так и в разных демократических слоях населения.

5. Борясь за удовлетворение классовых, политических и экономических интересов пролетариата и в конечном итоге—за социализм, социал-демократия руководствуется в своей деятельности интернационалистическими идеями, противопоставляя их идеям империализма и национализма.

6. В виду изложенного, социал-демократия должна поставить своей ближайшей целью борьбу за установление в России народовластия в форме демократической республики и немедленную ликвидацию войны без всяких аннексий и контрибуций, не поддерживая, однако, лозунга немедленного прекращения войны Россией, а, наоборот, выдвигая необходимость ликвидации войны на указанных выше условиях.

7. В связи с указанным, социал-демократия поддерживает Временное правительство и оказывает ему всяческое содействие во всем, что способствует установлению народовластия, активно выступая против всех мероприятий Временного правительства, препятствующих установлению народовластия и идущих в разрез с классовыми интересами пролетариата.

8. Так как в вопросе об отношении к войне Временное правительство стоит на империалистической точке зрения, то социал-демократия, опираясь на организованные силы пролетариата, должна стремиться к замене Временным правительством официальных империалистических лозунгов войны лозунгом ликвидации войны без аннексий и контрибуций.

9. Одновременно социал-демократия оказывает надлежащее воздействие на демократию союзных и воюющих с ними государств в целях признания ими их правительствами указанного выше лозунга ликвидации мирового пожара, так как происходящая война может быть ликвидирована с действительным обеспечением интересов демократии только дружными революционными усилиями рабочих всех воюющих стран.

10. В виду того, что, в силу сложившихся условий, борьба с внешним врагом в данный момент является и войной за установление народовластия в России, и за ликвидацию войны без аннексий и контрибуций, социал-демократия согласует свою деятельность с требованиями, неизбежно вызываемыми войной.

Прения по заслушанному докладу затянулись далеко за полночь и в результате, группа согласилась с докладчиком, вкратце формулировавшим свои положения о войне следующим образом:

— Долой войну империалистическую! Да здравствует мир без аннексий и контребуций.

— Да здравствует война, как неизбежное средство защиты от империалистической Германии, несущей России контр-революцию и поражение—как демократии русской, так и демократии международной.

Группа единогласно приняла тезис 7-го доклада и единогласно же вынесла следующие постановления по вопросу об отношении к войне:

1. Признать необходимой всемирную борьбу с ярко выраженным в настоящей мировой войне империализмом европейской и русской буржуазии.

2. Признать необходимым, в целях защиты революционных завоеваний русской демократии, оказавшейся в авангарде международной демократии, продолжение войны до торжества идеи международного мира без аннексий и контрибуций.

3. Признать неизбежным согласование деятельности партии с требованиями, диктуемыми необходимостью продолжения войны в указанных выше целях.

В заключение группа единогласно признала необходимым немедленный созыв партийного с'езда.

«Вперед» № 1, 9 марта 1917 г.

ВОЗЗВАНИЕ.

ТОВАРИЩИ и ГРАЖДАНЕ!

5 марта в г. Уфе организовался Совет рабочих и солдатских депутатов.

Его цель—успешное завершение революционной борьбы в интересах демократии, его задачи—превратить революционные демократические массы в революционные демократические организации и об'единить эти организации. **Только таким путем будет обеспечена форма правления, которая отвечает интересам широких слоев населения.**

В центре организации Совета рабочих и солдатских депутатов стоят рабочие—этот передовой отряд революционной демократии, самый решительный из всех отрядов и групп ее.

Вокруг рабочих плотной и толстой стеной должны организоваться все прочие слои демократии.

В этом залог победы, которую нужно еще развивать и развивать, а для этого необходимо, чтоб за дело революции, за дело свободы взялись все классы и элементы народа, не продавшиеся старому строю и не развращенные им.

Революционная стихия растет с каждым днем, и мы, рабочие и солдаты, должны остаться той непреклонной единой организованной силой, которая в каждый момент, а тем более в моменты колебания разношерстного общества, будет вносить в общее движение последовательность, планомерность и сознательность.

Для этого Совет должен опираться на широкие организованные народные силы, а потому, товарищи-рабочие и солдаты, немедленно организуйтесь, устраивайте районные революционные Комитеты, восстанавливайте организации, разрушенные, старым правительтвом, заживите полной организованной жизнью, и вступайте в составс Совета рабочих и солдатских депутатов. В этом задача момента, это—святая обязанность народной демократии.

Вперед, товарищи!

Да здравствует революционный и организованный пролетариат!

Да здравствует организованный солдат-революционер!

Да здравствует революционный Совет рабочих и солдатских депутатов!

Исполнительный Комитет.

1 марта 1917 года.

Необходимые замечания.

1. Краткие очерки, посвященные прошлому Уфимской организации к Октябрьскому перевороту в Приуралье и Южном Урале, являются сокращенным изложением застенографированных воспоминаний товарищей, игравших руководящую роль в Уфе и заводах в дни Февраля и Октября.

2. Редакция сборника отдает себе полный отчет в том, что материалы, в нем помещенные, ни в какой мере не исчерпывают темы. Они на это и не претендуют. Наша задача—внести небольшую лепту в общее дело изучения прошлого. Эта лепта очень скромна: роль массы оттенена в весьма незначительной степени, ряд крупных вопросов не затронут, но, если в таком виде, сборник натолкнет товарищей на восстановление в памяти и передачу молодежи фактов из славной эпохи, оставленной позади,—мы будем считать свою работу не праздной.

От имени Комиссии Истпарта: *В. Галанов.*
И. Бойцов.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

1. *А. Кийков.*—Южный Урал и Приуралье в годы империалистической войны 3
2. *Г. Касымов.*—Материалы к истории движения среди татар и башкир б. Уфимской губернии в дни Февраля и Октября 25

3. Из прошлого Уфимской партийной организации.

а) *Маринин.*—От Февраля к Октябрю 45
б) *А. Свидерский.*—Корни оппортунизма 47

4. Февраль и Октябрь в Южном Урале.

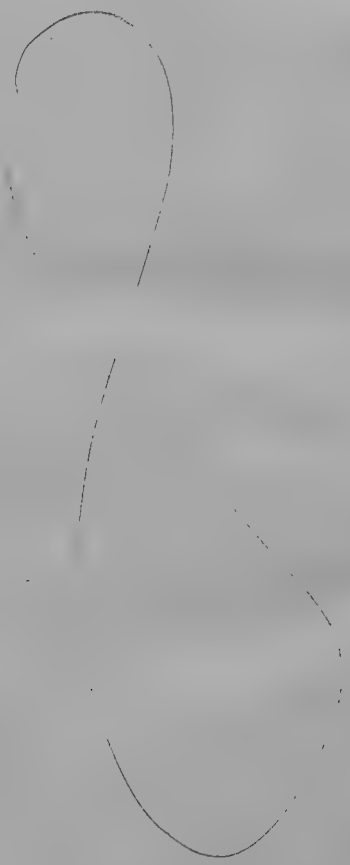
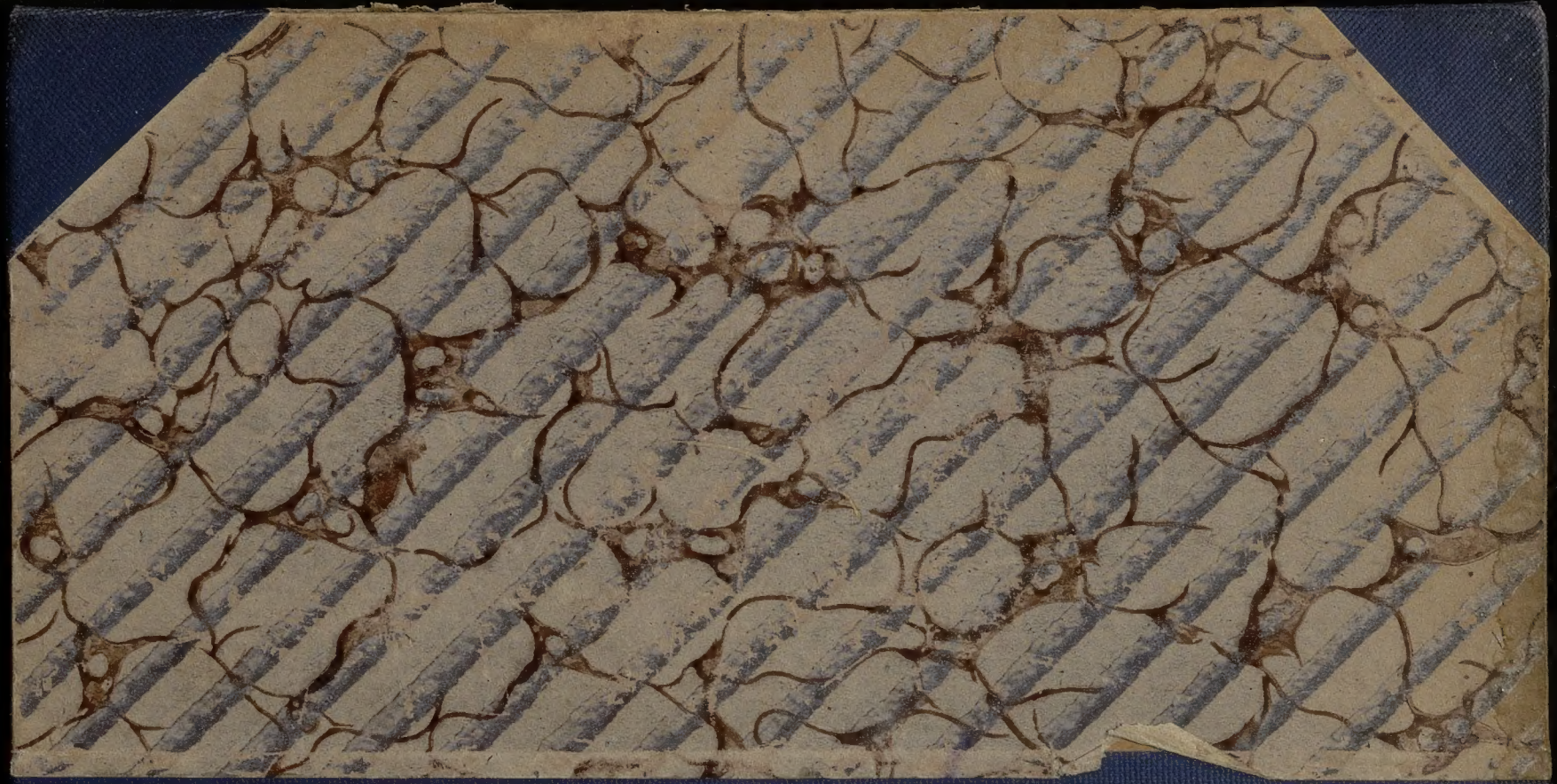
а) *П. Козлов.*—Октябрь в Белорецке 49
б) *И. Ф. Шубин.*—Как мы обороняли Тирлян 59
в) *Правдин.*—Путь к Октябрю 65
г) *Шварцман.*—«Гастроль» чехо-словаков в Златоусте . . 69

5. Страницы истории.

а) *Касьян.*—Как мы перевозили б. царскую семью из Тобольска в Екатеринбург 72
б) *Павлов* —Революционер крепкой воли, железных нервов 79
в) *В. Заикин,*—Орган пролетарской диктатуры 81

6 Документы.

а) Этап, оставленный позади 83
б) Воззвание 85

7. Необходимые замечания.

Цена 60 коп.